Б91

ИВ. БУНИНЪ.

РАЗСКАЗЫ

И СТИХОТВОРЕНІЯ 1907—10 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОССР
№ 6615 г.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ДОПОЛНЕННОЕ.

МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА.
Т-во Типо-Литографіи И. М. Машистова. Большая Садовая, соб. д.
1912.

ИВ. БУНИНЪ.

РАЗСКАЗЫ.

I

БѢДЕНЪ БѢСЪ.

I.

Съ горы, по наглаженной ухабистой дорогѣ, спускался къ рѣкѣ студентъ Вороновъ. Возлѣ моста, положивъ руки на костыль и глядя на рѣку, стоялъ какой-то маленькій человѣчекъ.

Изумрудныя льдины лежали вокругъ тэмно-лиловой проруби. Голоса бабъ, полоскавшихъ бѣлье, звонко раздавались въ морозномъ воздухѣ. Солнце скрывалось за садами и горою, снѣжная долина вся была въ тѣни, но оконца избъ и кресты розово-бѣлой церкви на противоположной сторонѣ еще горѣли лучистымъ золотомъ. Глубокіе январскіе снѣга, огромныя снѣжныя шапки на избахъ алѣли. Красновато чернѣлъ и сквозилъ возлѣ церкви садъ Вороновскаго помѣстья, густо и свѣжо темнѣли сосны палисадника. Дымъ изъ трубъ поднимался въ глубокое зеленоватое небо ровными фіолетовыми столбами.

Казалось, что стоявшій возлѣ моста любуется.

Мимо него, со скрипомъ, раскатываясь, неслись розвальни: шибко возвращался обозъ порожнякомъ. И онъ благоразумно отошелъ къ сторонкѣ, въ снѣгъ.

— Держись, –срѣжу! — весело крикнулъ одинъ изъ обозчиковъ, сани котораго раскатились особенно лихо.

Стоявшій обернулся, что-то крикнулъ въ отвѣтъ... И, махнувъ рукой, закашлялся.

Студентъ сбѣжалъ къ мосту,—онъ все кашлялъ. По вытянутой шеѣ и склоненной головѣ, по тому, какъ онъ отставилъ костыль, опершись на него обѣими руками, видно было, что кашель затяжной, мучительный. Но, должно быть, притворный: вѣрно, это—дурачокъ, бродяга по святымъ мѣстамъ и, вѣрно, онъ замѣтилъ барина.

Студентъ поравнялся съ нимъ, заглянулъ ему въ лицо, подъ самодѣльную финскую шапку съ наушниками и назатыльникомъ, мѣхомъ внутрь. Тогда онъ смолкъ, низко поклонился и, отдуваясь, медленно побрелъ по мосту, съ визгомъ вонзая въ снѣгъ желѣзный наконечникъ костыля. Худыя ноги въ большихъ лаптяхъ еле волочились...

Нѣтъ, не дурачокъ. Просто нищій и больной.

Необычайна была только аккуратность, съ которой лежали мѣшки за его спиной. Необыченъ и зипунишка—цвѣта ржаного хлѣба, старый, но тщательно заплатанный и доходившій всего до колѣнъ: колѣни были прикрыты кожаными полами,—полами, отрѣзанными отъ тощаго закорузлаго полушубка и къ зипуну пришитыми. И уже совсѣмъ необычно было лицо—лицо подростка лѣтъ подъ сорокъ: блѣдное и изможденное, простое и печальное. Черные глазки глядѣли со страннымъ спокойствіемъ. Пепельныя губы среди рѣденькихъ усовъ и бороды полуоткрывались. Прядь длинныхъ волосъ, по-женски ложившаяся на маленькое восковое ухо подъ наушникомъ, была суха и мертва, какъ у отшельника. Тѣло — щуплое, тощее, съ болѣзненно приподнятыми грудью и плечами...

— Застылъ, старикъ? — крикнулъ студентъ съ дѣланной бодростью.

Нищій пріостановился и тяжело перевелъ дыханіе, раскрывая ротъ, поднимая грудь и плечи.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ неожиданно-просто и даже какъ будто весело.—Застыть не застылъ...

И опять собрался съ духомъ и прибавилъ еще веселѣе—такимъ тономъ, точно все обстояло вполнѣ благополучно, кромѣ того, съ чѣмъ ужъ ничего не подѣлаешь:

— Застыть не застылъ. А вотъ здоровье...

Онъ приподнялъ грудь:

— А вотъ здоровье все хужѣетъ!

И легонько двинулся впередъ.

Студентъ осмотрѣлъ его лапти, онучи: ноги тонки и слабы, онучи тонки и стары, лапти разбиты, велики... И какъ это онъ ухитряется ходить по такому морозу?

— Ужъ очень у тебя, дядя, обужа-одежа плоха!—сказалъ студентъ.

— Обужа, вѣрно, плоха, — согласился нищій. — А одежа... нѣтъ, одежа ничего. У меня подъ ней кофта ватная.

— Все-таки студишься, небось, безъ валенокъ-то?

— Студишься... Бока дюже колетъ. Закашляешься—ну, прямо смерть.

Говорить на ходу было, однако, трудно. И студентъ остановился. Остановился и нищій и поспѣшилъ положить дрожавшія руки на костыль.

— Дальній?

— Дальній... Изъ-подъ Ливенъ.

— Давно удушье-то?

— Удушье-то? Семой годъ.

— Селитру не жегъ? Очень помогаетъ.

— Нѣтъ. Перецъ... пилъ.

Студентъ покачалъ головою.

— Глупо!—сказалъ онъ.—Я вотъ на доктора учусь, докторомъ, значитъ, буду... понимаешь?

— Дѣло хорошее... Какъ не понимать!

— Ну, такъ и послушайся меня: перецъ не пей, а купи селитры. И стоитъ-то всего двѣ копейки! Разведи, намочи бумагу, высуши и жги. Подышишь — полегчаетъ.

И опять согласился нищій, не придавъ, видимо, ни малѣйшаго значенія селитрѣ:

— Это можно. Деньги не велики.

— А ночевать гдѣ нынче будешь?

— Ночевать-то? Ночевать вездѣ можно. Въ Знаменскомъ ночую...

— Та-акъ!—усмѣхнулся студентъ.—Но вѣдь ты туда къ свѣту со своей ходьбой придешь!

— Мнѣ спѣшить некуда. Сила, братецъ ты мой, не въ томъ...

Нищій виновато улыбнулся, собираясь съ духомъ:

— Сила въ томъ, что здоровье все хужѣетъ!

И это было сказано такъ трогательно, что студентъ слегка смѣшался. Помолчалъ и спросилъ:

— По деревнѣ пойдешь?

— Нѣтъ. Нынче собралъ малость. Я на это не жаденъ.

— А водку пьешь?

— Не пьютъ на небеси, а тутъ—кому ни поднеси... Много не пью,

— Поборъ въ мѣшкахъ-то?

— Ну, поборъ! Добришко... Рубахи, портки. Портокъ у меня много... Трое... А вотъ рубахи—бѣда. Каляныя дюже.

— То-есть, какъ каляныя?

— Жестки дюже. Съ каляными воротами. Баринъ измалковскій далъ...

За мостомъ дорога раздваивалась: одна шла круто

въ гору, къ Вороновскому помѣстью, другая, отлогая, наискось къ церкви.

— Слушай,—сказалъ студентъ,—пойдемъ къ намъ. Я бы тебѣ деньжонокъ далъ...

Солнце закатывалось. Нищій посмотрѣлъ на гору, на свѣжую, густую зелень палисадника, на мертвѣющія сизыя крыши, на малахитовые снѣга выгона... И не спѣша отвѣтилъ:

— Бѣденъ бѣсъ, на немъ креста нѣтъ. А деньжонокъ не плохо бы...

— Ну вотъ и пойдемъ.

— А пойтить... не пойду. Думается, и такъ управлюсь. Гора-то... дюже высока.

— Ну что жъ, что высока? Зато отдохнешь. Ночуешь.

Нищій подумалъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ твердо,—не ночую. Думаю—въ Знаменскомъ. Спаси Христосъ...

И склонивъ голову, отдуваясь, полегоньку, но упорно побрелъ по дорогѣ къ церкви.

II.

Студентъ забѣжалъ домой, захватилъ кошелекъ и догналъ этого чудака на выѣздѣ въ поле. Оттуда, съ сѣвера, дуло острымъ морознымъ вѣтромъ, клейко схватывавшимъ усы и рѣсницы. Темнѣла и вся двигалась мутно-фіолетовая снѣжная равнина, отлого поднимавшаяся къ высокому вѣтряку на горизонтѣ. Свѣтъ заката еще брезжилъ на ея крестомъ простертыхъ крыльяхъ. А темнѣющее поле все курилось и курчавилось, бѣжало быстрой дымящейся зыбью поземки.

— На-ко вотъ тебѣ полтинничекъ,—слегка задохнув-

шись, сказалъ студентъ, когда, на скрипъ шаговъ, нищій обернулся и остановился.—Да скажи, какъ поминать тебя,—прибавилъ онъ шутливо.

Нищій усмѣхнулся.

— А мнѣ теперь ничего, полегчало,—отвѣтилъ онъ бодро, хотя лицо его посинѣло и сморщилось, а на глазахъ отъ вѣтра выступили слезы.

Снявъ большую варежку, онъ неловко взялъ мертвыми ледяными пальцами монету и задумчиво посмотрѣлъ на нее. Студентъ ждалъ великой радости, но и поблагодарилъ нищій довольно спокойно:

— Вотъ за это спасибо... А поминать меня, Богъ дастъ, не придется. Дойду.

— Серьезно, какъ звать-то тебя и что ты за чудакъ такой?—спросилъ студентъ.

— Звать-то? Звали Лукьяномъ... А ужъ чѣмъ чуденъ я—не знаю.

— Да вѣдь замерзнешь!

— И замерзнешь—не откажешься. Смерть, братъ,—она, какъ солнце, глазами не глянешь. А найдетъ—вездѣ. Да и помирать-то не десять разъ, а всего одинъ.

— Въ рай, значитъ, спѣшишь попасть?—сказалъ студентъ насмѣшливо, трогая ухо и поворачиваясь отъ вѣтра.

— Зачѣмъ въ рай? Это еще дѣло темное—не то есть онъ, рай-то, не то нѣтъ. А мнѣ и тутъ не плохо...

Вѣтеръ все сильнѣе дулъ въ спину, въ голову, леденилъ затылокъ, знобилъ, дѣлалъ тонкими, легкими ноги. Студентъ опустилъ руку и съ удивленіемъ взглянулъ въ лицо нищаго.

— Ого!—сказалъ онъ.—Это тебѣ-то не плохо?

Нищій тоже взглянулъ ему въ глаза.

— А что же мнѣ? — спросилъ онъ.— Бѣденъ бѣсъ, на немъ креста нѣтъ. А я живу себѣ...

— Да, вотъ оно что! „Какъ птицы небесныя“...

— А что жъ—птицы небесныя? Птицы-звѣри всякіе, они, братъ, объ раяхъ не думаютъ, замерзнуть не боятся.

— Да ты—что? Философъ? Атеистъ?

— Не понимаю я этихъ словъ.

— Знаю, что не понимаешь. Я хотѣлъ спросить: въ Бога-то ты вѣришь?

Нищій подумалъ.

— Въ Бога—нѣтъ того созданія, чтобъ не вѣрило,—твердо сказалъ онъ.

Студентъ взглянулъ на него съ еще большимъ удивленіемъ. Но стоять было такъ холодно, что онъ поколебался, поколебался—и рѣшительно выговорилъ:

— Ну, съ Богомъ!

— Стало быть, прощайте,—отозвался нищій и тряхнулъ своей круглой шапкой.—Спаси Христосъ.

И, подумавъ, еще разъ тряхнулъ, надѣлъ варежку и повернулся... Маленькій, сгорбленный, съ высокимъ костылемъ, онъ скоро сталъ еще меньше, по поясъ утонулъ въ сумеркахъ и волнистой снѣжной зыби, густо бѣжавшей на него отъ мельницы...

Вечеромъ студентъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ по залу. Прислуга спала. На столѣ горѣла лампа, въ углу, предъ иконой—лампадка: когда барыни не было дома, нянька всегда зажигала ее,—чтобы Богъ далъ благополучную дорогу. И теперь студентъ съ тревогой посматривалъ на часы,—былъ уже девятый, а матери все не было.

— Дикари!—говорилъ онъ иногда вслухъ, вспоминая нищаго.

Ночью онъ спалъ мало. Съ вечера читалъ Юнга и часовъ въ десять, въ валенкахъ и башлыкѣ, вышелъ взглянуть на восходъ Близнецовъ, да кстати и на по-

году. И на порогѣ сѣней оторопѣлъ: показалось, что свѣту Божьяго не видно, — такъ гулко шумѣлъ садъ отъ морозной бури, такъ бѣшено несла поземка. Но странно!—садъ четко чернѣлъ надъ ея непрерывно несущимися вихрями, и звѣзды огнемъ горѣли на черно-синемъ чистомъ небѣ. Утопая въ снѣгу, нагибая голову отъ жгучей, захватывающей духъ, пыли, студентъ одолѣлъ гудящую аллею и глянулъ въ поле: темь, смутно волнующееся бѣлесое море—и надъ нимъ, какъ два страшныхъ, то исчезающихъ, то появляющихся алмазно-голубыхъ глаза, двѣ яркихъ широко разставленныхъ звѣзды...

Второй разъ студентъ добрался до садоваго вала въ двѣнадцатомъ часу. То же самое! Только еще морознѣе и страшнѣе. Все спитъ мертвымъ сномъ, нигдѣ ни огонька, садъ реветъ властно и дико. Небо еще чище, чернѣе, звѣзды еще пламеннѣе. А надъ бѣлымъ моремъ метели—два еще шире раскинутыхъ, кровавыхъ глаза: рѣдкое и зловѣщее сочетаніе Арктура и Марса. Остро блещутъ зерна Волопаса, вѣеромъ разсыпанныя на горизонтѣ за мельницей. Близнецы, сдвинувшись, горятъ почти надъ головой...

— Замерзнетъ, чортъ!—съ сердцемъ подумалъ студентъ.

И всю ночь тревожно и однообразно стучали въ темный домъ, заносимый снѣгомъ, плохо прикрытые ставни. До костей промерзнувъ на вѣтру, студентъ заснулъ крѣпко, но потомъ сталъ сквозь сонъ томиться этимъ стукомъ. Онъ очнулся, зажегъ свѣчу, одѣлся... Ставни уже не стучали. И, выйдя на крыльцо, онъ услыхалъ отдаленную сонно-пѣвучую перекличку пѣтуховъ и замеръ отъ восхищенія.

Свѣжо и остро пахло тѣмъ особеннымъ воздухомъ, что бываетъ послѣ вьюги съ сѣвера. Тихая, звонкая

ночь, вся золотистая отъ полумѣсяца, низко стоявшаго надъ побѣлѣвшими садами за долиной, мѣшалась съ тонкимъ свѣтомъ зари, чуть алѣвшей на востокѣ. Треугольникомъ дрожащаго расплавленнаго золота висѣла тамъ Венера. Марсъ и Арктуръ искрились высоко на западѣ. И всѣ звѣзды, мелкія и крупныя, такъ отдѣлялись отъ бездоннаго неба, такъ были ярки и чисты, что золотыя и хрустальныя нити текли отъ нихъ чуть не до самыхъ снѣговъ, слабо отражавшихъ ихъ блескъ. Горѣли огни по избамъ на селѣ, сонно-пѣвуче пѣли пѣтухи, какъ бы убаюкивая нѣжно-усталый, склоняющійся полумѣсяцъ. И съ звонкимъ скрипомъ, съ визгомъ въѣзжала въ ворота знакомая тройка—вся сѣро-курчавая отъ инея, съ бѣлыми пушистыми рѣсницами...

Когда студентъ подбѣжалъ къ санямъ, мать и кучеръ въ одинъ голосъ крикнули ему, что на знаменской дорогѣ лежитъ въ снѣгу мертвое тѣло.

III.

Лежало оно внизъ лицомъ. Подняли его въ тотъ же день, въ обѣдъ. Но какой-то звѣрокъ уже успѣлъ обгрызть ему шею.

Станового оно дожидалось въ холодной избѣ старосты. Постелили на полу соломки—и положили...

Закопали просто и равнодушно.

Взглянуть на него студентъ почему-то не рѣшился. Пошелъ только къ выносу, къ церкви. Опять былъ морозный ясный вечеръ, опять весело блестѣлъ крестъ въ зеленоватомъ небѣ. На крыльцѣ сторожки возлѣ воротъ церковной ограды, безъ шапки стоялъ лысый сторожъ, георгіевскій кавалеръ, и съ дѣтски-старческимъ азар-

томъ въ сотый разъ разсказывалъ студенту о томъ, какъ онъ былъ подъ „Кискинтинополемъ“.

— Хорошо. Идемъ,—говорилъ онъ, неизвѣстно чему радуясь, удивляясь, тараща слезящіеся глаза.—Становимся въ этой самой, въ Санъ-Стефанѣ. Ну теперь шабашъ ему, значитъ! Прямо—шабашъ... Только что жъ вы, господа, думаете?

И лицо сторожа дѣлалось еще изумленнѣе, еще хитрѣй и радостнѣй.

— Что жъ вы думаете!—вскрикивалъ онъ, выдержавъ паузу, хлопнувъ себя по ляжкамъ и заливаясь сиплымъ притворнымъ смѣхомъ.—Вдругъ приказъ: назадъ! Окороти!

— А ты боялся на войнѣ?— спросилъ студентъ.—Смерти-то боишься?

— Смерти-то? Чего жъ ее бояться? Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать!

— Эко-ся!—сказалъ студентъ, поддѣлываясь подъ его тонъ.—А ну-ка да нѣтъ тамъ ничего,—на томъ свѣтѣ-то?

Сторожъ подумалъ, хитрыми глазами глядя въ землю. И вдругъ быстро и восторженно срѣзалъ его:

— Такъ. А кто жъ колчегъ-то строилъ?

Студентъ опѣшилъ. „Какой такой колчегъ? Ковчегъ, что ли?“—хотѣлъ спросить онъ. Но сторожъ ужъ замѣтилъ, что срѣзалъ.

— Вотъ то-то и оно-то! — воскликнулъ онъ восторженно.

— Дикарь!—подумалъ студентъ съ сердцемъ и отвернулся.

Подходили, весело переговариваясь, дѣвки и ребятишки изъ училища. Сторожъ выбралъ взглядомъ одного изъ нихъ и вдругъ по-солдатски гаркнулъ:

— Пашка! Отвѣчай скорѣе: кто колчегъ построилъ?

Пашка глянулъ на студента, побагровѣлъ и низко нагнулъ голову.

— Ты голову-то не вороти, а говори мнѣ: Богъ ай нѣтъ?

— Богъ,—пробормоталъ Пашка.

— Вотъ то-то и оно-то!—сказалъ сторожъ.

Наконецъ, показалась небольшая толпа: нѣсколько человѣкъ, безъ шапокъ, низко несли на полотенцахъ огромный тесовый гробъ. Ударили въ колоколъ. Подкатили козырьки съ высокимъ и сутулымъ дьякономъ и сѣдобородымъ попомъ въ теплой скуфьѣ.

— Поживѣй, ребятушки, поживѣй!--бодро крикнулъ попъ, выпрастывая изъ козырьковъ ногу въ огромной калошѣ.

И тащившіе гробъ почти бѣгомъ, съ оживленными лицами, спотыкаясь подъ тяжестью, дружной толпой кинулись въ ворота среди дѣвокъ и мальчишекъ. Студентъ, съ застучавшимъ сердцемъ, приподнялъ картузъ и покосился на коленкоръ, закрывавшій лицо этого страннаго, всѣмъ чужого покойника.

Вдругъ изъ-подъ горы показался мужикъ, рыжій, лохматый, тоже съ раскрытой головой,—съ дѣтскимъ гробикомъ подъ мышкой. Онъ бѣжалъ и весь сіялъ отъ радости.

— Разрѣшилъ!—крикнулъ онъ сторожу и, добѣжавъ до церковной ограды, остановился перевести духъ.—Разрѣшилъ! Дьяконъ было уперся, а батюшка и слова не сказалъ...

Сторожъ хлопнулъ себя по ляжкамъ и вытаращилъ слезящіеся глаза.

— Да что ты? Ну, значитъ, могарычъ! Только что жъ ты, дуракъ, съ гробомъ-то бѣгалъ?

Мужикъ заволновался.

— Чудакъ человѣкъ! Да ты жъ самъ болталъ—не

велитъ, молъ, батюшка безъ спросу въ церковь ставить... Да и тяжести-то всего два фунта.

— А въ чемъ дѣло?—спросилъ студентъ.

— Да въ томъ дѣло, что ужъ очень ловко линія мнѣ вышла, — взволнованно и радостно сказалъ мужикъ. — То бы мнѣ, значитъ, для дѣвчонки-то могилку рыть, да батюшку, али, скажемъ, хоть отца дьякона тревожить, да то, да се, пятое-десятое, а тутъ такъ ловко вышло, что поставлю я ее съ Господомъ на этого самаго странничка—и шабашъ!

— Ну, вотъ, къ тому я и говорю,—перебилъ сторожъ.—Къ тому и веду, что могарычъ съ тебя на радостяхъ.

— За мной, братъ, не пропадетъ, — пробормоталъ мужикъ, поворачиваясь къ воротамъ.

На могарычъ и пошелъ полтинникъ, подаренный нищему. Его нашли въ варежкѣ покойника и вернули „по принадлежности“. Но онъ казался такимъ страннымъ отъ мертвой руки, сжимавшей его, что студентъ радъ былъ отъ него избавиться.

Долго казалась ему странной и безымянная могила, выросшая на погостѣ за церковью. Все вспоминались высокій костыль, финская шапка, черные глаза, прядь длинныхъ волосъ. Хотѣлось написать разсказъ... Но вѣдь столько уже написано объ этихъ замерзающихъ! Хотѣлось озаглавить зло и рѣзко: „Дикари“. Но дикари ли?.. Да и смущалъ, трогалъ дѣтскій гробикъ, случайно попавшій въ эту могилу, на чей-то безтолково-огромный, всѣмъ чужой гробъ... Развѣ это выразишь?

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

I.

Въ этотъ вечеръ мы встрѣтились на станціи.

Она кого-то ждала и была разсѣяна.

Поѣздъ пришелъ и затопилъ платформу народомъ. Пахло пачулью, лѣсомъ послѣ дождя, каменнымъ углемъ. Знакомыхъ было такъ много, что мы едва успѣвали раскланиваться. Но того, кого она тревожно искала глазами, невпопадъ отвѣчая на мои вопросы,—не было.

Поѣздъ тронулся—и она остановилась, глядя широко раскрытыми синими глазами на мелькающіе вдоль платформы вагоны. Въ окнахъ, на площадкахъ—всюду были лица, лица... Но того лица, что было нужно, не было.

Наконецъ, стѣна вагоновъ сразу оборвалась, мелькнулъ задній буферъ, поѣздъ, быстро уменьшаясь, сталъ таять въ пролетѣ между зелеными лѣсами—и на опустѣвшей платформѣ тонко заблестѣли длинныя полоски дождевой воды, голубой отъ неба. Но она все стояла, глядя на просѣку.

Платформа была въ тѣни,—солнце скрылось за ея навѣсомъ, сзади насъ, но дачи въ лѣсу, напротивъ, были еще озарены и весело горѣли стеклами, какъ золотой слюдой. Гдѣ-то страстно и отчаянно, въ носъ, пѣлъ граммофонъ; гдѣ-то щелкали шары крокета и раздавались крики... Я проводилъ глазами пѣгаго легаша, бѣжавшаго по рельсамъ, и уже взялся было за

козырекъ. Но тутъ она, даже не взглянувъ на меня, коротко сказала: „Пройдемтесь немного“—и я пошелъ.

За платформой въ глаза ударило яркое вечернее солнце; но дальше стоялъ тѣнистый лѣсъ. И мы долго шли его прохладной просѣкой, по корнямъ и утоптаннымъ, упругимъ тропинкамъ возлѣ грязной дороги, среди зеленыхъ лимовъ, осинъ и густого орѣшника, задѣвавшаго насъ бархатистой листвой.

Она шла впереди,—и я глядѣлъ на ея юбку, подоломъ которой она обвила себѣ ноги, на клѣтчатую кофточку, на тяжелый узелъ агатовыхъ косъ. Она шла и ловко выбирала мѣста посуше, наклоняясь отъ вѣтокъ.

И, помню, мнѣ было скучновато.

Надоѣло молчать, надоѣло нести на рукѣ пальто...

— О чемъ вы думаете?—спросила она разъ, не оборачиваясь.

— О вашихъ ботинкахъ,—сказалъ я.—Ноги у васъ красивыя и обувь всегда отличная,—главное, не на французскихъ каблукахъ. Не вѣрю женщинамъ на французскихъ каблукахъ.

— А мнѣ вѣрите?

— Вѣрю.

И мы опять замолчали.

Но вотъ просѣка кончилась, мы очутились на солнцѣ—на открытомъ зеленомъ бугрѣ,—и она вдругъ остановилась и обернулась.

Лицо ея было весело и спокойно.

— Какой вы милый!—сказала она.—Идетъ себѣ и молчитъ... У меня неожиданный приливъ нѣжности къ вамъ.

Я отвѣтилъ сдержанно, чуть улыбаясь:

— Спасибо. Это въ горѣ бываетъ.

Она широко раскрыла заблестѣвшіе глаза.

— Въ горѣ? Да клянусь вамъ всѣмъ, чѣмъ угодно! Напротивъ...

— Толкуйте!

— Не вѣрите?

— Не вѣрю. Мало того: знаю, что сейчасъ вы предложите мнѣ догонять васъ.

— Браво! Угадали. Хотите?

Я подошелъ къ ней и, взявъ за руки, слегка притянулъ къ себѣ. Она отклонилась.

— Нѣтъ,—пробормотала она.—Нѣтъ... Пожалуйста!

И, помолчавъ, ловкимъ движеніемъ выдернула руки, подхватила юбки и побѣжала съ бугра въ разлужье.

Направо и налѣво были овраги, заросшіе лѣсомъ, впереди—широкая лощина, покрытая рядами скошеннаго сѣна, почти вся въ тѣни. Сбѣжавъ въ разлужье, она остановилась на границѣ этой тѣни, въ блескѣ низкаго солнца. Но, подпустивъ меня на шагъ, прыгнула черезъ канаву и пустилась по лощинѣ. Я прыгнулъ за нею—и вдругъ съ неба посыпался быстрый сухой шорохъ, а на взгорье налѣво внезапно пала легкая, чуть дымящаяся радуга.

— Дождь!—звонко крикнула она и еще быстрѣе побѣжала по засверкавшему подъ ливнемъ лугу.

Половина его, еще озаренная солнцемъ, дрожала и сіяла въ стеклянной, переливающейся золотомъ сѣти,—рѣдкій крупный дождь сыпался на нее торопливо и шумно. Видно было, какъ длинными иглами неслись съ веселаго голубого неба, изъ высокой дымчатой тучки, капли... Потомъ онѣ замелькали рѣже, радуга на взгорьѣ стала меркнуть—и шорохъ сразу замеръ.

Добѣжавъ до стога, она упала въ него и засмѣялась.

— Возьмите хоть пальто-то!—крикнулъ я.

— Да ужъ прошло все,—отвѣтила она, блестя счастливыми глазами.

Однако, поднялась и накинула пальто на плечи.

— Недостаетъ надѣть набекрень вашъ картузъ,— сказала она.—И потомъ сняться, какъ это дѣлаютъ всѣ дачныя дѣвицы.

Смѣхъ еще искрился въ ея глазахъ, грудь дышала порывисто, въ волосахъ мерцали капельки.

— Попробуйте, какъ бьется сердце,—прибавила она, взявъ мою руку.

Я неловко приложилъ ладонь къ ея лѣвой груди. Потомъ обнялъ за талію и слегка притянулъ къ себѣ.

— Лена...

— Что?—спросила она шопотомъ, таинственнымъ и ласковымъ, и взглянула на меня большими синими глазами.—Ну, что?

Я наклонился къ ея полуоткрытымъ губамъ и не отрывался отъ нихъ долго-долго...

Она не сопротивлялась.

Потомъ тихо отстранила меня, сѣла на сѣно и отвернула отъ меня зардѣвшееся лицо. Она перекусывала сухой стебелекъ и блестящими глазами разсѣянно смотрѣла куда-то вдаль.

— Это первый и послѣдній разъ, — сказала она.— Хорошо?

— Хорошо,—отвѣтилъ я.

— Серьезно?

— Совершенно.

Она пристально посмотрѣла на меня.

— А вы хоть немножко любите меня?

— Мнѣ сейчасъ очень хорошо съ вами.

— И мнѣ... Впрочемъ, мнѣ ужъ давно... И не ревнуете меня ни къ кому... Мое чувство къ вамъ... не обычайно, что ли, но никогда еще...

— Вѣрю и понимаю.

Она задумалась.

— А часто мы будемъ встрѣчаться?

— Каждый день.

— А то, что я ждала кого-то, право, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ намъ...

Она протянула мнѣ руки. Я поцѣловалъ сперва одну, потомъ другую.

— А теперь пойдемъ. Хорошо?

— Хорошо. Но куда?

— Еще немного по лугу.

— А мамаша съ папашей?

— Это пустяки. Мама надуется, а папа — чудесный человѣкъ... Впрочемъ, всѣ дѣвицы обожаютъ отцовъ... Поднимите меня.

Я поднялъ ее—и она мелькомъ, застѣнчиво улыбнулась. Потомъ милыми женскими движеніями поправила волосы, глубоко вздохнула свѣжестью луга и подобрала юбки.

Въ лѣсу, то тамъ, то здѣсь, глухо куковала кукушка, оттѣняя глубину и звучность его послѣ дождя, высоко въ небѣ плыли и таяли теплыя дымчатыя облака съ золотисто-алыми краями... И, немного фальшиво поддерживая незначительный разговоръ, дѣлая видъ, что не случилось ничего особеннаго, мы легко пошли куда глаза глядятъ по лугу.

II.

На обратномъ пути мы заблудились.

Были сумерки, надвигались тучи... Я слегка растерялся.

Но она быстро сообразила, что́ гдѣ. И увѣренно повела меня.

Тутъ, уступая моей просьбѣ, кратко, намеками, не

называя имени и волнуясь, она разсказала мнѣ свою исторію. Но видно было, что ей хотѣлось отдалить этотъ разговоръ. Кончивъ, она долго шла молча.

Потомъ заглянула мнѣ въ лицо:

— А если *я* спрошу что-нибудь? — сказала она.— У васъ вѣдь тоже что-то было?

— Боже мой, у кого этого не было!

— И что же—вы были... счастливы?

— „На свѣтѣ счастья нѣтъ"...—сказалъ я шутливо.

— „А есть покой и воля"...—добавила она.—Да, да... Но—серьезно?

— Одинъ вечеръ былъ чудесный.

— Милый, разскажите,—какъ это было?

— Въ морѣ, осенью. Мы съ ней сидѣли въ каютъ-компаніи. Пароходъ былъ старый, полугрузовой. Она читала, я слушалъ, какъ шумѣлъ за тонкими стѣнами вѣтеръ, смотрѣлъ то въ круглые иллюминаторы, то на ея проборъ. Волосы у нея были черные, рѣсницы длинныя, кроткія. Темнѣло, пароходъ шелъ, кланяясь и раскачиваясь, по иллюминаторамъ, то опускаясь, то поднимаясь, двигалась полоска горизонта...

— А что такое иллюминаторъ?

— Окно.

— Корабельное? Ахъ, Боже мой, Боже мой! Какъ бы я хотѣла...

— Далеко, далеко?

— Ну, да, далеко, далеко. Не смѣйтесь: это такая завѣтная мечта!.. Впрочемъ, разсказывайте лучше.

— Да и разсказывать-то больше нечего. Иногда я видѣлъ только волны, синеватую волнистую равнину, идущую въ гору; иногда—только пустое облачное небо. Лакеи, присѣдая, стучали тяжелыми тарелками, раскладывали ихъ по столу; два нѣмца, скованные узкими модными костюмами и высокими воротничками, разсматривали свои письма, счеты и съ величайшимъ трудомъ поворачивали головы съ короткими, прилизанными волосами...

— Да нѣтъ, милый, вы серьезно разсказывайте!

— Самымъ серьезнымъ образомъ.

— Да, но совсѣмъ не о томъ. Мнѣ это ужасно нравится, но сейчасъ мнѣ не до нѣмцевъ.

— А безъ нѣмцевъ я не могу.

— Ну, разсказывайте, какъ можете.

— Ну, такъ вотъ, я и говорю: сидѣли нѣмцы, слышался глухой и неравномѣрный грохотъ винта, работавшаго гдѣ-то глубоко подъ нами, да шумъ волнъ, бившихъ въ корму, царапавшихъ обшивку... Наступала ночь, качка, а мнѣ казалось, что все хорошо, все отлично, что я теперь могу ничего не бояться... Помню, она сказала: „темно"—и подняла на меня довѣрчивые дѣвичьи глаза... Встала, покачнулась, засмѣялась, схватилась за мою руку... И мы пошли по зыбкимъ, поминутно опускающимся лѣстницамъ въ рубку... Вѣтеръ вырвалъ изъ моихъ рукъ дверь, какъ только мы переступили порогъ на палубу, обдалъ насъ холодомъ, свѣжестью, запахомъ моря, оглушилъ смѣшаннымъ шумомъ волнъ и снастей... И такъ далѣе, и такъ далѣе...

Я замолкъ, она тоже помолчала. Она опустила голову и что-то думала, разглядывая дорогу.

Въ лѣсу стояли долгія сѣверныя сумерки. А лѣсъ, молчаливый, темный, тянулся на много верстъ вокругъ. И весь этотъ лѣсной край былъ погруженъ теперь въ грустное и спокойное ожиданіе ночи, медленно наставшей, безшумно приближавшейся по глухимъ тропинкамъ, подъ недвижными вѣтвями березъ и елей. Зыбкій полусвѣтъ, сохранившійся отъ заката, таялъ, задремывалъ. Мелкое болотистое озеро, по берегу кото-

раго мы пробирались, еще бѣлѣло межъ деревьевъ. Но и оно было тускло и печально—какъ все въ лѣсу.

— А потомъ?—вдругъ спросила она.

— Что жъ потомъ? Конечно, будни, ссоры, непониманіе другъ друга... Вы не устали?

— Нѣтъ,—отвѣтила она.—Я, мнѣ кажется, тысячу верстъ могу нынче пройти. Да скоро и линія, а тамъ, по шпаламъ, будетъ легче...

Надвинулись тучи, сливаясь съ темнотою лѣса. Цѣпенѣлъ теплый сонный воздухъ, напоенный прянымъ ароматомъ болотныхъ травъ и хвои. Свѣтляки золотистыми изумрудами тлѣли подъ кустами, задремывающими подъ таинственный шопотъ кузнечиковъ... Чтобы сократить путь, мы повернули отъ озера въ длинный и широкій коридоръ вѣковыхъ сосенъ. И, уже съ трудомъ различая дорогу, пошли по глубокому песку и корнямъ къ полянѣ.

И вдругъ...

Что-то зашуршало въ сухой перепутанной хвоѣ—и оттуда коломъ вынырнула большая головастая сова. Она метнулась на насъ—я даже успѣлъ разглядѣть ея сѣрые штаники—и взвилась на своихъ широкихъ, круглыхъ крыльяхъ.

Она отшатнулась и стала.

А сова, беззвучно описавъ дугу, снова пала внизъ и плавно потонула въ чащѣ вѣтвей и мракѣ.

— Не къ добру,—сказала она, покачавъ головой.

Я улыбнулся.

— Увѣряю васъ, не къ добру,—повторила она просто и настойчиво.

— Что же будетъ?

— Ахъ, да что всегда бываетъ! Впрочемъ, мнѣ все равно... Все равно, эти дни съ вами и особенно этотъ

вечеръ я никогда не забуду. Дайте я поцѣлую васъ—на прощаніе. Мы почти пришли.

— Бросьте вы эту мистику,—сказалъ я.

— Да нѣтъ, я многаго вамъ не досказала...

— А условіе?

— Ну, что жъ, и это по-женски... Вѣдь мы больше не увидимся. Ну?

Она обняла меня и крѣпко поцѣловала въ губы. Грустно и нѣжно посмотрѣла въ лицо, подумала и поцѣловала одинъ глазъ, другой...

— Совсѣмъ какъ въ романѣ,—тихо сказала она.—Возьму васъ теперь подъ руку и пойдемъ себѣ къ дому...

И мы пошли черезъ поляну на зеленый огонекъ семафора, мерцавшій за деревьями. Совсѣмъ стемнѣло; тихо зашепталсяся съ лѣсомъ дождь. А когда мы вбѣжали на балконъ дачи, подъ парусиновый навѣсъ, къ чайному столу, освѣщенному свѣчами въ колпачкахъ, дождь уже лилъ какъ изъ ведра.

Мы отряхивались и притворно-весело разсказывали, какъ мы заблудились, какъ искали дорогу. И вдругъ смолкли: изъ темнаго угла балкона, съ качалки, поднялся непомѣрно высокій, худой и широкоплечій человѣкъ лѣтъ тридцати, съ красивымъ голымъ черепомъ, чудесной черной бородой и блестящими глазами. Старики смутились, она поблѣднѣла... Мы пожали его большую руку и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, я посмотрѣлъ ему въ лицо и сказалъ:

— Боже, какой вы высокій!

— Дальше видно,—отвѣтилъ онъ машинально, оглядывая меня.

— Изъ васъ вышелъ бы отличный средневѣковый латникъ.

— Да?—живо спросилъ онъ.—Что жъ, могло быть.

Знаете, какъ меня зовутъ? Графъ Маммуна. Я немного арабъ.

Я съ притворнымъ изумленіемъ раскрылъ глаза:

— Эль-Маммуна?..

И поспѣшилъ проститься.

Мнѣ отыскали старый огромный зонтъ, раскрывавшійся съ трескомъ, какъ какая-то высушенная черная птица, надавали совѣтовъ, гдѣ лучше пройти, и я спустился съ мокрыхъ ступеней балкона въ непроглядную тьму ночи.

Она стояла на порогѣ, въ свѣтломъ треугольникѣ парусиннаго шатра. Когда я добрался до калитки, она, не повышая голоса, спросила:

— Нашли?

И еще тише прибавила:

— Прощайте.

И это было послѣднее слово, слышанное мною отъ нея.

III.

„Дорогой другъ мой,—писала она мнѣ черезъ четыре мѣсяца послѣ этого,—помните ли, что я говорила вамъ? Я была права.

Я была совершенно ошеломлена. Я была ошеломлена тѣмъ, что такъ неожиданно и просто произошло между нами. Какъ только мы пошли по лугу, я внутренно ахнула: „Какъ быть теперь?“ Но все-таки я была за сто верстъ отъ мысли, что все это оборвется такъ внезапно...

Не вините меня, что я исчезла, даже не предупредивъ васъ. Онъ въ тысячу разъ сильнѣе меня. Я потеряла волю, упустила страшный моментъ, когда еще можно было все переломить—и, можетъ быть,—такъ

хорошо переломить! Но дѣло сдѣлано — и теперь у меня нѣтъ уже почти никакихъ надеждъ на встрѣчу съ вами. Да и какъ бы мы встрѣтились? Мнѣ кажется, я нисколько, нисколько не обманываю себя насчетъ *вашего* чувства. Для васъ это былъ очень неожиданный и очень маленькій романъ. Но все равно: клянусь вамъ,—если я кого-нибудь любила за всю свою жизнь, то это васъ. Старая пѣсня, какъ вы говорите...

Что такое эта миріады разъ воспѣтая людьми любовь? Мнѣ часто казалось, что пора бы и постыдиться воспѣвать ее. Но, можетъ быть, дѣло-то и не въ самой любви. Въ письмахъ одного умершаго писателя я недавно прочла:

— Любовь—это когда хочется того, чего нѣтъ и не бываетъ.

Да, да, никогда не бываетъ! Но все равно. Нужно нести въ себѣ хоть какой-нибудь, хоть слабенькій огонекъ!

Вспоминаю я васъ чаще всего въ сумерки. Въ сумерки мы простились, въ сумерки я пишу вамъ это первое и, вѣрно, послѣднее письмо.

Въ тѣ вечера, что бываютъ похожи на тотъ золотой, единственный вечеръ, когда я поцѣловала васъ, я не могу думать. Мнѣ хочется тогда закричать, заплакать страшными, отчаянными слезами.

Другое дѣло—ночь, сумерки...

Пишу вамъ Богъ знаетъ откуда: изъ Гларнскихъ Альпъ, изъ ледяного пустого отеля за облаками, въ октябрьскій вечеръ. У него начинается чахотка—и я безсовѣстно издѣваюсь надъ его жизнью. Я не только держу его въ Альпахъ въ самую нелѣпую пору—я еще таскаю его въ самые скверные туманные дни по озерамъ, въ горы... Мы теперь совсѣмъ чужіе другъ другу, но теперь *онъ* покоренъ мнѣ.

Онъ молчитъ по цѣлымъ днямъ, блеститъ глазами, но покоренъ. Молча шелъ и на Риги. Когда мы вошли сюда, прислуга отеля, доживающая здѣсь послѣднія дни простой, крестьянской жизнью въ кухнѣ, ахнула отъ изумленія: вотъ такъ гости! Но, можетъ быть, и потому, что онъ былъ блѣденъ и огроменъ, какъ смерть.

А пошла я сюда ради васъ. Чтобы думать, вспоминать въ тишинѣ, въ безнадежности...

Такъ хорошо, такъ задумчиво синѣютъ поздней осенью долины, уходя другъ за другомъ въ горы. А вершины горъ, дикія, сумрачныя, по плечи тонутъ въ облачномъ небѣ. Небо равнодушно и низко виситъ надъ озерами, и неподвижно лежатъ темно-свинцовыя озера, налитыя между туманно-сизыми кряжами. Когда я гляжу въ это облачное небо, меня всегда тянетъ уйти въ его туманы, провести ночь въ какомъ-нибудь пустомъ горномъ отелѣ... Я бы полжизни отдала, чтобы вы были здѣсь, со мною, а не онъ,—буду же хоть писать вамъ. И пошлю письмо изъ Люцерна, заказнымъ... Милый, дорогой!

Мы уѣхали изъ города на пароходѣ утромъ, а послѣ полудня были уже далеко въ горахъ. Немного жутко было,—а вдругъ пойдутъ метели? Но какая-то старенькая обезьяна въ деревянныхъ башмакахъ, бритая, съ черной трубочкой въ зубахъ, встрѣтившаяся намъ, когда мы только что вступили на забытую до весны зубчатую дорогу, утѣшила насъ: „О, нѣтъ, это еще не пора метелей“.

Зато какъ печально тутъ!

Низкорослый лѣсъ на обрывахъ и скатахъ былъ рѣдокъ, дремалъ и скупо ронялъ мелкіе желтые листики. Иногда изъ-за деревьевъ глядѣли тупыя, изумленныя морды большихъ красныхъ коровъ. Иногда слышался птичій свистъ мальчишекъ-пастуховъ, собиравшихъ по кустарникамъ хворостъ...

Когда замерли и эти звуки, въ воздухѣ очень посвѣжѣло...

Въ глубочайшей тишинѣ мы шагали все выше и выше, а съ горъ, съ кручъ, сумрачно синѣвшихъ сосновыми лѣсами, сѣрымъ дымомъ спускалась зима.

Останавливаясь, чтобы передохнуть, я подолгу смотрѣла въ долины, слабо лиловѣвшія въ деревьяхъ далеко внизу. Тогда слышно было паденіе каждаго листика. Мокрые кустарники плакали—тихо, тихо...

Близъ какого-то тоннеля, чернѣвшаго своимъ жерломъ въ туманѣ, встрѣтили какой-то поселокъ—пять-шесть сонныхъ хижинокъ на скатѣ. Только не спѣша можно было одолѣвать трудный подъемъ по грязнымъ скользкимъ шпаламъ. Но очень скоро отъ поселка осталось одно пятно внизу, а съ горъ уже повѣяло сыростью осенняго снѣга.

Тутъ онъ остановился и предложилъ вернуться.

Я наотрѣзъ отказалась.

— Не остроумно,—сказалъ онъ задумчиво.—Я весь мокрый.

И прибавилъ:

— Похоже на бабій капризъ.

Мнѣ сдѣлалось страшно неловко, потому что и правда—послѣ этого разговора стало похоже.

Но тѣмъ досаднѣй и глупѣй было бы вернуться...

Туманъ все густѣлъ и темнѣлъ, а мы шли ему навстрѣчу, миновали черную, закопченную и гулкую дыру тоннеля, прошли почти отвѣсный мостъ надъ дымнымъ бездоннымъ ущельемъ... Если мой невольный спутникъ отставалъ, онъ мгновенно расплывался въ туманѣ. И когда мы перекликались, голоса наши были глухи и странны.

Разъ онъ окликнулъ меня,—онъ все сзади шелъ,—и, когда я остановилась, подошелъ и протянулъ мнѣ руку.

— Будь ласкова,—несмѣло сказалъ онъ,—заберись мнѣ въ рукавъ и вытяни фуфайку. У меня такія лапищи...

И мнѣ стало жаль его. Онъ уловилъ это, опустилъ глаза и прибавилъ:

— И потомъ, поѣдемъ куда-нибудь, гдѣ тепло, и займемся оба какимъ-нибудь дѣломъ. Я попробую поправиться... А такъ очень тяжело.

— Разойтись намъ надо,—отвѣтила я.

Онъ помолчалъ. И пробормоталъ, сдвигая брови:

— Трудно это...

— Тогда я возьму на себя этотъ трудъ—сказала я.—Эта драма начинаетъ становиться пошлой. Ты не смѣешь дѣлать меня жертвой своей нелѣпой страсти.

— Я все смѣю,—сказалъ онъ, въ упоръ глядя на меня.—Мнѣ терять нечего.

Я отвернулась и пошла...

Настою ли я на своемъ или нѣтъ, не знаю. Но внутренняя увѣренность въ этомъ у меня такъ сильна, что мнѣ не хочется даже обдумывать, какъ это выйдетъ.

Мокрые рельсы, покрытые тающимъ снѣгомъ, сбѣгали сверху, сосны и ели шли оттуда по обрывамъ. Въ сумеркахъ, въ туманѣ можно было скорѣе чувствовать, чѣмъ различать ихъ лиловыя пятна. И надо всѣми этими хмурыми горами стояла такая тяжкая тишина заоблачнаго царства, которая исключала малѣйшій признакъ жизни...

Но вотъ въ старой ели, стоявшей возлѣ дороги, послышался шорохъ. Помните сову? Я именно здѣсь вспомнила ее и послѣ этого рѣшила непремѣнно написать вамъ. Эта была, конечно, не сова, это былъ коро-

лекъ—кажется, самая маленькая изъ всѣхъ существующихъ птицъ. Сѣренькій, вспорхнулъ онъ съ мокраго дымящаго рукава ели, сѣлъ было на дорогу—и тихо перелетѣлъ къ обрывамъ налѣво, въ туманъ...

Представляете себѣ этотъ вечеръ? Мглистыя стѣны бора, мокрый блѣдный снѣгъ вдоль дороги, дымныя пропасти, гдѣ виситъ густая аспидная мгла... А королекъ спокоенъ. Онъ занятъ какимъ-то тихимъ дѣломъ. Его не пугаетъ зимняя горная ночь. Онъ проведетъ ее гдѣ придется—предоставивъ себя чьей-то высшей защитѣ... У меня же нѣтъ вѣры и въ эту защиту!

Вы, вѣрно, слышали, что мама умерла еще въ августѣ, сразу, отъ сердца. Папа очень опустился и совсѣмъ растерялъ паціентовъ. Бѣдна я ужасно—и, конечно, это сильно вліяетъ на мою рѣшимость вырваться на воздухъ. Стыдно сказать, но *своихъ* денегъ у меня осталось всего франковъ двѣнадцать. Я давеча хотѣла приказать истопить каминъ—и не рѣшилась, узнавъ, что корзинка еловыхъ шишекъ и щепочекъ стоитъ три франка...

Сейчасъ лягу спать въ этомъ пустомъ ледяномъ номерѣ, пахнущемъ сосною и, когда потушу электричество, буду думать, что я за облаками, въ настоящемъ царствѣ смерти. Онъ лежитъ въ сосѣднемъ номерѣ и глухо кашляетъ. Это не человѣкъ, а какія-то погребальныя дроги. Я ненавижу его всей душою!

Больше я писать вамъ, вѣрно, не буду. Если встрѣтимся и я буду свободна, поцѣлую ваши руки отъ радости—дѣлайте тогда со мной, что хотите. Нѣтъ—такъ тому и быть.

Ради Бога напишите мнѣ хоть словечко—въ Веве.

Ваша Лена“.

IV.

Но и это письмо дошло до меня Богъ знаетъ когда. Изъ Москвы переслали его въ деревню. Тамъ оно провалялось чуть не три мѣсяца, потомъ колесило по югу. И получилъ я его уже въ началѣ марта, передъ отъѣздомъ изъ Крыма.

Тронуло оно меня, взволновало—ужасно.

„Ваша Лена!“

Но, побѣгавъ по набережной, я такъ и не придумалъ, что написать въ отвѣтъ, что сдѣлать. Придумалъ только одно, прости меня, Боже:

— Поѣду-ка и я черезъ горы, на лошадяхъ.

На крымскихъ горахъ тоже висѣлъ туманъ. Но была весна, мнѣ было двадцать восемь лѣтъ...

На Ляй-Лю, въ грязной корчмѣ на перевалѣ, я пилъ кислое красное вино, пока перепрягали тройку. Все тонуло во мглѣ, проносившейся по вѣтру мимо окошечка корчмы — и вспоминались осенніе вечера, пастухи, проводящіе здѣсь почти всю свою жизнь среди облаковъ и свиста горнаго вѣтра, овцы, жмущіяся другъ къ другу въ загонахъ... Я вынулъ письмо съ Риги, перечиталъ его—и у меня забилось сердце.

— Ахъ, милая, чудесная! Но что сдѣлать? Что сдѣлать?

Въ корчмѣ не сидѣлось. Я вышелъ на воздухъ...

Туманъ розовѣлъ, таялъ. Въ мглистой вышинѣ свѣтлѣло, теплѣло. Въ небесахъ, въ дыму облаковъ обозначалось что-то радостное, нѣжное... Оно росло, ширилось—и внезапно засіяло лазурью...

Надо написать,—непремѣнно!

Но что?

У нея синіе прелестные глаза, грудной голосъ... У нея есть и красота, и умъ, и вкусъ, и здоровье, и молодость... „Поцѣлую ваши руки отъ радости, если буду свободна и встрѣчу васъ“... А я ничего не могу! Я самъ едва выпутался изъ не менѣе тяжелой исторіи...

Въ величавомъ храмѣ горной пустыни, окружавшей меня, сіялъ легкій, легкій куполъ. Но еще долго рѣяла по Ляй-Лю тонкая разсѣянная мгла, еще долго, какъ жертвенники, курились зубчатые утесы надъ стремнинами, пока не блеснуло, наконецъ, солнце. И тогда отъ тумана не осталось и слѣда. Небо раскрылось надъ горами во всей своей необъятности, далеко зазеленѣло въ чистомъ воздухѣ волнистое плоскогорье.. Вѣтеръ тянулъ съ сѣвера, но онъ былъ ласковъ, мягокъ... И опьяненный солнечнымъ теплом, этимъ вѣтромъ, я быстро пошелъ къ обрывамъ, чтобы еще разъ взглянуть на море.

Исполинская дымчатая тѣнь въ радужномъ ореолѣ пала отъ меня въ густой зыбкій паръ подъ обрывомъ. Безконечная, изрытая равнина сгустившихся облаковъ—цѣлая страна бѣлыхъ рыхлыхъ холмовъ—развернулась передъ моими глазами. Вмѣсто бездонныхъ стремнинъ и скалъ, вмѣсто прибрежій и заливовъ, до самаго горизонта—и къ югу, и къ востоку, и къ западу—простиралась подо мною эта равнина, необозримымъ слоемъ повисшая надъ моремъ... И вся сила моей души, вся печаль и радость—печаль о той, другой, которую я еще любилъ тогда, и безотчетная радость весны, молодости—все ушло туда, гдѣ, на самомъ горизонтѣ, за южнымъ краемъ слоя, длинной, яркой лентой синѣло море...

Надо написать, надо что-то сдѣлать... Но что?

Колокольчикъ однообразнымъ дорожнымъ напѣвомъ говорилъ о долгомъ пути, о томъ, что прошлое — отжито, что впереди—новая жизнь... „И все это мое, и все это во мнѣ, и все это — я“, подумалъ я словами

Пьера Безухова, глядя въ голубое небо. Старая дорожная коляска, старая почтовая тройка, ушастый ямщикъ-татаринъ на высокихъ козлахъ рядомъ съ увязанными чемоданами, дружный топотъ копытъ подъ несмолкающій плачъ колокольчиковъ, безконечная лента шоссе... Долго я оборачивался и глядѣлъ на сизые зубцы скалъ, вырѣзывающихся на фонѣ пустого бездоннаго неба... А тройка, подъ заливающійся звонъ и топотъ, катилась и катилась въ долины, все ниже и ниже, все глубже и глубже въ лѣсистыя живописныя пропасти, все дальше и дальше отъ перевала, вырастающаго и уплывающаго въ небо...

Здѣсь, въ этихъ молчаливыхъ горныхъ долинахъ, стояла прозрачная тишина первыхъ весеннихъ дней, красота блѣдно-ясной лазури, черныхъ сучьевъ деревьевъ, прошлогднихъ коричневыхъ листьевъ, слежавшихся въ кустахъ, первыхъ томныхъ фіалокъ, дикихъ тюльпановъ...

Здѣсь еще только начинали зеленѣть горные скаты, отдыхая отъ стужи и снѣга. Здѣсь хрустально-чистъ и свѣжъ былъ воздухъ, какъ бываетъ онъ чистъ и свѣжъ только ранней, ранней весной...

И казалось, что ничего не нужно, кромѣ весны, неопредѣленныхъ думъ о счастьѣ, молодости...

И я отложилъ отвѣтъ на письмо съ Риги. Все откладывалъ и послѣ—дома, на сѣверѣ.

А въ концѣ марта пошелъ какъ-то на почту, въ село верстъ за пять отъ усадьбы, и получилъ записку изъ Женевы:

„Исполняя волю дочери, сообщаю вамъ, что она скончалась отъ преждевременныхъ родовъ 17 сего марта“.

V.

Были зимне-весеннія сумерки, только что начало таять. Я вышелъ изъ села, перешелъ желѣзную дорогу, вскинулъ ружье на плечи и пошелъ цѣликомъ. Не домой, а куда глаза глядятъ.

Былъ ли я потрясенъ, взволнованъ? Право, письмо съ Риги меня тронуло больше! Я только опустилъ руки, постоялъ минуту въ оцѣпенѣніи—и пошелъ...

За Каменкой я сбѣжалъ съ горы въ луга, къ нашему лѣсочку „Ключики“. Хотѣлось сдѣлать что-нибудь необыкновенное и, дойдя до караулки, я постучалъ въ окошечко. Вышелъ Сибирка, рябой, широкогрудый и приземистый мужикъ въ косматой волчьей шапкѣ.

— Вотъ, Сибирка, — сказалъ я ни съ того, ни съ сего,—получилъ я нынче письмо: померъ одинъ мой пріятель. Дома скука, хочу у тебя переночевать.

Сибирка тряхнулъ шапкой, зорко глянулъ мнѣ на ноги.

— Что жъ, — сказалъ онъ,—царство небесное, вѣчный покой. Всѣ помремъ; да не въ однӧ время.

И сейчасъ же попросился домой сбѣгать, ребятишекъ провѣдать.

Я согласился и прибавилъ:

— Ѣхалъ я домой, Сибирка, было мнѣ въ родѣ какъ восемнадцать лѣтъ. А теперь мнѣ сорокъ.

— Горе-то хушь кого смотаетъ,—отозвался Сибирка.

И, кивнувъ головой, зашагалъ по темной тропинкѣ, убѣгавшей въ дубнякъ, по оврагамъ.

Скоро его коротконогая фигура слилась вдали съ сумракомъ, скрылась за изгородью пустого пчельника въ разлужьѣ, гдѣ изъ снѣга торчали ульи, прикрытые корой и похожіе на грибы. И такая тишина воца-

рилась въ тепломъ зимнемъ воздухѣ, что хотѣлось закрыть глаза и стоять такъ долго, долго... И неподвижно сидѣли и сонно жмурились у ногъ моихъ собаки,—черный въ бѣломъ жилетѣ Цыганъ и остромордый рыжій Волчокъ въ своей пушистой шубкѣ.

Сталъ падать снѣжокъ, вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія—и мрачно вглянула на меня пустая изба, когда я отворилъ ея тяжелую потную дверь. Низкая, просторная, съ маленькими окошечками и огромной широкоплечей печью, она производила впечатлѣніе жилища почти дикаго. Дубки уже гудѣли въ бѣлесой темнотѣ за нею. Возвращалась зима. И, когда я зажегъ въ печи лучины, поставилъ на нихъ таганчикъ и чугунъ съ водою и вышелъ въ сѣни, за хворостомъ, навстрѣчу мнѣ понесло свѣжестью метели. Нервно хотѣлось работать и, прозябнувъ въ сѣняхъ, я съ наслажденіемъ вбѣжалъ опять въ избу и накрѣпко прихлопнулъ ея черную, липкую дверь.

— Я мужикъ, я дикарь. Мнѣ все ни почемъ!—вотъ что хотѣлось играть передъ самимъ собой...

Изба наполнялась душистымъ запахомъ сырыхъ дубовыхъ дровъ, сказочно была озарена яркой пастью печки. Длинные оранжево-красные языки вырывались изъ нея, — дрожа, переплетаясь, бѣжали и лизали устье, и стѣны, покрытыя сажей отъ топки по-курному, трепетно блестѣли, какъ смоляныя. Черно-бархатная кошка примостилась на концѣ широкой лавки у загнѣтки, ежилась, мурлыкала и жмурилась. Красный голенастый пѣтухъ, разбуженный огнемъ, тупо бродилъ по соломѣ, въ тепломъ кругу свѣта. А изъ-подъ лавки зелеными самоцвѣтами вспыхивали иногда глаза Волчка.

Чугунъ съ кулешомъ между тѣмъ нагрѣвался. Онъ ужъ шипѣлъ и запѣвалъ задумчивыми жалобными голосами, Дикой красотой старой русской сказки притягивала къ себѣ широкая ярко-цвѣтная игра пламени. И, присѣвъ на дубовый обрубокъ среди полутемной избы, я долго, долго, очарованный, смотрѣлъ на бѣгущія оранжевыя ленты.

— Умерла!—говорилъ я себѣ,—и, вздрагивая, смѣялся.

Черный хлѣбъ былъ липокъ, какъ замазка, отъ чугуна воняло саломъ, но ѣлъ я съ жадностью. Свѣтъ замирающаго пламени дрожалъ подъ низкимъ потолкомъ, озарялъ то окно, то покоробленную доску иконы, стоявшей въ переднемъ углу на лавкѣ. Образъ былъ суздальскій, большіе косые глаза Кого-то, похожаго на Будду, были страшны, въ этомъ мерцаніи... Страшны пути Твои, Господи!

Я настелилъ на лавкѣ, возлѣ печки, соломы, кликнулъ въ избу Цыгана, кинулъ въ изголовье полушубокъ... Собаки подошли, посмотрѣли и, съ визгомъ зѣвая, легли... И все вокругъ стало тихо и печально.

Чтобы не угорѣть, я не закрылъ трубы и не задвинулъ печку заслонкой. Дрова прогорѣли, свѣтъ медленно меркнулъ. На мгновенье въ сумракѣ у дверей мнѣ померещилась высокая, высокая темная фигура...

— Цыганъ!—слабо крикнулъ я, приподнявшись, съ застучавшимъ сердцемъ.

Цыганъ перекосилъ и насторожилъ ухо. Насторожился и Волчокъ. Однако, прислушавшись, оба поглядѣли на меня и успокоились. „Спи, никого нѣтъ“,— сказали мнѣ эти взгляды.

Но красноватая темнота все сгущалась. На мгновенье со страшной живостью увидѣлъ я *ее* на лавкѣ противъ печки. Она была въ короткой юбкѣ, свѣтъ углей освѣщалъ ея ноги. Приподнявъ обѣ руки, она поправляла

волосы и, ласково глядя мнѣ въ лицо, беззвучно смѣялась... Нѣжность, боль и ужасъ охватили меня...

Темнота подошла къ устью, и послѣдній уголекъ на загнѣткѣ глядѣлъ въ нее, подобно закрывающемуся глазу... Вотъ и онъ померкъ... Вѣтеръ шуршалъ по завалинкѣ, заносилъ снѣгомъ окошечки. Окошечки тускло сѣрѣли... Кто-то подошелъ и заглянулъ въ одно изъ нихъ... Чья-то высокая тѣнь промелькнула и скрылась...

Я зналъ: это оборвавшаяся притуга. Но тяжело и страшно было мнѣ, какъ въ могилѣ. То, что такъ радостно сыпало дождемъ сквозь солнце подъ Москвою, что такъ вольно звало въ даль надъ Ляй Лю, теперь смотрѣло въ окошечко такимъ тусклымъ, тусклымъ окомъ!

СОНЪ ОБЛОМОВА-ВНУКА.

Илѣ девять лѣтъ. На немъ гимназическій картузъ, шелковая коричневая косоворотка, козловые сапожки съ сафьяновымъ ободкомъ на голенищахъ. Онъ сидитъ сзади отца на бѣговыхъ дрожкахъ, дрожки шибко катятся большой дорогой, а вокругъ—поле, лѣтнее жаркое утро...

Старую донскую кобылу подали къ крыльцу чуть не на разсвѣтѣ. Но, Боже, сколько разъ заглядывалъ Иля въ кабинетъ отца, въ тщетной надеждѣ, что разговоръ со старостой конченъ! Уже и росистая трава въ тѣни отъ амбаровъ успѣла высохнуть, и запахло въ саду бѣлоснѣжной, оцѣпенѣвшей на солнечномъ припекѣ черемухой... Даже кобыла, и та стала задремывать отъ скуки: осѣла на лѣвую заднюю ногу, приложила одно ухо, прикрыла глаза...

Но всему бываетъ конецъ,—кончилась и пытка ожиданія. Держится Иля за кожаную подушку сидѣнья, задравъ ноги на заднюю ось и, почти касаясь лбомъ витыхъ стволовъ на спинѣ отца, поглядываетъ, какъ трепещутъ сверкающія на солнцѣ спицы, какъ бѣжитъ по пыли возлѣ нихъ бѣлая, съ подпалинами, Джальма, близко видитъ загорѣлую шею и широкій затылокъ подъ бѣлымъ картузомъ... Солнце высоко и сильно припекаетъ, кожа на дрожкахъ стала горячая,—пріятно пахнетъ этой нагрѣтой солнцемъ кожей и колесной

мазью. Душная густая пыль облакомъ встаетъ изъ-подъ колесъ, парусиновый пиджакъ на плечахъ отца темнѣетъ... Но вотъ и поворотъ на проселокъ—полевая межа, длиннымъ узкимъ коридоромъ теряющаяся межъ стѣнами высокой сѣро-зеленой ржи. Отецъ сдерживаетъ лошадь и закуриваетъ, пуская черезъ плечо клубъ душистаго дыма...

Ахъ, эти проселки! Весело ѣхать по глубокимъ колеямъ, заросшимъ густой муравой, повиликой, какими-то бѣлыми и желтыми цвѣтами на длинныхъ стебляхъ. Ничего не видно ни впереди, ни по сторонамъ,—только безконечный, суживающійся вдали коридоръ межъ стѣнами колосистой гущи, да небо, а высоко на небѣ—жаркое лучистое солнце. Синіе васильки, лиловая куколь и желтая сурепка пестрѣютъ во ржи. Дрожки задѣваютъ колосья, растущіе кое-гдѣ по дорогѣ, и они однообразно клонятся подъ колеса и выходятъ изъ-подъ нихъ черными, испачканными колесной мазью. Мелкіе кузнечики сухимъ дождемъ непрерывно сыплются изъ подорожника... Неожиданно потянуло откуда-то легкимъ вѣтеркомъ, солнечною теплотою... Отецъ подбираетъ вожжи... И опять заиграли блестящія спицы, закружились передъ глазами пестрые вѣнки навертѣвшихся на втулки цвѣтовъ, запрыгали дрожки по выбоинамъ... Тутъ надо держаться покрѣпче, но, ухватившись за сидѣнье обѣими руками, все-таки пристально слѣдишь за тѣмъ, какъ навстрѣчу, лоснясь, бѣгутъ сѣро-зеленыя волны, какъ тѣнь отъ облачка то тамъ, то здѣсь на мгновеніе затушевываетъ ихъ, какъ полоумная Джальма носится, хлопая ушами, за перепелами и жаворонками: иногда совершенно пропадаетъ во ржи,—только по волнистой линіи, струящейся за нею, видно, гдѣ она,—а иногда высоко, высоко выпрыгиваетъ изъ колосьевъ, удивленно озираясь по сторонамъ...

Порою встрѣчалась телѣга, а въ ней—баба съ бѣлоголовымъ мальчикомъ на колѣняхъ, которая неумѣло держитъ въ рукахъ веревочныя вожжи, неумѣло сворачиваетъ, заѣзжая въ рожь, а бокастая лошаденка съ жадностью хватаетъ губами колосья... Встрѣтился однажды мужикъ: онъ безъ шапки сидѣлъ на грядкѣ телѣги, возлѣ длиннаго узкаго гробика изъ золотистаго теса, и веселое лучистое солнце жарко пекло его лохматую голову... Встрѣчался урядникъ верхомъ на худой длинношеей клячѣ, или бородатый, могучій о. Алексѣй въ широкополой шляпѣ, высоко возсѣдавшій на своей телѣжкѣ, за которой бѣжалъ жеребенокъ мышинаго цвѣта на длинныхъ, тонкихъ ножкахъ... Все это портило дѣло: вѣдь такъ хотѣлось чувствовать себя въ совершенно безлюдномъ краю! Но бывало и хуже: иногда вдали показывался тарантасъ, а въ тарантасѣ—загорѣлый помѣщикъ въ крылаткѣ, въ дворянскомъ картузѣ, съ изумленно выкаченными бѣлками разсѣянныхъ глазъ. Увидавъ сосѣда, онъ изумлялся еще болѣе, радостно таращилъ глаза и разводилъ руками, а кучеръ въ плисовой безрукавкѣ и круглой дѣтской шапочкѣ съ павлиньими перьями останавливалъ тройку. Останавливалъ лошадь и отецъ, слѣзалъ съ дрожекъ навстрѣчу вылѣзающему изъ тарантаса толстяку—и начинались безконечные разговоры. Помѣщикъ говоритъ страшно громко, размахиваетъ руками и все кого-то бранитъ... Потомъ надъ чѣмъ-то долго, съ мучительнымъ наслажденіемъ хохочетъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ... Отецъ тоже кричитъ и тоже хохочетъ...

— Ну, до свиданья, до свиданья!—наконецъ, говоритъ онъ, нахохотавшись.

— До свиданія, батюшка,—очень радъ былъ встрѣтиться!

— Мой поклонъ вашему семейству!

— И вашимъ также передайте мой сердечный привѣтъ!

— Восемнадцатаго будете?

— Обязательно, обязательно!

Помѣщикъ становится на подножку тарантаса, накренивая его, съ трудомъ усаживается... Но не проходитъ и минуты, какъ сзади опять раздается крикъ:

— Сосѣдъ! На минуточку!

И опять стоянка, опять разговоры...

Утомленная, но счастливая своими хлопотами Джальма сидитъ у колесъ и жарко дышитъ, изрѣдка, съ короткимъ стукомъ, ловя мухъ. Въ небѣ блестятъ и кудрявятся бѣлыя облака, всюду столько свѣта и радости, какъ бываетъ лишь въ іюнѣ, и все неподвижнѣе и стеклянніе становится воздухъ къ полудню. Два желтыхъ мотылька, какъ два лепестка розы, беззвучно и однообразно играютъ надъ склонившимися въ оцѣпенѣніи колосьями, надъ цвѣтами и травами, нагрѣтыми зноемъ. Сладко пахнетъ васильками. И, щурясь отъ солнца, Иля, какъ въ забытьи, слѣдитъ за играющими мотыльками, за облакомъ, похожимъ на пуделя, которое, медленно тая, плыветъ по свѣтозарной сини неба, прислушивается, какъ сипятъ въ травѣ кузнечики, а надъ головою на тысячу ладовъ сонно звенитъ жалобными дискантами воздушная музыка насѣкомыхъ, неумолчно воспѣвающихъ дали, млѣющія въ маревѣ зноя, радость и свѣтъ солнца, безпричинную божественную радость жизни...

— Уснулъ?—раздается вдругъ бодрый голосъ.

Наговорившись, отецъ гонитъ лошадь шибко, и дрожки точно сами собою бѣгутъ по наклонной дорогѣ,

къ какому-то широкому и неглубокому логу среди пологихъ степныхъ косогоровъ. За этимъ логомъ слѣдуетъ длинный подъемъ на покатую гору, залитую зелеными овсами, а съ горы открывается видъ на новый, еще болѣе широкій и разлатый логъ. Тутъ, среди огромныхъ степныхъ косогоровъ, были заливные болотистые лужки, и мелкая степная рѣчка, извивающаяся по нимъ, дѣлала много широкихъ затоновъ, густо заросшихъ зелеными щетками куги. Оттого, что горизонтъ былъ со всѣхъ сторонъ замкнутъ этими похожими на ржаные хлѣбы косогорами, глухо тутъ было на рѣдкость, но какая милая, своеобразная жизнь—жизнь куличковъ, бекасовъ и дикихъ чирковъ—чувствовалась въ тишинѣ и глуши этихъ мелкихъ затоновъ!

— Держись! — кричитъ отецъ сквозь дребезжаніе бѣгущихъ подъ гору дрожекъ.

И вдругъ дребезжаніе сразу обрывается.

Подъ горою вѣтерокъ совсѣмъ спадаетъ. Солнце печетъ, колеса шуршатъ въ густой насыщенной водой травѣ. Прѣсно пахнетъ теплымъ иломъ, разогрѣтою на солнцѣ кугою; бѣлая, какъ снѣгъ, рыбалка неожиданно вырывается изъ кочкарниковъ и сверкаетъ въ воздухѣ острыми крыльями... А вотъ и болото—серебристо-зеркальные затоны съ островками тонколистой осоки...

Не спуская съ нихъ глазъ, отецъ передаетъ Илѣ вожжи, осторожно слѣзаетъ съ дрожекъ, и, скинувъ ружье, торопливо, но безшумно направляется къ нимъ.

— Джальма!—строго, отрывисто и негромко говоритъ онъ какимъ-то особымъ, условнымъ тономъ Джальмѣ, которая перепрыгиваетъ съ кочки на кочку съ высунутымъ языкомъ, какъ бѣшеная. Длинные сапоги его тонутъ въ мягкихъ кочкарникахъ, серебристые пузыри показываются въ его слѣдахъ, отпечатывающихся

въ бархатистой и влажной травѣ... Отъ солнца и блеска воды свѣтло такъ, что больно смотрѣть...

— Джальма!

И Джальма, быстро оглянувшись, вдругъ—бултыхъ въ воду и, наслаждаясь прохладой, медленно плыветъ по затону къ камышамъ. Изъ воды видна только ея вытянутая прилизанная голова съ опущенными ушами и длинный хвостъ, который плыветъ за ней какъ чужой, какъ палка. Потомъ и голова, и хвостъ заворачиваютъ въ камыши, отецъ входитъ по колѣна въ воду и тоже скрывается въ камышахъ. Проходитъ десять, двадцать минутъ глубокаго, напряженнаго молчанія... Гдѣ-то далеко раздается тяжкій глухой выстрѣлъ... Весь встрепенувшись, пристально глядитъ Иля впередъ, но за камышами ничего не видно. Въ камышахъ что-то осторожно попискиваетъ и булькаетъ; по широкой лужѣ недалеко отъ дрожекъ, граціозно извиваясь, проплываетъ ужъ; перламутрово-голубыя стрекозы съ трескомъ распускаютъ длинныя стеклянныя крылышки, вылетая изъ горячей травы, а высоко въ ясномъ небѣ медленно вырастаетъ и вытягивается большое бѣлоснѣжное облако... Вотъ оно приняло образъ сказочнаго исполина—и вдругъ изъ серебристо-зеркальнаго затона, въ которомъ, углубляя его, ярко свѣтитъ отраженіе этого исполина, что-то глухо, угрюмо и жалобно ухнуло... Ухнуло—и выжидательно замолчало...

— Бычки!—вспоминаетъ Иля загадочное слово, оброненное отцомъ, и весь замираетъ отъ сладкаго ужаса.

Воображеніе мгновенно создаетъ образъ какого-то фантастическаго существа, одного изъ тѣхъ страшныхъ подводныхъ жителей, что глубоко скрываются въ болотахъ и только изрѣдка высовываютъ свои лобастыя, рогатыя головы съ выпученными глазами на свѣтъ

Божій. Что, если выглянетъ такой бычокъ именно теперь, въ этотъ безмолвный часъ знойнаго полдня? И, косясь на затонъ, Иля не замѣчаетъ, что картузъ его съѣхалъ на затылокъ, что комары облѣпили ему потную шею и руки и что ослѣпительно-жаркое солнце бьетъ прямо въ лицо...

Вдругъ раздается кашель. Иля вздрагиваетъ и мгновенно возвращается къ дѣйствительности. Отецъ идетъ, по поясъ мокрый, хлюпаетъ тяжелыми сапогами, налитыми болотной водой, и улыбается.

— Тутъ... бычки,—говоритъ Иля нерѣшительно.

— Ну, и что же?

— Они очень большіе?

— Кто? Бычки-то? Да вѣдь это жучки. Водяные жучки!

— Какъ жучки?—бормочетъ Иля, пораженный и разочарованный.

Отецъ раскраснѣлся, разстегнулъ воротъ рубахи, лицо у него доброе и оживленное. Подойдя къ дрожкамъ, онъ бросаетъ Илѣ убитаго чирка, и, мгновенно забывъ о бычкахъ, Иля съ жадностью ловитъ его на лету. Боже мой, еще теплый! Головка съ закатившими глазами, подернутыми бѣлесою пленкой, безсильно падаетъ на радужный зобикъ, брюшко въ запекшейся крови... Но какъ оно славно пахнетъ тиной и порохомъ! И Джальма вылѣзаетъ изъ осоки тоже веселая и удовлетворенная. Глаза безумные, съ длиннаго краснаго языка льетъ слюна, бѣлая атласная шерсть вся прилизана, уши висятъ, ноги въ илѣ,—точно въ черныхъ чулкахъ...

Мокрыя, блестящія шины колесъ снова шуршатъ по бархатной сочной травѣ, изрѣдка врѣзываясь въ воду и разбрасывая во всѣ стороны свѣтлыя длинныя брызги. Лужи, въ которыхъ золотыми полосами то тамъ,

то здѣсь вспыхиваетъ жаркій солнечный блескъ, мелькаютъ передъ глазами. Изъ куги то и дѣло съ жалобными стонами вырываются кулички... Потомъ мягкій кочкарникъ сразу обрывается,—дрожки снова трещатъ по дорогѣ, убѣгающей въ гору... Но Иля едва замѣчаетъ все это.

Ахъ, когда онъ вырастетъ, онъ будетъ самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ! Онъ поселится на хуторѣ, будетъ жить только охотой, будетъ каждый день чистить кирпичомъ и промывать свое ружье, будетъ варить себѣ кулешъ, спать прямо возлѣ порога флигеля, на войлокѣ, а просыпаться еще въ ту пору, когда едва-едва брезжитъ зелено-серебристый разсвѣтъ...

Да и теперь чудесно. Дышитъ Иля чистымъ полевымъ вѣтромъ, слушаетъ хохлатыхъ жаворонковъ, распѣвающихъ надъ полями, въ облакахъ, въ безконечномъ просторѣ... Степь вокругъ, куда ни кинь взоръ, зеленая, ровная, вольная. И ни души въ степи, ни кустарника, ни деревца,—только далеко-далеко впереди машетъ, какъ утопающій руками, чья-то мельница...

Сонъ, сонъ!

II

ІУДЕЯ.

И Господь поставилъ меня среди поля, и оно было полно костей.

Іезекіиль.

I.

Штиль, зной, утро. Кинули якорь на рейдѣ передъ палевой Яффой.

На палубѣ—гамъ и давка. Босые лодочники, въ фуфайкахъ и шароварахъ юбкой, съ буро-сизыми, облитыми потомъ лицами, съ выкаченными кровавыми бѣлками, въ фескахъ на затылокъ, орутъ и мечутъ въ барки все, что попадаетъ подъ руку. Градомъ летятъ туда чемоданы, срываются съ траповъ люди. Срываюсь и я. Барка полнымъ-полна кричащими арабами, евреями и русскими, но при первомъ же взмахѣ веселъ все это сразу смолкаетъ. Тогда я оглядываюсь внимательнѣе.

Пароходъ, чернѣя среди огромнаго зеркальнаго взморья, отдаляется, кажется маленькимъ. Мала и Яффа. До нея еще съ версту, но воздухъ такъ чистъ, а восточные контуры ея кубическихъ домиковъ, среди которыхъ то тамъ, то тутъ метелкой торчитъ пальма, такъ четки и просты! Уступами громоздится этотъ сплошь каменный городокъ на ровномъ обрывистомъ прибрежьи. Отъ рейда его отдѣляетъ длинная гряда рифовъ. За ними, у береговыхъ отмелей, шелкомъ сіяютъ обвисшіе паруса на высокихъ тонкихъ мачтахъ лодокъ. Ихъ

больше всего возлѣ сѣверной отмели, гдѣ когда-то былъ Водоемъ Луны, финикійская гавань. Съ сѣвера къ Яффѣ подступаетъ золотисто-синяя отъ воздуха и солнца Саронская Долина. Съ юга—желто-сѣрые филистимскіе пески. На востокѣ—знойно-голубой миражъ Іудеи. Тамъ, за горами—Іерусалимъ.

Въ штиль рифы обнажаются—и барка спокойно проскальзываетъ между ихъ ржавыми, мокрыми и нестерпимо блестящими на солнцѣ глыбами. У пристани и въ сараѣ таможни—яблоку негдѣ упасть. По гладкимъ каменнымъ уступамъ, въ тѣни звонкихъ переулочковъ поднимаемся отъ таможни къ базару. О Стамбулѣ напоминаетъ въ первую минуту запахъ гніющихъ апельсиновъ и укропа, смѣшанный съ чадомъ восточной кухни. Но нѣтъ,—даже въ самыхъ глухихъ закоулкахъ Стамбула нѣтъ плитъ, столь выбитыхъ и отшлифованныхъ копытами и туфлями, и такой толпы—такихъ грубыхъ одеждъ, такого жесткаго загара и такихъ гортанныхъ криковъ! Вотъ базаръ съ мокрымъ фонтаномъ, съ женщинами и водоносами подъ бурдюками и кувшинами, съ верблюдами и собаками, съ грудами фруктовъ и зелени, съ кофейнями и лавчонками въ крытыхъ полутемныхъ рядахъ. Да, тутъ все проще, старѣе, восточнѣе. И небо надъ базаромъ ярче, и блеску больше, и зной не тотъ. А какіе дряхлые хананеи съ больными кроличьими глазами мѣняютъ въ сумракѣ рядовъ бешлыки на лепты и піастры на парички!

Совсѣмъ другой міръ—окраины Яффы. Тамъ не надышишься моремъ и садами, обступившими ее со всѣхъ сторонъ. Послѣ полудня снова толкаемся по базару. Передъ обѣдомъ отдыхаемъ на крышѣ отеля, затерянаго среди этихъ садовъ. Въ качалкѣ сидитъ американецъ, пасторъ, съ которымъ мы,—я и еще одинъ русскій, стоящій теперь возлѣ перилъ, лицомъ къ

морю,—сошлись на переходѣ отъ Портъ-Саида. Золотистый свѣтъ солнца уже склоняется къ сѣверу, за Саронскую Долину. Огромная полоса густо-синяго моря — прямо за крышами, спускающимися къ прибрежью. Зной спадаетъ, и американецъ сидитъ съ открытой головой, читая библію. Кто бы узналъ въ этомъ спокойномъ веселомъ человѣкѣ пастора? Стройный, легкій, съ аккуратно причесанными на прямой рядъ черными волосами и бритый, онъ скорѣе похожъ на актера.

— Ну, что же?—говоритъ онъ дружелюбно и оживленно, поднимая голову отъ книги, когда я вхожу на крышу.—Довольны ли вы Яффой? Ужасно!—прибавляетъ онъ съ насмѣшливымъ огонькомъ въ глазахъ.—Ужасно!

Но огонекъ этотъ быстро исчезаетъ. Рука пастора ложится на библію.

— Но чувствуете ли вы,—говоритъ онъ, подумавъ,—что завтра мы увидимъ Голгоѳу?

Русскій, высокій, худой человѣкъ, весь въ бѣломъ и въ тропическомъ шлемѣ, изъ-подъ котораго остро блестятъ чернокаріе глаза, оборачивается.

— Голгоѳу?—рѣзко отвѣчаетъ онъ.—Что до насъ, то, думаю, нѣтъ...

Пасторъ слегка пожимаетъ плечомъ. Въ садахъ вокругъ—пальмы, магноліи, олеандры, безконечныя чащи померанцевъ, усѣянныя огненной розсыпью плодовъ. Запыленныя ограды изъ огромныхъ кактусовъ въ желтомъ цвѣту дѣлятъ эти райскіе сады. Между оградами, по песчанно-каменистымъ тропинкамъ медленно струится и замираетъ меланхолическій звонъ бубенчиковъ — тянется караванъ верблюдовъ. Гдѣ-то журчитъ по канальчикамъ вода — подъ однотонный скрипъ колесъ, качающихъ ее изъ цистернъ. Этотъ ветхозавѣтно-палестинскій скрипъ волнуетъ. Да и весь

день чувствую я себя необычайно. Но вопросъ пастора...

— Правовѣрный вопросъ!—непріязненно усмѣхаясь, говоритъ русскій. И быстро прибавляетъ:

— Я ничего не ощущаю, кромѣ пустоты въ душѣ. Весь день есть во мнѣ только какая-то враждебность къ вамъ, правовѣрнымъ. Чему-то не живому молитесь вы...

Да, ничего похожаго на чувства правовѣрныхъ не испыталъ и я, увидѣвъ Яффу нынче утромъ. Нѣтъ, была именно враждебность къ нимъ. Тысячи тысячъ плакали и цѣловали эти берега, „претерпѣвъ моря и страхи, войны и разбои, болѣсти и скудость“... Но и они, эти простые сердцемъ пилигримы, воспитанные правовѣрными,—думали ли они когда-нибудь о простой, подлинной жизни, бывшей нѣкогда на этихъ берегахъ? Чувствовали ли они, что вѣдь дѣйствительно былъ, дѣйствительно существовалъ когда-то *живой* Іисусъ,—худой, стройный, загорѣлый, съ блестящими черными глазами, съ темно-лиловыми сухими руками и тонкими, сожженными зноемъ ногами?

Только минутами, только забывая о ихъ Христѣ, мое сердце содрогалось отъ близости къ Тому, чье имя ожило, очеловѣчилось для меня при видѣ береговъ Его родины. Эти темныя лавчонки, гдѣ торгуютъ все однимъ и тѣмъ же—хлѣбомъ, жареной рыбой, уздечками, серебряными кольцами, связками чесноку, шафраномъ, бобами... Эти черные, курчаво-сѣдые старики-семиты съ обнаженными бурыми грудями, въ своихъ пѣгихъ хламидахъ и бедуинскихъ платкахъ. Эти измаилитянки въ черно-синихъ рубахахъ, идущія гордой и легкой походкой съ огромными кувшинами на плечахъ. Эти нищіе, хромые, слѣпые и увѣчные на

каждомъ шагу... Развѣ это не Палестина древнихъ варваровъ, Его дней?

Но пламя старой вѣры гаснетъ даже и въ сердцахъ правовѣрныхъ.

Въ полдень покидаемъ мы Яффу, направляясь по Саронской Долинѣ къ Іерусалиму. Пустынный это путь! Нарцисы Долины, изъ-за легендарнаго плодородія которой было пролито столько крови, теперь начинаютъ выпахивать. Іудея опять понемногу заселяется своими прежними хозяевами, страстно мечтающими о возвратѣ дней Давида. Но цвѣтовъ еще много, слишкомъ много! Всюду макъ, макъ и макъ: щедро усѣялъ онъ эти пашни, нивы и рощи своими огненными лепестками!

Очаровательный вѣтеръ весенняго дня и приморской степи, солнечное тепло, сладкій ароматъ цвѣтущихъ оливъ, хлѣбовъ и горячей земли вѣетъ въ окна коротенькаго поѣзда, разъ въ сутки пробѣгающаго по Долинѣ и горамъ къ Іерусалиму. Миновавъ пески и окраины садовъ, онъ идетъ по волнистымъ полямъ, по оливковымъ рощамъ, среди ржавыхъ пашенъ и зеленыхъ посѣвовъ; то и дѣло встрѣчаетъ феллаховъ на ослахъ, вереницы верблюдовъ, медленно и важно качающихъ бубенцами, стадо черныхъ козъ и сѣрыхъ овецъ, кучками толпящихся то тамъ, то здѣсь подъ охраной полудикихъ пастуховъ и собакъ, похожихъ на шакаловъ...

— Но, Боже, какая дикая земля, сколько на ней маку!—говоритъ мой спутникъ, южно-русскій еврей, старикъ съ большой сѣро-сизой бородой, въ черной шляпѣ.

А за Лиддой и Рамлэ,—каменными кубами арабскихъ городковъ, ярко бѣлѣющихъ подъ ярко синимъ небомъ среди финиковыхъ пальмъ и кипарисовъ,—почва становится еще суше, еще кремнистѣе и вол-

нистѣй, а хлѣба еще слабѣе и жиже. Начинается безконечный подъемъ,—до самаго Іерусалима, лежащаго на цѣлыхъ двѣ тысячи футовъ выше Сароны. Уже виденъ впереди сѣрый камень, синь впадинъ и ущелій, а сзади за волнистой зеленоватой степью—голубой туманъ моря. Поѣздъ медленно выбиваетъ тактъ короткими вздохами, свистки его дѣлаются гулки и звонки, путь—извилистѣе, воздухъ—жарче и суше, небо—еще синѣе: мы глядимъ на него уже изъ какой-то голой каменистой котловины. И вотъ котловины начинаютъ смѣняться котловинами, ущелья ущельями... Иногда они оживляются сожженной зноемъ зеленью деревьевъ, растущихъ на ихъ кремнистыхъ ложахъ, или пеласгическими останками хананейскихъ укрѣпленій на куполообразныхъ вершинахъ; иногда—овцами, разсыпанными по сухимъ обрывамъ, среди голышей въ лишаяхъ и колючкахъ; иногда—рядами каменныхъ оградокъ,—слѣдами террасъ, на которыхъ споконъ вѣку разводили здѣсь сады и виноградники... Но гдѣ же тѣ бездны, которыми будто бы поражаютъ Іудейскія горы? Гдѣ высоты, что будто бы „еще дышатъ величіемъ Іеговы и ужасами смерти?“

Солнце скрылось, въ горахъ тѣнь. Мы уже въ самой сердцевинѣ ихъ. Все поднимаясь и поднимаясь, проползаемъ мы кремнистыя долины, извивающейся гусеницей огибаемъ сѣрожелтыя каменныя ковриги, густо усыпанныя круглыми голышами, и только изрѣдка замѣчаемъ на вершинахъ дикія арабскія деревушки, безъ единаго кустика и деревца... Гдѣ же то, что исторгло столь гордое восклицаніе Давида: „Горы окрестъ Іерусалима!“

И спутникъ мой закрываетъ глаза, поднимаетъ брови, слабо и грустно улыбается.

— О, какія же это горы!

Мы хорошо знаемъ, что именно здѣсь, въ одной изъ этимъ глубокихъ котловинъ, „взялъ посохъ свой въ руку свою Давидъ и выбралъ пять сладкихъ камней изъ ручья“ и поразилъ Голіаѳа; что именно здѣсь воскликнулъ Навинъ: „Стой, солнце, надъ Гаваономъ и, луна, надъ долиной Аіолонскою!“ Но, увы, нужна пламенная вѣра и дѣтская наивность, чтобы смотрѣть глазами древнихъ пилигримовъ, до конца жизни содрогавшихся при воспоминаніи о высотахъ Іудейскихъ!

— Нужна великая вѣра!—грустно улыбаясь, говоритъ старикъ своимъ матовымъ южно-русскимъ голосомъ.—А гдѣ она? Гдѣ она?

Передъ вечеромъ поѣздъ выползаетъ, наконецъ, на темя горъ—и вдали, среди нагихъ разваловъ и впадинъ, изрѣзанныхъ бѣлыми лентами дорогъ, показываются черепичныя кровли новаго Іерусалима, окружившаго съ запада и сѣверо-запада зубчатую сарацинскую стѣну стараго, лежащаго на скрытомъ отъ насъ скатѣ къ востоку. Тутъ старикъ поднимается съ мѣста, становится лицомъ къ окну, закрываетъ глаза и быстро, быстро начинаетъ бормотать молитвы. Но голосъ его звучитъ такъ устало, такъ равнодушно! Онъ какъ ребенокъ радовался въ Яффѣ, что сбылась его завѣтная мечта—побывать на закатѣ дней въ святой странѣ. Онъ сперва даже изумлялся: какъ хорошо все на свѣтѣ—и солнце, и сладкій вѣтеръ, и цвѣтущія оливы! А теперь...

Мы уже на большой высотѣ, солнце стоитъ низко, поднялся вѣтеръ—и дрожь пробѣгаетъ по тѣлу при выходѣ изъ жаркаго вагона. Не дрожь ли горькаго разочарованія? Новый, но какой-то захолустный вокзалъ изъ сѣраго камня. Передъ вокзаломъ галдятъ оборванные извозчики,—евреи и арабы. Дряхлый, гремящій всѣми винтами и гайками фаэтонъ, пара клячъ въ

дышлѣ... И въ то время, какъ сизый носильщикъ швыряетъ въ фаэтонъ наши чемоданы, старикъ вдругъ останавливается, по-дѣтски, ладонью наружу, закрываетъ глаза—и тихо плачетъ, покачивая шляпой.

II.

Вчера весь день бродилъ я по Іерусалиму, нынче объѣхалъ верхомъ вокругъ его стѣнъ и на закатѣ возвратился къ Западнымъ воротамъ.

Какъ груба и стара громада воротъ! Зубчатая сарацинская башня, въ упоръ освѣщенная низкимъ солнцемъ, точно вылита изъ потемнѣвшаго отъ времени желѣза. Небольшая площадь за воротами почти вся въ тѣни, падающей отъ нихъ и тяжкой цитадели Давида—высокаго каменнаго замка со рвами и бойницами, занятаго турецкимъ гарнизономъ. Направо—нѣсколько европейскихъ домовъ, магазиновъ. Напротивъ—главная улица, Улица Давида: узкій, темный, крытый холстами и сводами ходъ между старыми, старыми мастерскими и лавками. Изъ него выныриваютъ навьюченные ослы, фески, женщины, съ головой завернутыя въ покрывала, постукивающія деревянными скамеечками, замѣняющими здѣсь туфли... Вечерній свѣтъ, падающій между воротами и цитаделью на жерло этого хода, дѣлаетъ его совсѣмъ чернымъ. Какъ разъ возлѣ него—высокій узкій домъ, и на его крыльцѣ—смуглый еврей, хозяинъ нашего отеля. Спрыгнувъ съ лошади, я иду туда, гдѣ провожу всѣ вечера,—на крышу. Иду по внутреннимъ и наружнымъ лѣстницамъ, на одномъ поворотѣ пріостанавливаюсь: направо, глубоко подо мной—громадный четырехугольный водоемъ пророка Іезекіи, полный темнозеленой—теперь сверху лиловатой—воды

среди стѣнъ, похожихъ на крѣпостныя,—стѣнъ домовъ, слитыхъ воедино, съ рѣшетчатыми окошечками, пробитыми какъ попало—и очень высоко, и очень низко. И медленно, медленно спускается изъ одного такого окошечка кожаное ведро на веревкѣ...

Солнце на закатѣ,—здѣсь оно скрывается рано. Я выхожу на крышу, снимаю пробковый шлемъ—и по головѣ моей дуетъ съ запада сильный и прохладный вѣтеръ. Небо глубокое, блѣдно-синее, безъ единаго облачка. Я на темени Іудеи, среди волнистаго плоскогорья, лишь кое-гдѣ покрытаго скудной зеленью. Все—мягкаго, но очень опредѣленнаго сѣро-фіолетоваго тона. Застывшіе перевалы, впадины, глубокія долины, куполообразные холмы... За мной, въ золотистомъ блескѣ заката,—масличныя рощи и раскиданныя по холмамъ зданія: католическіе пріюты, школы, госпитали, виллы. На сѣверѣ, на горизонтѣ—четкій известковый конусъ,—гора Самуила. На югѣ, на скатахъ горъ—бѣлые поселки въ темно-зеленыхъ садахъ. Подо мною—скатъ на востокъ, а на немъ—сплошной, плоской и голой кровлей желто-розоватаго цвѣта лежитъ каменная масса небольшого аравійскаго города, заключеннаго въ средневѣковыя стѣны и со всѣхъ сторонъ окруженнаго глубокими долинами,—вѣрнѣе, каменистыми оврагами. За восточнымъ оврагомъ, Кедронскимъ,—каменистая Елеонская гора, съ высокой колокольней на вершинѣ. За нею и той горой, что южнѣе,—горой Соблазна,—волнистый сѣро-сизый скатъ къ долинѣ Іордана и Мертваго Моря: пустыня Іудейская. Море сказочно-яркой бирюзой налито въ южномъ концѣ долины. А за долиной и этой бирюзою—призрачная „стѣна міра“, стѣна сгустившагося нѣжно-фіолетоваго дыма: ровный и высокій хребетъ отъ вѣка таинственныхъ Моавитскихъ горъ.

Но еще удивительнѣе городъ,—этотъ воистину вѣч-

ный городъ, переживший чуть не сорокъ осадъ. „Іерусалимъ, устроенный какъ одно зданіе!“—вспоминаю я восклицаніе Давида. И правда,—и теперь какъ одно зданіе лежитъ онъ подо мною, весь въ каменныхъ купольчикахъ, опрокинутыми чашами раскиданныхъ по уступамъ его голой плоской кровли, ярко озаренной низкимъ солнцемъ. Первобытно-простой по цвѣту, первобытно-грубый по кладкѣ, тѣсно сплоченный, безъ единаго деревца—только одна старая высокая пальма на южной сторонѣ—онъ весь заключенъ въ зубчатую толщу стѣнъ крестоносцевъ и Саладина и кажется несокрушимымъ. Онъ, воспѣтый Давидомъ и Соломономъ, нѣкогда блиставшій золотомъ и мраморомъ, окруженный садами Пѣсни Пѣсней, нынѣ возвратился къ аравійской патріархальной нищетѣ. Стѣны и башни его—какъ гранитные доспѣхи, а онъ, уступами сходящій къ кремнистой ложбинѣ Кедрона, къ переполненной несмѣтными могилами Іосафатовой долинѣ,—мѣсту Страшнаго Суда,—окруженный пустырями, нечистотами, падалью, кажется библейскимъ вретищемъ, одѣвшимъ славный прахъ былого.

Надъ нимъ—рѣдкіе минареты, двѣ-три католическихъ колокольни и рубчатый, сферическій черно-синій куполъ немного приземистой Мечети Омара, занявшей своимъ Священнымъ Дворомъ всю его восточную окраину,—мѣсто храма Соломона, Камень Моріа, „средоточіе міра“. Глубоко подо мной—древній водоемъ Іезекіи,—купальня Вирсавіи, плѣнившей красотою Давида. Когда же я поднимаю глаза, я вижу, немного влѣво отъ себя, за водоемомъ, два тоже рубчатыхъ черносинихъ купола. Это—главы тяжкихъ, вросшихъ въ землю храмовъ надъ Гробомъ и Голгоѳой, тѣсно сжатыхъ монастырскими пристройками,—греческими и латинскими,—и почти затерявшихся въ нихъ. Въ ясномъ

воздухѣ необыкновенно близка кажется Мечеть. А до купола Гроба просто хочется дотронуться. Тысячи черныхъ острокрылыхъ стрижей верезжатъ и носятся надъ этой каменной стариною. Солнце опускается, на покатую кровлю города падаетъ еле видный фіолетовый тонъ. Въ узкихъ, темныхъ норахъ и переходахъ, скрытыхъ этой кровлей, въ грязныхъ рядахъ сплошного базара замираетъ шумъ и говоръ торга... Но, Боже мой!—неужели это правда, что вотъ именно здѣсь былъ распятъ Іисусъ? И неужели это надъ Его гробомъ блещетъ теперь въ полумракѣ византійскихъ сводовъ и подземелій языческое великолѣпіе несмѣтныхъ лампадъ, огромныхъ погребальныхъ свѣчей, золота и драгоцѣнныхъ камней, стоитъ бальзамическій дымъ ладона, запахъ воска, кипариса, розовой воды—и надгробное рыданіе, *длящееся уже двѣ тысячи лѣтъ? Это*—рыданіе надъ Христомъ каменно-золотыхъ, большеглазыхъ мозаикъ Византіи, надъ Христомъ коронованныхъ и окровавленныхъ распятій Рима...

Вотъ съ какой-то католической башни одинокій и звонкій колоколъ бьетъ семь. Когда замираетъ его послѣдній звукъ въ чистомъ вечернемъ воздухѣ, издалека, издалека раздается грустный сильный альтъ, призывающій къ смиренному прославленію Бога за мирно угасшій день. Вѣтеръ съ запада, холодный. Солнце скрылось. На старый городъ и на всю Іудею пала легкая пепельная тѣнь. Но еще четко, все,—особенно холмъ Самуила на сѣверѣ. Моавитскія горы—какъ южное море въ туманѣ, прелестное, фіолетово-лиловое. Но уже блекнетъ сѣро-сиреневая пустыня Іоанна. Сухо-блѣдно-сине небо. Пепелъ, павшій на городъ, становится розово-сизымъ. И все—какъ пастэль. Вѣтеръ колеблетъ султанъ пальмы...

Я оборачиваюсь—мутно-лиловыя легкія облака плы-

вутъ по блѣдно-алому закату. Выше заката неба точно нѣтъ: есть только что-то бездонное, зеленоватое, прозрачное... Потомъ снова гляжу на востокъ,—и меня уже слѣпитъ печальная тьма быстро набѣгающей ночи. Внизу стучатъ, поспѣшно закрывая лавки. Жизнь замираетъ, прячется въ свои норы. Сумрачны стали купола Мечети и Гроба. Темнымъ ветхозавѣтнымъ богомъ повѣяло въ оврагахъ и провалахъ вокругъ нищихъ останковъ великаго города... Или нѣтъ,—даже и ветхозавѣтнаго бога здѣсь нѣтъ. Есть только вѣянье смерти, завладѣвшей пустырями и царскими гробницами, подземными тайниками съ ихъ гулкими сводами, рвами и оврагами, полными погребальныхъ пещеръ, да костей всѣхъ племенъ и народовъ. Ветхозавѣтный богъ давно покинулъ и народъ свой, и страну свою. Мѣсто могилы Іисуса задавлено чернокупольными храмами. И сама Мечеть, сама великолѣпная мечеть Омара похожа теперь на черный шатеръ какого-то уже давно почившаго завоевателя. И мрачно высится возлѣ нея нѣсколько исполинскихъ кипарисовъ...

„Се оставляется вамъ домъ сей пустъ...“

III.

На Сіонѣ, за гробницей Давида видѣлъ я провалившуюся могилу, всю заросшую макомъ. Его въ Іудеѣ больше чѣмъ травы. И вся-то Іудея—какъ эта могила, такая старая, что давно, давно пора забыть о погребенныхъ въ ней!

Я былъ въ Виѳлеемѣ и Хевронѣ. Путь до Виѳлеема самый живой изъ всѣхъ іудейскихъ путей. Спустясь въ долину Гигонскую, онъ направляется къ югу отъ Іерусалима и начинаетъ подниматься сперва мимо горы

Злого Совѣщанія, гдѣ нѣкогда жилъ Каіафа, потомъ по широкой и волнистой равнинѣ Рефаимовъ. На скатахъ горы были въ древности сплошные сады царей и царедворцевъ; сады, каналы и цистерны были и на равнинѣ. Веселы и теперь эти мѣста. И когда я ѣхалъ, въ жаркомъ блескѣ утренняго солнца и золотисто-синяго воздуха тонули горы и долины на востокѣ, горячо было бѣлое шоссе, ярко зеленѣли посѣвы по краснова-тымъ переваламъ, въ садахъ миссій и колоній ворковали дикіе голуби. И вспоминались сады и виноградники Соломона, опаленная солнцемъ дѣвочка, съ трепетомъ ожидавшая на виноградникахъ возлюбленнаго, прятавшаяся отъ прохожихъ подъ зелеными лозами, просвѣчивающими на солнцѣ, припадавшая къ горячему суглинку въ ихъ сквозной тѣни. Всѣ цвѣло и благоухало вокругъ нея, расплавленнымъ золотомъ млѣли въ знойной дали кровли дворцовъ и храма. И каждый день доносился оттуда къ этой босой дѣвочкѣ, какъ виноградъ наливавшейся виномъ жизни, голосъ милаго:

— Цвѣты показались на землѣ; время пѣнія настало и голосъ горлицы слышенъ въ странѣ нашей... Встань, возлюбленная моя! Выйдемъ въ поле, побудемъ въ селахъ; по утру пойдемъ въ виноградники, посмотримъ, распустились ли виноградныя лозы, расцвѣли ли гранатныя яблони!

Какъ голосъ Жениха-Христа, обращенный къ Невѣстѣ-Церкви, понимала древняя церковь этотъ сладкій весенній зовъ: „Встань, возлюбленная моя!“ Но если такъ,—не ко всей ли землѣ обращенъ этотъ зовъ?

По пути въ Виѳлеемъ зеленѣли тѣ сады, гдѣ, по апокрифамъ, деревья опускали цвѣты долу, воды цистернъ выходили изъ краевъ и на всѣхъ вѣтвяхъ пѣли птицы, привѣтствуя проходящую съ Младенцемъ на рукахъ Марію... Когда же поймета земля всю мудрость

тѣхъ весеннихъ легендъ, въ которыхъ сочетала она столько красоты и радости съ Его дѣтствомъ и юностью, сдѣлавъ Его самого частью вселенской красоты? Виѳлеемъ—это сама жизнь, воздухъ, солнце, плодородіе; его тѣсно насыпанные по холмамъ палевые кубы смотрятъ на востокъ, на солнечно-мглистыя дали Моавитскихъ горъ, отъ которыхъ нѣкогда пришла кроткая праматерь Давида, Руѳь; населеніе его мирно и радушно. Черна отъ крови средневѣковая, да и новая лѣтопись Виѳлеема, несмѣтными костями отшельниковъ, заживо погребавшихъ себя, полны пещеры возлѣ него... И все же съ радостью вспоминаешь о немъ.

Но за Виѳлеемомъ—пустыня. Цѣлый день видишь только глинистыя ковриги горъ, усѣянныя круглыми голышами, и каменистыя широкія котловины между ними. Изрѣдка встрѣчаешь еле воздѣланные участки, тощіе посѣвы... А вѣдь это ржавая земля, перемѣшанная со щебнемъ,—вѣдь это и есть Страна Обѣтованная,—страна, что родитъ теперь больше всего опять таки— маку! Точно фіолетово-красныя озера стоятъ въ долинахъ среди горъ, усыпанныхъ голышами. Точно сперва кровавый, а потомъ каменный ливень прошелъ по этой странѣ. И ни души кругомъ.

Водоемы Соломона! Я ждалъ ихъ съ волненіемъ—и вотъ увидѣлъ, наконецъ, пустынную долину. Возлѣ горъ налѣво—руины огромной зубчатой крѣпости Саладина, а за ней, еще лѣвѣе, открылся входъ въ новую глухую и мертвую долину. Путь къ Хеврону—на югъ, а она, понижаясь, идетъ къ востоку. И уступами лежатъ въ ней три гигантскихъ квадратныхъ цистерны. Первая пуста: сухая каменная бездна. Во второй половина покатаго дна чуть прикрыта густой бирюзовой водой. Въ третьей покрыто все дно. Густые зеленые кудри дикаго плюща нависаютъ надъ нимъ со стѣнъ.

Сквозь нихъ шелковисто и дремотно шумятъ въ мертвой тишинѣ серебристые каскады. И заунывно-равнодушно наигрываетъ на плакучей свирѣли мимо проходящій пастухъ, зорко поглядывая на черныхъ козъ, разсыпанныхъ среди голышей по крутымъ обрывамъ горъ. Маленькое, совсѣмъ черное, хищное и красивое лицо, женственно обрамленное шерстянымъ платкомъ подъ двойнымъ шерстянымъ обручомъ. Маленькая вьющаяся бородка. Огненные глаза. Голыя тонкія берца, грубые бедуинскіе башмаки. На гибкое худое тѣло надѣта бѣлая рубаха до колѣнъ, подпоясанная платкомъ. На плечи накинута траурная шерстяная хламида—бѣлая въ черныхъ полосахъ. За плечами—кремневое ружье... Совсѣмъ, совсѣмъ не о Соломонѣ напоминаетъ этотъ потомокъ Измаила и Агари! Жизнь совершила огромный кругъ, создала на этой землѣ великія религіи, царства и, разрушивъ, истребивъ ихъ, вернулась къ первобытной нищетѣ и простотѣ...

Передъ вечеромъ видѣлъ я еще одинъ слѣдъ Іудеи. Ѣхали мы опять по долинѣ и проводникъ указалъ мнѣ на пещеру у подошвы холма—на „пещеру Іереміи“. Я свернулъ къ ней. Вечеръ былъ мирный, съ нѣжно синѣющими далями,—лѣтній вечеръ на югѣ Россіи. Возлѣ пещеры цвѣлъ кустъ дикаго шиповника. Стрѣлой вылетѣлъ изъ нея шакалъ, мелькнулъ лисьимъ хвостомъ и, вскочивъ на пригорокъ, сѣлъ и навострилъ уши. На землѣ, при входѣ, закопченномъ дымомъ, валялись пестренькія крылышки съѣденой совки... И глубокая, глубокая тишина покоилась надъ безграничной пустыней вокругъ...

Подъ Хеврономъ холмы живописнѣе, привѣтливѣе. Всѣ они опоясаны рядами террасъ, на которыхъ зеленѣютъ невысокіе, старые дубы, сѣрѣютъ старыя оливы, лежатъ толстыя лозы ползучаго ханаанскаго винограда.

Но чувствуется одно: приближаясь къ первой столицѣ Іудейскаго царства, все болѣе и болѣе углубляешься въ страну ветхозавѣтныхъ кочевниковъ. Повстрѣчался караванъ. Медленно двигались высокіе грязно-сѣрые дромадеры, важно выгнувъ свои тонкія шеи, откинувъ маленькія головки съ умными глазами и показывая большія продольныя ноздри. Сонно качались на нихъ черныя безобразныя измаилитянки въ лохмотьяхъ, съ полуголыми дѣтьми у тощихъ грудей. Нѣсколько черныхъ, оборванныхъ разбойниковъ шло сзади. Они даже не взглянули на насъ... И опять шевельнулась мысль: при чемъ тутъ царство Іудейское?

А Хевронъ—это дикое мусульманское гнѣздо, сѣрый каменный поселокъ въ тѣсной узкой Долинѣ Возлюбленнаго. Темная базарная уличка его стара и грязна несказанно. Пройдя ее, поворачиваешь, поднимаешься на взгорье. Тамъ въ Кварталѣ Святилища стоитъ нѣчто въ родѣ маленькой крѣпости, гдѣ почіютъ Авраамъ и Сарра—прахъ, равно священный христіанамъ, мусульманамъ и іудеямъ. Но владыки здѣсь мусульмане. И ни христіанинъ, ни іудей не смѣетъ проникнуть даже за порогъ Святилища. Мальчишки швыряютъ камнями въ подходящихъ къ нему поклонниковъ, травятъ ихъ собаками...

Въ Греціи, Римѣ, Египтѣ историческая жизнь почти не прерывалась. Грозныя царства Ветхаго Завѣта, сотрясавшія землю своими походными колесницами, въ гимнахъ уподоблявшія своихъ вождей быкамъ и носорогамъ, ветхозавѣтно и гибли,—поражая народы мистическимъ ужасомъ, неотвратимостью рока, ненасытностью Іеговы. „И заростали дворцы ихъ колючими растеніями, крапивою и репейникомъ—твердыни ихъ; и были они жилищемъ шакаловъ, пристанищемъ страусовъ; и звѣри пустыни встрѣчались въ нихъ съ дикими кошками, и

демоны перекликались другъ съ другомъ“. Но мѣшало ли это возникновенію среди развалинъ новыхъ царствъ и цивилизацій?

Не то было въ Іудеѣ.

Въ мірѣ нѣтъ страны съ болѣе сложнымъ и кровавымъ прошлымъ, какъ нѣтъ книгъ ужаснѣе воплей Пророковъ. Въ спискахъ древнихъ царствъ нѣтъ, кажется, царства, не предавшаго Іудею легендарнымъ бѣдствіямъ. Но въ Ветхомъ Завѣтѣ Іудея все же была частью историческаго міра. Въ Новомъ она стала уже пустошью—той великой пустошью, засѣянной костями, что могла сравниться лишь съ полемъ мертвыхъ въ страшномъ снѣ Іезекіиля. Есть преданіе, что необозримыя развалины, какъ бы потрясенныя до основанія вулканами, ужаснули самого Адріана. Потомъ развалины эти заросли сорными травами, одичали, заглохли... „И пастухи со стадами своими приступили къ Сіону, раскинули палатки вкругъ него...“

Прослѣдить, что происходило въ растущей и ломающейся человѣческой душѣ, готовившейся къ воплощенію новаго бога,—внѣ человѣческихъ силъ. Невыразимо напряженіе силъ, бывшее передъ таинствомъ смертельныхъ родовъ. Ироду выпала тяжкая доля спасать міръ отъ собственнаго чада, Іудеѣ—часъ послѣднихъ мученій. Въ агоніи она пыталась задушить Дитя и опять воспрянуть къ жизни. Тогда въ бѣшенствѣ кинулась добивать ее. Что Навуходоносоръ передъ Титомъ, или Адріаномъ! Навуходоносоръ „пахалъ Сіонъ“. Титъ выше стѣнъ загромоздилъ его трупами. Приближеніе его было приближеніемъ воинства Сатанаила. Тучи сгустились, спустились надъ храмомъ Соломона, и въ наступившемъ гробовомъ молчаніи сами собой распахнулись исполинскія бронзовыя двери его, выпуская воинство Іеговы. „Мы уходимъ!“—сказалъ

Іудеѣ невѣдомый голосъ. А при Адріанѣ внезапно распалась гробница Давида и „волки и гіэны съ воемъ появились на улицахъ пустыннаго Іерусалима“. То былъ знакъ близкаго возмездія за послѣднее отчаянное возстаніе Іудеевъ, перебившихъ на Кипрѣ около трехсотъ тысячъ язычниковъ, въ ветхозавѣтной ярости пожиравшихъ мясо убитыхъ, сдиравшихъ съ нихъ кожу на одежды... И чудовищно было это возмездіе!

Оно было исполненіемъ пророчествъ. Да замрутъ въ Іудеѣ „голосъ торжества и голосъ веселія, голосъ жениха и голосъ невѣсты!“ Да не останется камня на камнѣ отъ великаго, стократъ погибавшаго въ пламени Города Мира! Ибо на долгій, долгій срокъ земля его, вся пропитанная кровью, должна была „стать терномъ и волчцами“. Былъ и отдыхъ ей нуженъ!

Жить обычной жизнью послѣ всего того страшнаго, что совершилось, Палестина не могла. Снова и снова вторгались въ тишину ея завоеватели чуть не всѣхъ народовъ Востока и Запада. Но поле мертвыхъ такъ и оставалось полемъ мертвыхъ. Рать за ратью гибло на немъ и несмѣтное „воинство Христово“. Покорить Іисусу враговъ Его избіеніемъ ихъ, новыми опустошеніями и новыми кровопролитіями, стоять у гроба Его съ обнаженнымъ мечомъ—это было безуміемъ. Вернуть трижды мертвую страну къ жизни, исторгнуть ее изъ ея священнаго запустѣнія—кощунствомъ. Пусть исчезнетъ сперва съ лица ея память о прошломъ. Пусть истлѣютъ несмѣтныя кости, покроются макомъ могилы. Пусть отдохнетъ она въ тысячелѣтнемъ забвеніи и возвратится ко днямъ патріарховъ...

И она возвратилась.

IV.

Утро въ Іерусалимѣ свѣжо и ясно, день зноенъ

Открывъ глаза, почему-то съ особенной радостію увидалъ я нынче, изъ-подъ кисейнаго балдахина огромной постели, полуоткрытое окно своей холодной каменной комнаты. На аршинъ отъ окна—высокая желтоватая стѣна сосѣдняго дома. Ранній солнечный свѣтъ золотитъ ее, заглядываетъ ко мнѣ. Гдѣ-то внизу по-деревенски блеетъ коза, гдѣ-то вверху раздаются звонкіе голоса дѣтей, собирающихся въ школу. Вдали, на базарахъ, восторженно рыдаетъ оселъ.

Холодно и на крышѣ, но ослѣпительное солнце, только что поднявшееся изъ-за Моавитскихъ горъ, надъ долинами, затопленными свѣтлымъ паромъ, уже пригрѣваетъ одежду, руки. Прянъ утренній запахъ тлѣющаго на очагахъ кизяка—его горячаго дыма, выходящаго изъ трубъ прозрачнымъ, дрожащимъ. Въ тишинѣ слышенъ плескъ бурдюковъ, опускаемыхъ изъ оконъ въ зеленую воду Водоема, еще полнаго густой тѣни; слышенъ зычный крикъ босыхъ зеленщиковъ и водоносовъ, бѣгущихъ по крытымъ уличкамъ базаровъ, говоръ и дробный стукъ копытъ на площади возлѣ цитадели. Весело верезжатъ и носятся несмѣтные стрижи надъ розово-желтой кровлей города, надъ ея опрокинутыми каменными и глиняными чашами и вокругъ чернаго купола Гроба. Жарко блещетъ полумѣсяцъ на великолѣпной Мечети Омара, такой одинокой среди окрестной старины и бѣдности. Но небо еще свѣжо и ясно. Пальма на южной сторонѣ города и далекая гора Самуила на сѣверѣ подчеркиваютъ прозрачность воздуха.

Стукъ копытъ—это приводятъ лошадей для туристовъ и паломниковъ-европейцевъ. Европейцы живутъ

по отелямъ, католическимъ и протестантскимъ миссіямъ, осматриваютъ святыни почтительно и спокойно. А говоръ—это говоръ русскихъ мужиковъ и польскихъ евреевъ, идущихъ плакать. Одни будутъ лить слезы у Гроба, другіе—у Стѣны Плача, уцѣлѣвшей отъ храма Іеговы. Русскіе живутъ въ скучныхъ казенныхъ корпусахъ Православнаго Общества за Западными воротами, убивая время ѣдой, перебранками, хожденіемъ ко Гробу, въ Виѳлеемъ, на Іорданъ—и просто по базарамъ: тамъ они приторговываются и къ луку, и къ картофелю, и къ четкамъ, и къ лубочнымъ аѳонскимъ картинамъ,—безъ даже малѣйшаго намѣренія купить хоть на копейку. А евреи ютятся въ нищенскихъ трущобахъ южнаго квартала, бѣгаютъ по роднымъ и знакомымъ, съ жадностью ловятъ вѣсти о своихъ палестинскихъ колоніяхъ—и плачутъ у останковъ древняго Сіона, нарядившись въ бархатные халаты и польскія шапки изъ остистаго собачьяго мѣха, подъ которыми видны на затылкахъ ермолки, а на вискахъ—огромные завитки.

Солнце пекло все жарче и скоро прогнало меня съ крыши.

Всѣ тѣ, что спѣшатъ къ Мечети Омара, Стѣнѣ Плача или просто на базары, неминуемо должны пройти по улицѣ Давида. Въ этомъ длинномъ каменномъ коридорѣ, уступами спускающемся подъ уклонъ, въ этихъ тѣсныхъ и пахучихъ рядахъ стараго Востока течетъ непрерывная рѣка—ословъ, патеровъ, имамовъ, верблюдовъ, женщинъ, турецкихъ солдатъ, бедуиновъ и паломниковъ всѣхъ исповѣданій. Своды, холсты и цыновки дѣлаютъ его тѣнистымъ, но въ промежутки между ними видно яркое небо, пыльно-золотистыми столбами прорѣзывается солнце и даже въ тѣни чувствуется, какъ быстро приближается жаркое палестинское утро. Вотъ серебромъ блеснули въ этой живой солнечной полосѣ

двѣ бѣлыя женскія фигуры; вотъ, напомнивъ Яффу, промелькнулъ въ ней старикъ, курчаво-сѣдой, черносизый, съ толстыми губами и блестящими глазами, съ голыми тонкими берцами и раскрытой грудью, подъ чернымъ платкомъ и въ пастушеской пѣгой хламидѣ; вотъ ярко озаренный уголъ какого-то вросшаго въ землю дома, сложеннаго изъ обломковъ дикаго камня и древнееврейскаго мрамора, съ травою на карнизѣ—надъ входомъ въ мясную лавку... Все сильнѣе и радостнѣе чувствуется близость къ какому-то далекому радостному утру въ дни молодости Іисуса... Но—вотъ и поворотъ къ Голгоѳѣ.

Съ улицы Давида переулочки ведутъ и вправо, и влѣво, среди лавокъ съ крестиками, образками, иконками. Наконецъ—калитка въ каменной оградѣ, а за ней—каменный дворъ, полный жаркаго солнца, подъ яркимъ голубымъ небомъ, стиснутый сросшимися стѣнами арабскихъ жилищъ, греческихъ и латинскихъ келій, минарета, католической колокольни и самаго храма. Мраморная паперть занята торговцами, разложившими на ней все тѣ же кипарисные и перламутровые крестики, четки и раковинки... И этотъ дворъ, храмъ—это-то и есть „Юдоль Мертвыхъ, плача и предградія“. Нѣкогда она лежала внѣ городскихъ стѣнъ, была пустошью, служила для свалки нечистотъ и мусора, для позорнѣйшей казни и сжиганія казненныхъ. Потомъ стала величайшей святыней міра—святыней, къ которой не разъ приходили „по колѣно въ крови, но съ пѣніемъ псалмовъ и съ вайями въ рукахъ“! И владѣли ею то Римъ, поставившій надъ могилой Распятаго храмъ Венеры, то Византія, то Хозрой, то Омаръ, то Готфридъ, то султаны Стамбула... Думалъ ли Онъ, говорившій съ такой дѣтской радостью о радостяхъ жизни, о птицахъ небесныхъ и лиліяхъ полевыхъ, что

распнутъ Его со злодѣями въ этой Юдоли смерти, истребятъ ради имени Его миріады душъ и воздвигнутъ на мѣстѣ воскресенія Его этотъ храмъ?

Фасадъ храма сѣръ и тяжелъ. Входы — въ большихъ глубокихъ сводахъ, украшенныхъ обветшалыми барельефами. Одинъ грубо заложенъ камнями. Другой широко зіяетъ темнотой, усѣянной цвѣтными огоньками лампадъ. Два старинныхъ рѣшетчатыхъ окна во второмъ ярусѣ слишкомъ малы, не замѣтны, по сравненію съ фасадомъ. И фасадъ кажется частью слѣпой крѣпостной стѣны... Толпой выходятъ изъ храма русскіе мужики и бабы, оборачиваются, кланяются до земли и, встряхнувъ волосами, вздыхая и вытирая полами заплаканные глаза, идутъ шататься по базарамъ... Злорадно верезжатъ и черными стрѣлами носятся вокругъ горячо нагрѣтыхъ стѣнъ стрижи... Снисходительно-ласково, притворно-сердито воркуютъ голуби, прижавшись на выступѣ карниза... Тишина, ослѣпительное солнце, бездонное яркое небо—красота и жизнь вокругъ.

Но въ порталѣ, на широкихъ нарахъ, курятъ, пристально глядя на шахматы, турецкіе солдаты. Дальше—сумракъ перваго притвора и среди исполинскихъ погребальныхъ свѣчей, на низкомъ помостѣ, подъ балдахиномъ, увѣшаннымъ дорогими разноцвѣтными лампадами,—желто-розовая плита: Камень Помазанія. Налѣво—колоссальная ротонда подъ колоссальнымъ несведеннымъ куполомъ, дѣтски расписаннымъ облаками, лазурью, ангелами. Посреди нея—часовня песочнаго мрамора, вся сверху донизу въ блестящихъ окладахъ и горящихъ лампадахъ. У входа—разноцвѣтныя свѣчи, перевитыя сусальнымъ золотомъ, выше роста человѣческаго... Вотъ онъ, этотъ жуткій погребальный Вертепъ, такой тѣсный, что въ немъ трудно повернуться, и настолько залитый свѣтомъ, что въ немъ слѣпнешь

и не сразу разглядишь у стѣны направо низкую лежаночку бѣлаго мрамора! А къ ней-то и текутъ со всего міра, ее-то и кропятъ ежечасно розовой водой, надъ ней-то и пылаютъ пятьдесятъ драгоцѣнныхъ лампадъ и цѣлые костры восковыхъ свѣчей...

Послѣ жара и блеска Вертепа, сумрачно, грязно кажется въ ротондѣ. Тутъ съ утра до вечера—сплошной крестный ходъ, давка, слезы, рыданія, служба на всѣхъ языкахъ. Служатъ и въ греческомъ соборѣ, рядомъ, и въ католическихъ придѣлахъ, и на Голгоѳѣ—маленькомъ темномъ алтарѣ, куда поднимаются изъ преддверія ротонды по мраморной лѣстницѣ ступеней въ двадцать. Служатъ и въ дальнихъ подземныхъ храмахъ, гдѣ стоитъ вѣчная ночь, мракъ, озаренный лампадами, и холодокъ могилы... И всюду золото, иконостасы, драгоцѣнные камни, образа всѣхъ временъ и всяческаго письма, ладонъ, католическія Распятія, статуи Мадонны въ коронѣ, въ порфирѣ, съ сердцемъ, пронзеннымъ мечомъ... „На горѣ сей пьютъ радость, пьютъ вино!“

Но еще болѣе горькая радость—у Стѣны Плача, у останковъ святилища Іеговы.

Если не свернешь съ улицы Давида къ Голгоѳѣ и пройдешь немного ниже, невольно свернешь вправо, въ узенькіе и жаркіе трущобные ходы, что́ уступами приводятъ въ глухой длинный закоулокъ. Съ трехъ сторонъ замыкаютъ его стѣны каменныхъ домовъ и домишекъ. Съ четвертой, — если стать лицомъ къ востоку,—громадная крѣпостная стѣна: Стѣна Плача, остатокъ укрѣпленій вокругъ храма Соломона, а теперь часть стѣнъ вокругъ Мечети Омара.

По утрамъ здѣсь тѣнь. Зелень нѣсколькихъ акацій радуетъ глаза, отвыкшіе отъ зелени. Радостными синими глазами глядитъ сверху небо. Но подъ стѣной, подъ ея золотистыми камнями, отшлифованными ми-

ріадами устъ, стоитъ немолчный стонъ, дрожащій гнусавый вой, жалобный ропотъ и говоръ. Онъ то замираетъ, то возрастаетъ; то сливается въ нестройный хоръ, то дѣлится на выкрики. Женщины, накрытыя шелковыми шалями, приклоняютъ къ стѣнѣ головы и бормочутъ ей свои жалобы покорно и несмѣло. Мужчины, прижавшись къ ней лѣвымъ плечомъ, держатъ въ лѣвой рукѣ старинные молитвенники, а правую простираютъ къ верхнимъ камнямъ. Они быстро, быстро читаютъ, выкрикиваютъ какія-то заклинанія, и страстно молятъ, ищутъ кого-то въ ясномъ небѣ. Они въ отчаяніи опускаютъ вѣки, поднимаютъ брови и, стеная, раскачиваются... И вдругъ оживаютъ, раскрываютъ заблестѣвшіе глаза... И въ то время, какъ одни хватаются за головы, топаютъ ногами и рыдаютъ, другіе жадно покрываютъ поцѣлуями стѣну, съ радостными воплями подскакиваютъ и бьютъ въ ладоши...

Сколько здѣсь круглоликихъ, огне-глазыхъ юношей съ черносиними пейсами, въ одеждахъ испанскихъ евреевъ, и тонконогихъ, худосочныхъ старцевъ, точно прожившихъ тысячелѣтіе или сбѣжавшихъ изъ долины Іосафата! Лица ихъ блѣдны, какъ смерть, головы закинуты, большія выпуклыя вѣки сомкнуты, крутые сѣрые пейсы и бѣлыя длинныя бороды трясутся. Страшно то, что эти библейскіе покойники наряжены—въ новыя мѣховыя шапки сверхъ ермолокъ и въ алые бархатные халаты, которые, распахиваясь, открываютъ жидкія ноги въ бѣлыхъ чулкахъ и погребальныхъ туфляхъ. Но еще страшнѣе, когда они на вечернихъ литаніяхъ въ пятницу соединяютъ свои дрожащіе голоса въ одинъ мучительный вопль, отвѣчая предстоящему.

— Ради чертоговъ покинутыхъ!—скорбнымъ тенoромъ восклицаетъ предстоящій.

— Одинокіе, сидимъ мы и плачемъ!—жалобно, фальцетами вскрикиваютъ старики.

— Ради чертоговъ разрушенныхъ...

— Одинокіе, сидимъ мы и плачемъ!

— Ради стѣнъ ниспровергнутыхъ...

— Одинокіе сидимъ мы и плачемъ!

— Молимъ Тебя, умилосердись надъ Сіономъ!—запѣваетъ предстоящій.

— Собери чадъ Іерусалима!—подхватываютъ старики.

— Поспѣши, поспѣши, Искупитель!

— Возрадуй сердце Іерусалима!

— Да воцарится на Сіонѣ миръ и радость!

— И опять расцвѣтетъ жезлъ Іессея!

Но уже никогда, никогда не расцвѣсти ему снова ветхозавѣтными цвѣтами! И какъ могла забыть земля о томъ незабвенномъ утрѣ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, когда вошелъ Отрокъ въ Назаретскую синагогу?

„Ему подали книгу пророка Исаіи; и Онъ, раскрывъ ее, нашелъ мѣсто, гдѣ было написано: Духъ Господень на Мнѣ, ибо Онъ помазалъ Меня благовѣствовать нищимъ и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдовать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу...“

V.

Мечеть Омара, такая сумрачная и тяжелая вечеромъ, неузнаваема утромъ. Но тогда, съ горъ и высотъ, еще виднѣе нагота безлюдной Іудеи, вретище Іерусалима, окруженнаго кремнистыми долинами,—этими сплошными некрополями всѣхъ вѣковъ и народовъ, гдѣ всегда такъ жарко и сухо, гдѣ такъ жестко

бѣлѣютъ несмѣтные могильные камни. Одна мечеть цвѣтетъ надъ Іудеей во всемъ богатствѣ и великолѣпіи своихъ палевыхъ кафель, голубыхъ фаянсовъ, черносиняго купола, мраморнаго двора, занявшаго почти двадцать десятинъ, и тысячелѣтнихъ кипарисовъ...

Даже изъ-за Мертваго Моря, съ первыхъ уступовъ Моава видна она. Въ знойномъ неоглядномъ просторѣ открываются огнемъ горящія на югѣ и теряющіяся въ блескѣ неба и солнца водны, поглотившія Содомъ и Гоммору; за ними—таинственная свѣтоносная Аравія. На сѣверѣ, въ глубинѣ безконечныхъ извилистыхъ долинъ исчезаетъ Іорданъ, пролагающій свой узкій путь среди сѣро-блестящихъ песковъ и тропическихъ кустарниковъ. Напротивъ, на западѣ, за огромной низменностью этихъ долинъ, гдѣ Іорданъ сливается съ Мертвымъ Моремъ,—Іерихонъ. Маленькимъ оазомъ темнѣетъ онъ въ пустынѣ, у слоистаго подножія Іудейскихъ горъ. Выше, среди ихъ голыхъ желто-сѣрыхъ переваловъ и впадинъ, какъ модель аравійской крѣпости, лежитъ Іерусалимъ — и тускло блестятъ надъ нимъ купола Мечети и Гроба. И отъ Аравіи, изъ-за Іордана, съ морскихъ побережій—отовсюду стекаются къ стѣнамъ и святынямъ этой крѣпости пути поклонниковъ всѣхъ странъ и народовъ. Мечеть — первая Кебла Ислама. Самъ Пророкъ заповѣдалъ молиться, обратясь лицомъ къ камню Моріа, нынѣ покрытому ею,—Мекка позднѣе, уже послѣ его смерти, стала Кеблой. И „пилигримъ, вступившій за Священную Ограду мечети и поклонившійся Камню, одинъ получаетъ награду, равную наградѣ тысячи мучениковъ, ибо здѣсь молитвы его такъ близки къ Богу, какъ если бы онъ молился на небѣ...“

Сожженный зноемъ Мертваго Моря и преддверія родины Пророка, возвратился я въ Іерусалимъ—и послѣднимъ даромъ его была тайна и красота „Несравненной“ Мечети.

Черномазый арабъ-часовой, въ фескѣ и синей турецкой формѣ, съ карабиномъ на плечѣ, медленно бродилъ возлѣ старыхъ крѣпостныхъ воротъ, когда мы, спустясь по улицѣ Давида, несмѣло остановились возлѣ нихъ. Еще очень недавно великихъ трудовъ стоило не только войти, но даже заглянуть во дворъ Святилища, а сто лѣтъ тому назадъ за это платили жизнью. Евреи считали тогда смертнымъ грѣхомъ ступить на его порогъ—осквернить божественную землю своимъ прикосновеніемъ. Теперь часовой только покосилъ своими голубоватыми бѣлками съ кровавыми жилками, только блеснулъ огненно-чернымъ зрачкомъ. А проводникъ мой, худосочный рыжеватый юноша, былъ—еврей.

Близился полдень, страннымъ, металлическимъ свѣтомъ блистали въ пролеты длинной, отдѣльно стоящей прямо противъ воротъ колоннады грани огромнаго храма, вознесеннаго на длинную мраморную площадь-помостъ и казавшагося еще огромнѣе среди ослѣпительно-бѣлаго простора каменнаго двора. Вдали налѣво, въ его сѣверо-западномъ углу, высился минаретъ Омара, похожій на маякъ, и тяжкая громада Цитадели Антонія. Вдали направо, въ юго-восточномъ углу, бѣлѣлъ среди двухъ черныхъ кипарисовъ фасадъ храма Введенія, теперь—Мечети Эль-Акса. Два-три столь же древнихъ и живописныхъ кипариса сторожами стояли и возлѣ самой Мечети Омара. Нѣсколько ветхозавѣтныхъ оливъ раскидывались тамъ и сямъ своими серебристо-пыльными купами надъ плитами двора, проросшаго тонкою блѣдно-зеленой травой. Мавританскіе кіоски, фонтаны, вышки рѣзныхъ каѳедръ оживляли дворъ. Подъ одной изъ оливъ, прямо, по-женски, вы-

тянувъ ноги, сидѣли двѣ благочестивыя мусульманки, закутанныя въ легкія блѣдно-розовыя покрывала. Голуби, трепеща и свистя крыльями, падали порою на горячія ступени помоста... Но казалось, что уже давно, давно не ступала въ этомъ свѣтломъ и тихомъ дворѣ нога человѣческая,—что въ какомъ-то заповѣдномъ царствѣ растутъ эти черныя картинныя деревья и блистаютъ чистотой эти каменныя плиты, эти мертвенно-изящные кіоски и эта длинная крытая колоннада, стоявшая передъ нами какъ бы тріумфальнымъ порталомъ священной паперти-помоста. И мертвенно-четки были линіи, мертвенно-холодно сіяли вѣчно-свѣжія краски храма, возвышавшагося въ своемъ азіатскомъ великолѣпіи среди свѣта и зноя, подъ слегка аспиднымъ аравійскимъ небомъ.

Храмъ царитъ надо всѣмъ, что вокругъ него, и весь на фонѣ этого неба. Его длинный восьмиугольникъ, весь изъ драгоцѣнныхъ золотистыхъ мраморовъ, и его нѣжно-лазурный барабанъ, поддерживающій куполъ,—все это немного приземисто по сравненію съ величиной темно-синяго свинцоваго полушарія—рубчатаго сарацинскаго купола, увѣнчаннаго необычно большимъ, трехъаршиннымъ золотымъ серпомъ луны съ соединяющимися острыми концами. По-аравійски сумрачная вверху, по-дамасски блистающая инкрустаціями снизу, Мечеть рѣзко глядитъ въ пролеты колоннады, сквозной стѣной стоящей на верхней ступени широкой пологой лѣстницы.

По ней мы и поднялись на помостъ. И тогда Мечеть еще ослѣпительнѣе предстала передъ нами своей громадой въ чистомъ жаркомъ воздухѣ. Почти правильная полусфера купола чуть-чуть заострена на вершинѣ, чуть вогнута у основанія—и кажется легче. Верхній карнизъ барабана и пространство между его

окнами — все въ лазурныхъ и бѣлыхъ маіоликахъ, испещренныхъ золотою вязью куфическихъ надписей. Широкая, блистающая полировкою, лента бѣлыхъ и лазурныхъ изразцовъ, тоже вся въ золотой вязи, идетъ и надъ большими полукруглыми окнами по стѣнѣ самаго восьмиугольника. Подъ ними—гладкость и чистота золотистыхъ мраморовъ: стѣны Мечети сплошь мраморныя.

Худой живоглазый мулла быстро распахнулъ дверь ея, и, разутые, скользя по желтымъ камышевымъ цыновкамъ, вступили мы въ прохладу и сумракъ, слабо озаренный голубымъ и розовымъ свѣтомъ драгоцѣнныхъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Стѣны и здѣсь выложены мраморами. Позолотой покрытъ покато-плоскій потолокъ, соединяющій ихъ съ барабаномъ подъ куполомъ. „Что это кажется страннымъ въ этой Мечети?“ думалъ я, пока глаза мои привыкали къ ея полусвѣту. И, наконецъ, понялъ: ахъ, то, что нѣтъ въ ней обычнаго простора!

Простора нѣтъ потому, что стоитъ въ ней восьмиугольная колоннада: восемь широкихъ столповъ и шестнадцать колоннъ, соединенныхъ архитравомъ. Пролеты между ними—арками. Какъ старинная парча, покрываетъ эти столпы и архитравъ блеклая зелень, матовое серебро и золото мозаики, переносящей мысль къ Византіи. Византійскими капителями увѣнчаны и колонны.

Но мало того: за этой аркадой высится вторая—кругъ изъ четырехъ столповъ и двѣнадцати колоннъ, поддерживающій барабанъ съ куполомъ, кругъ древнихъ яшмовыхъ и порфировыхъ колоннъ—наслѣдіе Соломона и Адріана. И уже совсѣмъ загромождаетъ Мечеть, совсѣмъ необычно то, что съ великимъ изумленіемъ видишь въ этомъ кругѣ, за этими колоннами,

соединенными невысокой бронзовой рѣшеткой: подъ зеленымъ шелковымъ балдахиномъ, нарушая всякое человѣческое представленіе о всяческой человѣческой постройкѣ, тяжко и грубо чернѣетъ дикая морщинистая глыба гигантскаго камня! Куполъ выстланъ внутри той же матовой зелено-золотой парчей мозаики. Сказочно-разноцвѣтное сіяніе льютъ рубиновыя, сапфировыя, топазовыя стекла. Неясно блистаетъ весь храмъ мраморами и загорающимися гранями хрусталя на несмѣтныхъ люстрахъ. Тонкимъ ароматомъ кипариса и розовой воды напоенъ прохладный сумракъ... Зачѣмъ же такъ первобытно вторглась въ этотъ божественный молитвенный чертогъ сама природа?

Талмудъ говоритъ: Камень Моріа, скала, на которой первый человѣкъ принесъ первую жертву Богу,—средоточіе міра. Скалу Моріа, что была покрыта нѣкогда храмомъ Соломона, а нынѣ хранима Мечетью Омара, положилъ въ основаніе вселенной самъ Богъ. И было имя ея—Шатія, что значитъ—колеблющаяся.

Древнія книги и легенды Іудеи и Аравіи говорятъ: „Въ Іерусалимѣ Богъ сказалъ Скалѣ: ты—основаніе, отъ коего началъ Я созданіе міра... *Отъ тебя воскреснутъ сыны человѣческіе изъ мертвыхъ*“. „Сойдя въ пещеру подъ Скалой, Мединиръ-едъ-Данъ видѣлъ чудо чудесъ: колеблющаяся глыбакамня, ничѣмъ и никѣмъ не поддерживаемая, висѣла въ высотѣ, подобно парящему орлу“. Магометъ—въ ночь своего путешествія изъ Медины въ Іерусалимъ на верблюдицѣ Молнія—сталъ свой священной стопою на Скалу Моріа, раскачивающуюся между небомъ и землею. Былъ взмахъ, почти достигшій вратъ Рая,—и Скала издала крикъ радости. Но Пророкъ повелѣлъ ей молчать—и одинъ вошелъ во врата Рая. А Скала вновь пала къ землѣ—и вновь вознеслась—и въ движеніи

своемъ пребываетъ и донынѣ: „не мѣшаясь съ прахомъ и не смѣя преступить неба“.

Каббалистическія книги говорятъ: „Адонаи-Господь воздвигъ въ Безднѣ камень, творя міръ, и начерталъ на камнѣ Имя Святое. Когда поднимаются воды Бездны до камня, онѣ убѣгаютъ вспять въ ужасѣ. Когда произносится ложное слово, камень погружается въ воды—и смываются буквы Святого Имени. Но Ангелъ Азаріэла, имѣющій семьдесятъ ключей къ таинству Святого Имени, снова пишетъ его на Камнѣ и оно снова гонитъ прочь воды“.

„Въ дни пророковъ Камень былъ внутри Святилища храма Соломона и первосвященникъ ставилъ на немъ курящуюся кадильницу. На немъ же стоялъ и Ковчегъ Завѣта, урна съ манной и лежалъ вѣчно цвѣтущій жезлъ Аарона. Нынѣ Ковчегъ Завѣта скрытъ въ тайникахъ подъ камнемъ, гдѣ сохранялъ его отъ враговъ и самъ Соломонъ, которому камень давалъ неземную силу: съ него видѣлъ царь весь міръ отъ края и до края—и понималъ языкъ птицъ и звѣрей“.

Но вотъ, въ день паденія храма, въ девятое число мѣсяца Аба, Камень Жизни, вѣчно колеблющійся Камень Жизни, останавливается. Сила его изсякаетъ. Тайну тайнъ, неизреченныя письмена, означающія Святое Имя, прочелъ Іисусъ. И къ Нему же перешла и сила Камня. „Іисусъ, воспринявшій силу его, творилъ чудеса этой силой“... Затѣмъ Римъ разрушаетъ храмъ—и Камень останавливается. Гдѣ же теперь силы Камня?

Для Іудеи Камень Жизни замеръ, застылъ навѣки. За Іисусомъ, говоритъ Исламъ, сила Камня перешла къ Пророку. И правъ Исламъ: Пророкъ снова далъ движеніе Камню, онъ вознесъ его къ небу. И сила этого движенія была необычна, жизнь жившихъ ею—юношески пламенна, полна страстнаго служенія Богу.

Но недолго сіяло и солнце Ислама во всей славѣ своей. Вотъ уже гаснетъ и его вѣра, и самъ онъ, самъ признаетъ нынѣ, что слабѣютъ размахи Камня, затопляютъ воды Бездны Святое Имя, начертанное на немъ... Что же готовитъ міру будущее?

Взволнованный, смотришь на темную глыбу скалы среди мечети, и полнымъ великаго смысла начинаетъ казаться это сочетаніе земли и неба—храма и камня. И, покидая Мечеть, думаешь: долженъ міръ снова возвратиться ко Христу,—къ тому Христу, что нѣкогда воспріялъ силу Камня и былъ истиннымъ сыномъ земли и духа. Развѣ Онъ, съ такою несказанной полнотой воплотившій въ Себѣ божественное Начало Жизни, говорившій: „Я въ Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ“, не сочеталъ небеснаго съ земнымъ, между тѣмъ какъ подъ стопой Пророка Камень Жизни не касался ни земли, ни неба?

VI.

Въ сумерки, проходя по базару въ Яффѣ, я нечаянно поднялъ глаза и увидѣлъ тонкій серпъ луны. Закрывались въ полумракѣ рядовъ лавочки, приносили отъ фонтана послѣдніе кувшины. Собаки, горбясь и сливаясь съ темнотой внизу, подбирали остатки торга. Неожиданно дошла откуда-то нѣжная сладость цвѣтущаго дерева. Я поднялъ глаза и увидѣлъ въ легкомъ и прозрачномъ небѣ вихоръ пальмы, а высоко, высоко надъ нимъ—острый, чистый, тонкій серпъ Астарты.

На берегу, подъ городской стѣной, тянуло теплымъ вѣтромъ съ неоглядной мелкой зыби взморья. Чуть видныя, мягко и красиво намазанныя сизой мутью облака терялись на закатѣ. Я легъ на теплый гладкій камень, среди камней, взгроможденныхъ вдоль берега

„Сумерки, море, уголъ ханаанско-аравійскихъ береговъ“... подумалъ я. Надъ стѣной, въ старомъ каменномъ домишкѣ зіяетъ черная дыра окна безъ стеколъ, съ рѣшеткой. Слышно, какъ тамъ, въ каморкѣ, безъ огня, укладываются спать и, плача, ссорятся дѣти... Да, совершила жизнь огромный кругъ! Всѣмъ существомъ пережилъ я за эти мѣсяцы долгую и страшную лѣтопись Востока... На юго-западѣ, надъ лиловатой тьмой моря склоняется покраснѣвшій, меркнущій и теряющійся въ небѣ серпъ. И такъ пустынны сумерки надъ гаванью безслѣдно исчезнувшаго съ лица земли Ханаана, такъ все просто и бѣдно вокругъ, точно я одинъ во всемъ мірѣ, у его безлюднаго начала...

Пароходъ пришелъ и отошелъ нынче съ европейской точностью. Опять замелькали вокругъ меня тропическіе шлемы и каскетки, кодаки и бинокли, плэды и красные путеводители... Убирали трапы, восточная галда смолкла. Жаркое солнце склонялось къ золотому морю. Рейдъ стоялъ какъ зеркало, рифы обнажились, отдыхали, бѣлыя чайки, плававшія надъ кормой, казались огромными. Въ упоръ освѣщенная Яффа, громоздясь на холмѣ, переливалась зеркальнымъ отраженіемъ воды и вся была цвѣта банана. Задрожала, поворачиваясь, корма, забурлилъ винтъ—и Яффа тронулась. Но я не спускалъ съ нея глазъ до тѣхъ поръ, пока она, все отдаляясь, не слилась, наконецъ, съ песками на югѣ, фіолетовыми отъ голубой дымки воздуха и опускающагося солнца.

А потомъ я смотрѣлъ на Сарону и на песчаную береговую полосу, вдоль которой мы шли на сѣверъ. Все смутнѣй и меланхоличнѣй становилась равнина, все блѣднѣе и облачнѣе—горы. Солнце погасло—и вода у береговъ стала тяжелой, кубовой. Одинокимъ, затерянным казалось какое-то селеньице, далеко, далеко

бѣлѣвшее въ сини равнины. Я смотрѣлъ и дивился ея безлюдности. Палестинское побережье лишено даже слѣдовъ древности. Ихъ стерли, въ борьбѣ съ язычествомъ, еще цари Іудеи. А время докончило эту работу. Вонъ тамъ, на чуть видной сѣверной окраинѣ, въ устьяхъ рѣкъ, бѣгущихъ отъ Кармила, лежала Кесарія. Нѣкогда это былъ славный на весь міръ портъ и городъ Ирода; теперь—пески, обломки камня и колючій кустарникъ... И такъ—по всему побережью.

Съ вечера было тепло и ясно. Палуба, испещренная легкими тѣнями снастей, чуть блестѣла. Море чернѣло вокругъ. Въ вышинѣ, сквозь снасти, розовато сіялъ теплый золотой полумѣсяцъ. Но близился Ливанъ. На ночь я открылъ въ каютѣ иллюминаторъ—и въ два часа проснулся: стало прохладно, по темной каютѣ ходилъ сильный влажный вѣтеръ. Я заглянулъ за бортъ—и тамъ была сѣроватая темь. Пахло моремъ. Ливанъ дышалъ мглою. Во мглѣ, какъ на краю земли, висѣли два мутныхъ маячныхъ огня. Дальній былъ краснова-тый. Я подумалъ: это—Тиръ или Сидонъ... И стало жутко.

За Кесаріей—слѣды Египта и Финикіи. Въ дни служенія Астартѣ на мѣстѣ Кесаріи былъ какой-то большой хананейскій городъ, упоминаемый въ надгробномъ заклятіи царя Эзмунацара. Ранѣе, въ дни поклоненія „Богу всепожирающаго времени“, крокодилу,—египетскій Крокодилопосъ. И въ пескахъ, затянувшихъ останки этихъ городовъ, говорятъ, и теперь еще находятъ разбитые сіениты, мраморы, первобытныя мозаики, камни цистернъ, погребальные колодцы крокодиловъ.

Но что Кесарія! Въ полночь мы прошли и самый Кармилъ, горный мысъ Ваала-Громовержца. Съ Кармила іудейскіе пророки метали самыя ярыя проклятія язычеству. На Кармилѣ въ одной изъ пещеръ троглодитовъ жилъ Илія, лютѣйшій врагъ Ваала. Но жизнь на языческой горѣ, бывшей ипостасью самого Бога, не прошла для Иліи даромъ. Тысячи преданій слили его образъ съ образомъ космическаго бога: Илія былъ питаемъ врана-ми, повелѣвалъ громами и бурями, низводилъ огнь и дождь съ неба, превращалъ въ камни растенія, заживо, какъ истый сынъ Солнца, вознесся къ нему на пламенной колесницѣ. И все это сдѣлалъ Кармилъ, одно имя котораго влекло поклонниковъ со всего міра, Кармилъ, на которомъ не было даже капищъ,—только каменные жертвенники,—Кармилъ, у подошвы котораго Лемехъ убилъ одичавшаго Каина, принявъ его за звѣря! Необозримое море, съ трехъ сторонъ лежащее подъ Кармиломъ, бушуетъ почти круглый годъ. И богослуженія въ монастырѣ Кармелитовъ, стоящемъ теперь на Кармилѣ, принимаютъ порой жуткое величіе древнихъ языческихъ богослуженій. „Море заглушало голоса поющихъ и органъ,—говоритъ одинъ паломникъ.—Надъ горою стоялъ непрерывающійся гулъ—гласъ Божій, потрясающій пустыню и приводящій въ содроганіе горы...“

Качало у Кармила и нынче. Засыпая, я чувствовалъ, какъ темная каюта опускается и поднимается, слышалъ скрипъ переборокъ... Теперь было тихо. Кармилъ былъ теперь далеко. Ровно, съ однообразнымъ плескомъ, бѣжала вода вдоль бортовъ погруженнаго въ сонъ и тьму парохода. Но шли мы уже мимо блудилищныхъ „гротовъ Астарты“ и погребальныхъ спэосовъ, мимо необитаемой, каменисто-песчаной полосы подъ волнистыми отрогами и скатами Ливана,—можетъ быть, мимо самаго Шеола, этого сплошного некрополя между Тиромъ и Сидономъ,—единственнаго наслѣдія славныхъ городовъ, нынѣ уступившихъ мѣсто маленькимъ и грязнымъ арабскимъ селеніямъ. И помню,—

лежа въ темнотѣ, я думалъ: съ какой первобытной дерзостью сочетали древніе поселенцы этихъ береговъ оргіи жизни—и смерть! Когда-то отъ Тира до самаго Сидона „можно было пройти подъ землею,—по гробовымъ пещерамъ и колодцамъ“. На скатахъ надъ ними открыто лежали огромные саркофаги, вырубленные прямо въ скалахъ. Но какъ смѣло и вольно мѣшались съ ними гроты Астарты! Ея поклонники и поклонницы чертили мистическій знакъ Треугольника даже на стѣнахъ спэосовъ. А Тиръ? Развѣ думалъ онъ о смерти,—онъ „Сынъ Солнца и Моря“, „рожденный въ вѣкахъ баснословныхъ“, превзошедшій всѣ народы жаждой жизни, „алкавшій земель міра“, доходившій въ своей алчбѣ отъ тропическаго Офира до полярнаго Острова Мрака? Развѣ не былъ смѣлъ онъ, чье имя было такъ первобытно просто—Скала—и чьи помосты были, по слову пророковъ, изъ Сенарскихъ кипарисовъ, мачты—изъ кедровъ Ливана, весла—изъ дубовъ Виссанскихъ, паруса—изъ узорныхъ полотенъ Египта? Къ Тиру обращался самъ Господь-Адонаи, называя его „печатью совершенства, полнотой мудрости и вѣнцомъ красоты...“

И все же побѣдила смерть. „Тиръ, умолкшій среди моря! Кую мзду пріобрѣлъ ты отъ него? Сія глаголетъ Адонаи-Господь: се Азъ на тя, Суръ, и приведу на тя языки многи, яко же восходитъ море волнами своими...“ Ужасныя слова! Но есть еще ужаснѣе: „Вотъ я приведу на тебя, Тиръ, лютѣйшихъ изъ народовъ, и они обнажатъ мечи свои противъ красы твоей мудрости. Сдѣлаю тебя городомъ опустѣлымъ, подобно городамъ необитаемымъ, когда подниму на тебя пучину... Низведу тебя съ отходящими въ могилу къ народу давно бывшему и помѣщу тебя въ преисподнихъ земли... Ужасомъ сдѣлаю тебя... Ибо вознеслось сердце твое и сказало: азъ есмь Богъ!“

„Азъ есмь Богъ“... Библейскіе пророки поставили передъ человѣчествомъ роковой вопросъ: богъ ли человѣкъ? Они первые повѣяли на міръ холодомъ безнадежности, до потрясающей высоты вознесли проклятія слишкомъ забывшейся жизни. И по слову ихъ и вышло: тиро-сидонскій берегъ, столь щедро оплодотворяемый Богиней Жизни, далъ начало образу Шеола—преисподней. Его погребальныя камеры и колодцы, перемѣшанные съ гротами страсти, получили страшныя названія „сѣтей смерти“, „колодцевъ гибели“. И страхъ уже властно простеръ надъ страною Солнца свои темныя крылья: онъ пришелъ сюда изъ Египта, вѣрившаго въ безсмертіе, но все же отдавшаго слишкомъ много силъ на борьбу со смертью. Онъ принесъ сюда тайны бальзамированія и жуткіе человѣкоподобные саркофаги... А связь человѣка съ космосомъ уже слабѣла. Начинались тѣ великія истребленія царства царствомъ, та оргія смерти, на которыя такими ошеломляющими пророчествами откликнулась Іудея. И тогда уже громко, языкомъ пророковъ заговорилъ страхъ въ Финикіи. Это вѣдь онъ диктовалъ заклятіе Эзмунацара, мольбу его скорби и беззащитности,—надпись, высѣченную на его огромномъ гробѣ чернаго гранита:

„Въ мѣсяцъ дождей, въ годъ четырнадцатый царствованія... Пораженъ, плѣненъ я, наслѣдникъ дней героевъ, сошелъ въ адъ, сынъ бога смерти... Заклятіе мое передъ всѣмъ царствомъ и всѣмъ человѣчествомъ: да не вскрываетъ никто входа моего, не сдвигаетъ саркофага гробницы моей, не оскорбляетъ меня внесеніемъ другого гроба!“

Богъ ли человѣкъ? Или „сынъ бога смерти“?

На это отвѣтилъ Сынъ Божій.

ПУСТЫНЯ ДЬЯВОЛА.

I.

„Гласъ вопіющаго въ пустынѣ: приготовьте путь Господу, прямыми сдѣлайте стези Ему...“

Глядя съ крышъ Іерусалима на каменистыя окрестности,—чаще всего на востокъ, на пустыню Іудейскую,—каждый разъ вспоминаю я эти слова,—прологъ величайшей изъ земныхъ трагедій. Какъ волнуетъ онъ здѣсь, весь созданный изъ противоположностей!

Дьяволъ, Азазелъ, имя и образъ котораго такъ и остались тайной, былъ издревле владыкой пустыни. Это онъ обиталъ въ ея знойномъ сѣро-каменномъ морѣ, нѣкогда взбудораженномъ подземными силами и навсегда застывшемъ. Это ему каждый годъ—въ десятый день седьмого мѣсяца—посылали левиты и первосвященники Козла Отпущенія—отъ лица всего Израиля, за всѣ грѣхи народа. И не странно ли, что именно оттуда прозвучали первые призывы Предтечи?

Послѣ бури и молній, Богъ пришелъ въ пещеру Иліи въ сладостномъ вѣяньѣ вѣтра. Сладостнымъ вѣтромъ было и пришествіе въ міръ Іисуса. Но лежала „сѣкира при корнѣ дерева“. Жуткими пророчествами возвѣстилъ Предтеча о Грядущемъ за нимъ.

Не было тогда города, равнаго богатствомъ и красой Іерусалиму. Изъ Яффы были видны его зданія,

блиставшія золотомъ и мраморомъ: „Іоаннъ же носилъ одежду изъ верблюжьяго волоса и поясъ кожаный на чреслахъ своихъ“.

Въ тишинѣ зеленыхъ долинъ, въ мирныхъ людныхъ селеніяхъ протекла молодость Іисуса. Но въ первые же дни служенія Своего долженъ былъ Онъ отдать дань пустынѣ. Онъ крестится — и уже готовъ раскрыть уста, дабы благовѣствовать міру величайшую радость. Но „Духъ ведетъ Его въ пустыню“. Трагедія, въ которой будетъ столько красоты и нѣжности, все же остается трагедіей. И Азазелъ не можетъ не участвовать въ ея прологѣ. Онъ знаетъ, что завершится она во имя Азазела. Онъ какъ бы символъ тѣхъ ветхозавѣтныхъ, Богомъ проклятыхъ мѣстъ, гдѣ сокрылся Каинъ, жаждущій крови брата своего. „И былъ Іисусъ тамъ сорокъ дней, искушаемый сатаною, и былъ со звѣрями“...

Пустыня видна изъ Іерусалима. Его каменная масса, заключенная въ зубчатыя сарацинскія стѣны и окруженная голыми каменными холмами, впадинами, оврагами, погостами,—на самомъ темени іудейскихъ высотъ. За восточнымъ оврагомъ, Кедронскимъ,—Элеонская гора. За нею и той горой, что южнѣе, — горой Соблазна, гдѣ Соломонъ воздвигъ нѣкогда капище Молоху Аммонитскому,—волнообразный, сѣро-сизый скатъ къ долинѣ Іордана и Мертваго Моря. Море сказочно-яркой бирюзой налито въ южномъ концѣ долины. А за долиной и этой бирюзою воздушно, мягко и густо лиловѣетъ какъ бы стѣна дыма, заступившая весь востокъ,—ровный и высокій хребетъ Моавитскихъ горъ.

Пустыней называется только тотъ скатъ, та дикая и отъ вѣка безплодная вулканическая страна, что за Элеономъ и горой Соблазна. Но развѣ власть Азазела не простирается и на пустынный, тропически-знойный долъ Іордана,—эту глубочайшую въ мірѣ низменность,

съ ея смертоносными лихорадками и воистину мертвыми водами, одно дыханіе которыхъ убиваетъ все живое? Мы слишкомъ давно лишены вѣры, съ которой слѣдилъ Израиль за жертвой, уводимой, во искупленіе грѣховъ его, въ пустыню. Для насъ эта пустыня—только растрескавшіеся отъ жгучаго солнца бугры и перевалы, усѣянные колючками и голышами, волны и впадины давно затихшихъ землетрясеній. Насъ они поражаютъ только безжизненностью, однообразіемъ, аравійскимъ зноемъ. Давно смолкъ грозный голосъ Предтечи. Смолкъ и кроткій голосъ Того, у Кого онъ былъ „недостоинъ, наклонившись, развязать ремень обуви“. Въ забвеніи почіетъ святая земля, переполненная несмѣтными человѣческими костями, возвратившаяся къ первобытной нищитѣ и безлюдности. Но незабвенна ея лѣтопись. И великой меланхоліи исполнены ея дремотныя дали.

Небо надъ ней нѣжное, блѣдно-голубое. Небо и солнце затуманены нынче дыханіемъ полдня, сухого, горячаго и душнаго. Жаромъ вѣетъ отъ стараго каменнаго города, его узкихъ и грязныхъ базарныхъ ходовъ подъ сплошною кровлей сизо-песочнаго цвѣта. Одинокая пальма, возвышающаяся на южной окраинѣ, опустила свое неподвижное опахало. Мягко, мутно-сине темнѣютъ куполы Гроба Господня и мечети Омара. Тысячи черныхъ стрижей кружатъ, сверлятъ полдневную тишину скрипучимъ верезжаніемъ. И море пепельно-сиреневыхъ холмовъ, простирающееся окрестъ, дремлетъ, теряется въ мглистой суши...

Поблѣднѣла даже сказочно-яркая бирюза у подошвы Моава.

II.

Но послѣ полдня тянетъ легкій вѣтеръ съ запада, и небо, воздухъ, солнце—все становится ярче, яснѣе.

За изсохшимъ русломъ Кедрона дорога поднимается, мимо погребальной пещеры Богоматери, Геѳсиманскаго сада и гробницъ Авесалома и Іосафата, по каменистымъ склонамъ Элеона, среди несмѣтныхъ плитъ еврейскаго некрополя, стоящихъ какъ раскрытыя книги, испещренныя крупными письменами.

Есть ли въ мірѣ другая земля, гдѣ бы сочеталось столько воспоминаній, самыхъ дорогихъ для человѣческаго сердца?

Гробъ Маріамъ! У стѣнъ сада, столь любимаго Сыномъ, въ ложѣ кремнистой долины, подъ сводами древняго полуподземнаго храма, въ тьмѣ котораго блещутъ несмѣтные огни, оклады и самоцвѣты, почіетъ Она, простая женщина изъ Назарета, вѣнчанная высшею славой—земной и небесной.

А русло Кедрона? Это долъ Іосафата, мѣсто грядущаго Страшнаго Суда, великая житница Смерти. Нѣтъ правовѣрнаго іудея и мусульманина, который не полагалъ бы несказанной радостью быть погребеннымъ въ этой юдоли и не вѣрилъ бы, что и всѣхъ лишенныхъ этой радости созоветъ въ нее Господь въ день Суда Своего. Онъ вѣдь сказалъ устами Іоиля: „Я соберу всѣ народы и приведу ихъ въ долину Іосафатову...“

Знойно, но солнце уже клонится къ западу, за Іерусалимъ. Отъ восточной стѣны пала тѣнь. Зато ослѣпительно-золотисты скаты Элеона, дорога, извилисто прорѣзанная по нимъ, плиты и гробницы некрополей. Золотиста лазурь надъ Кедрономъ и горой, золотисто-песочнаго цвѣта ястреба, рѣющіе надъ нами, трепещущіе своими острыми, въ черныхъ ободкахъ, крыльями. Любятъ они эти скаты, любятъ сушь пустыни, въ которую медленно вступаемъ мы, огибая среди запыленныхъ оливъ Элеонъ и все время думая о святости и древности этого пути.

За Элеономъ—Виѳанія. Это уже преддверіе пустыни. Нѣсколько старыхъ огромныхъ верблюдовъ въ грязно-рыжей сухой шерсти загораживаютъ дорогу на поворотѣ, грубымъ видомъ своимъ говоря о патріархальныхъ скитаньяхъ въ камняхъ и пескахъ. Но кругомъ еще мирно и весело. Чистъ и силенъ предвечерній свѣтъ, дали ясны, небо бездонно, склоны и холмы въ садахъ и виноградникахъ. Даже тощіе посѣвы зрѣютъ кое-гдѣ на глинистой почвѣ между ними. И Абудисъ, что направо, и Виѳанія, что налѣво,—это только нѣсколько кубовъ изъ сѣраго булыжника, окруженныхъ смоковницами, огромными кактусами, запыленными терновниками; въ крутыхъ, кривыхъ и узкихъ проходахъ между ними всюду соръ и тряпки, полуголыя черныя дѣти, слѣпые и убогіе. Это древнѣйшіе пріюты нищихъ и разбойниковъ, много разъ претерпѣвшіе за свои разбои разрушеніе. Но какъ должны радовать послѣ пустыни ихъ сады и люди!

И живымъ кажется образъ Іисуса. Сколько разъ подходилъ Онъ сюда, похудѣвшій, поблѣднѣвшій за дорогу въ пустынѣ, но всегда прекрасный, счастливый, привѣтливый! Здѣсь жили друзья Его. О древности могилы Лазаря говорятъ тѣ камни временъ Ирода, изъ которыхъ сложенъ входъ въ могильную пещеру, куда спускаются узкой холодною шахтой, со свѣчей въ рукѣ. Подлиннѣй же всего древность того пути, что приводитъ въ Виѳанію изъ страны Азазела глубокой, извилистой и страшной въ своей мертвенности лощиной Эль-Хотъ. Этотъ путь неизмѣненъ отъ вѣка. Восходя отъ іорданской низменности къ Іерусалиму, его нельзя миновать. Иныхъ сносныхъ путей въ пустынѣ Іудейской нѣтъ, не было, да и не могло быть, ибо только на этомъ пути есть источникъ,—Источникъ Апостоловъ,—безъ котораго немыслимы переходы по ней.

Отъ Виѳаніи начинается спускъ, неуклонное паденіе. И страна, лежащая окрестъ, сперва поражаетъ своей красотой, волнуетъ радостью, обманываетъ, какъ Искуситель.

На одномъ изъ скатовъ за Виѳаніей мы останавливаемся, очарованные. Чистъ и силенъ свѣтъ предвечерняго солнца. Воздухъ такъ прозраченъ, точно его совсѣмъ нѣтъ. И пустыня, каменнымъ волнистымъ моремъ падающая къ Іордану, кажется такъ мала, точно до Моава—рукой подать. Она кажется сизокоричнево-сѣрой, но сколько въ ней прелестнѣйшихъ оттѣнковъ—пепельныхъ, опаловыхъ, лазурныхъ, фіолетовыхъ! Какъ серебристо-голубой туманъ—далекая и неоглядная долина Іордана. Южное устье ея налито такимъ густымъ и яркимъ аквамариномъ, который кажется неестественнымъ на землѣ. А Моавитскія горы похожи теперь на великую грозовую тучу противъ солнца, заступившую весь востокъ и ни съ чѣмъ несравнимую по нѣжности и воздушности ея сине-лиловой стѣны. Но минута—и это видѣніе исчезаетъ надолго, надолго...

Мы теперь въ странѣ, лишенной всякаго очарованія,—если не считать рѣдкихъ пятенъ огненно-краснаго мака, кое-гдѣ оживляющаго ее. Рѣзкими, крутыми изломами вьется и падаетъ дорога съ возвышенностей на возвышенности, сплошь усѣянныя мелкимъ голышомъ и жесткой порослью желто-рыжихъ колючекъ. Быстро замыкается горизонтъ скалистыми и глинистыми ковригами, раздѣленными такими же логами и оврагами; быстро скрывается за ними послѣднее человѣческое жилье вмѣстѣ съ Элеонскою горою, показывается то справа, то слѣва—и опять пропадаетъ. Мы уже давно въ глубокомъ извилистомъ ложѣ потока, изсохшаго въ незапамятное время, и известковая дорога, пробитая здѣсь тоже съ незапамятнаго времени, поминутно пе-

реходитъ съ одного бока на другой. Золотисто-блѣдно отъ духоты и зноя небо, ни единаго кустика и ни единаго живого существа, кромѣ ящерицъ, не замѣчаетъ глазъ и не слышитъ ухо, и гробовая тишина стоитъ надъ этой страной, столь безплодной, что даже древнѣйшихъ кочевниковъ ужасала она, навѣки связанная съ образомъ незримо Обитающаго въ ней. Не даромъ бедуины еще и до сихъ поръ складываютъ вдоль Вади-эль-Хотъ пирамидки изъ щебня, въ знакъ заклятія темныхъ силъ пустыни. И у меня уже не остается никакого сомнѣнія въ правотѣ тѣхъ, что называютъ этотъ путь именно тѣмъ, по которому до самой таинственной „средины“ его провожали левиты жертву Азазелу. Какой же ужасъ долженъ былъ охватывать проходящихъ здѣсь при видѣ Іоанна, рѣшившагося раздѣлить его обитель! Какъ шарахались они въ сторону, когда внезапно, во весь свой ростъ, съ громовыми глаголами, появлялся онъ передъ ними изъ-за камней, въ своей одеждѣ изъ верблюжьяго волоса! И что̀ должно было испытать сердце Іисуса, обреченнаго провести здѣсь столько ночей—въ темнотѣ, съ ея призраками, съ лихорадочно-знойнымъ вѣтромъ отъ Мертваго Моря!

III.

Близится вечеръ.

Въ глубокой котловинѣ, изъ которой видны только жесткія очертанія окрестныхъ бугровъ да вечернее небо, бѣлѣетъ ханъ,—нѣчто въ родѣ каменнаго сарая,—и жарко блеститъ при низкомъ солнцѣ вода возлѣ него. Это мѣсто, гдѣ не разъ отдыхалъ Іисусъ. Это источникъ Апостоловъ, или, по древнему,—Источникъ Солнца, ибо не могли не посвятить древніе эту „жизнь пустыни“ богу жизни. Три бедуина, безъ плащей, съ

черными палками въ серебряныхъ обручахъ, стоятъ возлѣ худыхъ осликовъ и поджарыхъ потныхъ лошадей подъ сѣдлами, съ жадностью пьющихъ. Два сидятъ на порогѣ хана и курятъ, пристально глядя на насъ огромными черными глазами. Эти византійскіе глаза ровно ничего не выражаютъ, но кто знаетъ, что на умѣ у этихъ измаилитянъ?

Тѣ, что у источника,—народъ оборванный и невзрачный. Сидящіе на порогѣ—дѣло иное. И особенно одинъ изъ нихъ. Онъ неподвижнымъ взглядомъ слѣдитъ за нами, пока мы поимъ лошадей. Потомъ, ни на іоту не измѣняя лица, кидаетъ своему спутнику какую-то короткую гортанную фразу, совершенно не шевеля губами и такъ безстрастно, точно это не онъ говоритъ, а кто-то внутри его. И поднимается во весь свой огромный ростъ. Ноги его, обутыя въ стоптанные сафьяновые сапоги, очень длинны и слегка кривы, голова мала, откинута назадъ. Онъ на рѣдкость худъ, но одежды и оружія на немъ—не сосчитаешь. По плечамъ висятъ концы бѣлаго шерстяного платка, накинутаго на голову и рѣзко оттѣняющаго черноту глазъ, сизый загаръ маленькаго жесткаго лица, блестящую смоль рѣдкой жесткой бородки. Тонкая, какъ у муміи, шея обмотана шелковымъ лиловымъ платкомъ. На тѣлѣ—бѣлая рубаха до колѣнъ, поверхъ рубахи—палевый шерстяной халатъ въ синеватыхъ полоскахъ, поверхъ халата—кубовая кофта на ватѣ; и все это—подъ широкой и длинной хламидой изъ черно-синей шерсти. Онъ идетъ, волоча тяжелую кривую саблю въ серебряныхъ ножнахъ, поправляя одной рукой заткнутые за широкій поясъ изъ шали кремневые пистолеты и кинжалы, а другой—карабинъ за плечами...

— Откуда?

— Изъ Газы.

— А куда?

— Въ Іерусалимъ.

Но почему же, сѣвши на свою рѣзвую, злую и поджарую лошаденку, онъ поворачиваетъ за нами? Мы ѣдемъ на изволокъ рысью,—онъ не отстаетъ. Мы прибавляемъ рыси, прибавляетъ и онъ, весело и хищно расширяя ничего не выражающіе глаза и блестя зубами въ отвѣтъ на наши удивленные взгляды... И вдругъ, поравнявшись со мной, суетъ мнѣ въ руки мѣдный латинскій образокъ. Онъ кричитъ, что это—золото, и проситъ за него десять франковъ. Соглашается, впрочемъ, и на два. А, получивъ ихъ, круто поворачиваетъ и исчезаетъ за холмами и буграми, по которымъ уже синѣютъ вечернія тѣни.

Вечернее низкое солнце все рѣже блещетъ на перевалахъ. Временами, изъ боковыхъ овраговъ и ущелій, изъ-за скалъ и известковыхъ бугровъ, дуетъ вѣтеръ,—порывистый, какъ дыханіе горячечнаго. И только топотъ копытъ раздается въ гробовой тишинѣ окрестъ, въ скатахъ вдоль извилистаго дна Вади-эль-Хотъ. „Отсюда начинается дебрь самая дикая,—говоритъ одинъ старинный паломникъ.—Это дорога есть древняя, проложенная самою природою. Іосифъ Флавій упоминаетъ о дикости ея. Невступно черезъ два часа отъ Іерусалима мы поднимались на гору, на вершинѣ которой видны остатки хана или гостиницы благого Самарянина. Это мѣсто называлось издревле Адомимъ или Кровавое, по причинѣ частыхъ разбоевъ, здѣсь происходившихъ“... И глубокая тоска охватываетъ душу на этой горѣ, возлѣ пустого хана, при потухающемъ солнцѣ. Вотъ она, эта „средина“ пути, Бетъ-Гадруръ, гдѣ бросали на произволъ судьбы жертву Азазелу,—известковый перевалъ, поразившій нѣкогда воображеніе самого Іисуса и создавшій такую трогательную притчу! Чувство, съ которымъ глядишь на пустыню съ крышъ Іерусалима, величіе, которымъ звучитъ прологъ евангельской лѣтописи, исчезаетъ въ пустынѣ. Она вѣдь только камениста и мертва. Но и въ этомъ есть что-то мистическое, невыразимо тоскливое, азазеловское, ветхозавѣтное. Почему „тѣ, коихъ не стоилъ весь міръ, блуждали по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли?“ Почему человѣческая душа такъ жадно вѣритъ въ легенду, что на этой „срединѣ пути“, который считался путемъ въ преисподнюю, плакалъ самъ Прародитель, лишенный Эдема?

Чѣмъ дальше отъ Гадрура, тѣмъ все круче, отвѣснѣе падаетъ въ провалы и ущелья известковая дорога, прорѣзанная среди известковыхъ бугровъ, а съ переваловъ уже видно, что окрестные бугры измѣнили свой видъ и составъ,—стали конусообразными, похожими на потухшіе вулканы однообразнаго верблюжьяго цвѣта. Уже нѣсколько разъ открывалась передъ нами и долина Іордана, поражая обманчивой близостью, безграничностью своего пустыннаго, сѣро-блестящаго отъ соли пространства, лентой необычайно-темной и густой зелени вдоль береговъ своей узкой рѣки. Пространства за Іорданомъ, горы, кажущіяся теперь еще болѣе похожими на тучи и, увы, еще болѣе далекими отъ насъ, и даже синее устье моря ярко озарены низкимъ солнцемъ. Но уже почти до самой средины долины достигаетъ тѣнь отъ Іудейской пустыни, обрывающейся надъ Іерихономъ высокими скалистыми стѣнами. Тѣнь и вокругъ насъ,—на всѣхъ буграхъ и во всѣхъ котловинахъ. Опять и опять обманываетъ насъ эта единственная въ мірѣ страна своей красотою, но близится, близится колдовство ея ночи!

Многихъ обгоняемъ мы теперь, столь же дикихъ и нищихъ, какъ и въ дни до-историческіе. Вотъ опять

идутъ верблюды и за ними—идумейцы, въ уголь сожженные вѣтрами и голодомъ, въ однихъ кубовыхъ линючихъ балахонахъ, ихъ полуголыя дѣти, облѣзлыя собаки и съ отрочества состарѣвшіяся жены, съ лѣниво-скорбными, темными, какъ древне-аравійскія преданія, глазами, съ нитями разноцвѣтнаго бисера подъ глазами—отъ переносицы къ ушамъ. Вотъ черный и губастый, какъ готтентотъ, старикъ въ одной грязной рубахѣ, раскрытой на груди. Онъ сидитъ на осликѣ, гонитъ его, волоча по землѣ свои черныя босыя лапы. Вотъ верховой турецкій солдатъ, съ карабиномъ наперевѣсъ, зорко оглядывающій окрестные ущелья и овраги... Всѣ спѣшатъ въ Іерихонъ,—единственное человѣческое жилье, единственный оазисъ во всей Іорданской долинѣ. И, какъ только стемнѣетъ, ни души не останется на этой страшной древней дорогѣ. Здѣсь самъ Азазелъ вселяется въ человѣка. Онъ искушаетъ быть сильнымъ, безпощаднымъ — и сладострастнымъ, какъ ночи Содома и Гоморры...

IV.

Ночи эти сказочно-прекрасны. Онѣ околдовываютъ трижды мертвую страну лихорадочными сновидѣніями, воскрешающими содомскую прелесть ея давно минувшей жизни.

Въ сумерки, на послѣднемъ, самомъ крутомъ, спускѣ въ долину, влѣво отъ дороги внезапно открылась глубокая каменистая трещина—глубокое и тѣсное ущелье Кельта—и проводила насъ до самой долины. Смутно бѣлѣла дорога, смутно шумѣлъ потокъ на днѣ уже совсѣмъ темнаго ущелья и печально краснѣло нѣсколько огоньковъ въ скалистой стѣнѣ за нимъ: тамъ древнѣйшіе притоны аскетовъ, тысячами погребавшихъ

себя заживо въ криптахъ, которыми сплошь изрыты скалы Кельта. А когда мы спустились въ долину и повернули влѣво, къ Іерихону, чернымъ и тяжкимъ обрывомъ, уходящимъ въ небо, всталъ передъ нами кряжъ горы Сорокадневной. И огонекъ лампадки, чуть замѣтной точкой краснѣвшій и на этомъ обрывѣ, опять напомнилъ о той страшной борьбѣ, которую впервые воздвигли здѣсь люди противъ дьявола.

Теперь крипты безлюдны. Огонекъ одиноко глядитъ изъ черноты кряжа на необозримую песчаную низменность, тускло мерцающую подъ нимъ до самыхъ Моавитскихъ горъ. И вся эта низменность, страна, что нѣкогда „орошалась какъ садъ Господень“ и на весь міръ славилась легендарнымъ плодородіемъ, красой и грѣховностью Пятиградія, дворцами и твердынями трижды возрождавшагося изъ развалинъ Іерихона, поражаетъ теперь тѣмъ запустѣніемъ, „гдѣ лишь жупелъ и соль, гдѣ никакой злакъ не прозябаетъ, гдѣ ни голосъ человѣческій, ни бѣгъ животнаго не нарушаетъ безмолвія“.

Сады Іерихона дышали въ дни его славы благовоніями бальзамическихъ растеній, индійскихъ цвѣтовъ и травъ. Пальмы и мимозы, сахарный тростникъ и рисъ, индиго и хлопокъ—все произростало въ долинѣ Іордана,—говоритъ Флавій. Объ этомъ свидѣтельствуетъ даже и тотъ оазисъ, что уцѣлѣлъ на мѣстахъ исчезнувшаго съ лица земли іорданскаго рая, даже имя того селенья, что наслѣдовало Іерихонъ: Риха—благовоніе. Но оазисъ этотъ, тропически пышно зеленѣющій у подножія горы Сорокадневной, близъ источника Пророка Елисея, такъ малъ въ окрестной пустынѣ, а селенье все состоитъ изъ двухъ-трехъ каменныхъ домовъ, нѣсколькихъ глиняныхъ арабскихъ хижинъ и бедуинскихъ шатровъ!

Въ сумерки долина была молчалива, задумчива. Я сидѣлъ за Рихой, на одномъ изъ жесткихъ аспидныхъ холмовъ, что волнами идутъ къ горѣ,—на могилахъ Іерихона, кое-гдѣ покрытыхъ рѣдкой, колючей травкой, до черноты сожженной зноемъ. Далекія Моавитскія горы,—край таинственой могилы Моисея,—были предо мною, а западъ заступали черные обрывы горъ Іудеи, возносившихъ въ блѣдно-прозрачное, зеленоватое небо свой высшій гребень, мѣсто Искушенія. Оттуда тянуло теплымъ сладостнымъ вѣтромъ. Въ небѣ таяло и блѣднѣло легкое мутно-фіолетовое облако. И того же тона были и горы за пепельно-туманной долиной, за ея меланхолическимъ просторомъ. И туманной бирюзою мерцало на югѣ устье моря, что терялось среди смыкавшихся тамъ горъ...

Но вотъ наступила и длится ночь. Она коротка, очень коротка, но кажется безконечной. Еще въ сумерки все уснуло, затихло и погасли рѣдкіе огоньки въ Рихѣ,—остался только одинъ, что виситъ на срединѣ обрыва, на горѣ Сорокадневной. Еще въ сумерки зачался таинственно-звенящій, горячечный шопотъ цикадъ, незримыми миріадами наполняющихъ душную чащу оазиса, и приторно-сладко запахли его эвкалипты и мимозы, загорѣвшіяся миріадами свѣтящихъ мухъ. Теперь этотъ звонкій шопотъ наполнилъ весь оазисъ. Онъ растетъ—и вотъ уже стоитъ надъ нимъ немолкнущимъ хрустальнымъ бредомъ, сливаясь съ отдаленно-смутнымъ гуломъ, съ дрожащимъ стономъ всей долины—съ сладострастно-сомнамбулическимъ ропотомъ жабъ, околдовывающимъ, до галлюцинацій раздражающимъ чувства. Стѣны отеля, его каменный дворъ,—все мертвенно блѣдно и необыкновенно четко въ серебристомъ свѣтѣ этихъ тропическихъ звѣздъ, огромными самоцвѣтами повисшихъ въ необъятномъ пространствѣ неба. Оно необъятно отъ необыкновенной прозрачности воздуха,—звѣзды именно висятъ въ немъ, а на землѣ далеко-далеко виденъ каждый кустъ, каждый камень. И мнѣ странно глядѣть на мою бѣлую одежду, какъ бы фосфорящуюся отъ звѣзднаго блеска. Я самъ себѣ кажусь призракомъ, ибо я весь въ какомъ-то знойномъ, хрустально-звенящемъ полуснѣ, который наводитъ на меня дьяволъ Содома и Гоморры.

Я лунатикомъ брожу по саду и по двору отеля и ясно сознаю, что никогда еще не было столь обострено мое зрѣніе, обоняніе, осязаніе, слухъ. Все сливается въ блескъ и тишину. Но—странно!—мнѣ кажется, что я вижу каждую отдѣльную искру, слышу каждый отдѣльный звукъ. Я вынимаю часы. Понимаю, что уже два, что самоцвѣты, плывущіе въ бездонномъ пространствѣ съ востока, становятся все крупнѣе и лучистѣе, что мои ноги подламываются отъ смертельной усталости. Но развѣ у меня есть власть надъ собой?

Садъ кружится въ беззвучномъ круженьѣ зеленолиловыхъ мухъ, ихъ скользящихъ огненныхъ вихрей. Какъ райское дерево, трепещетъ и переливается искрами огромный сикоморъ во дворѣ. Сверху донизу горятъ и блещутъ ими кустарники, сахарный тростникъ и прозрачные шатры мимозъ. А мимозы цвѣтутъ и дурманятъ сладкимъ ароматомъ...

Много разъ я пытался заснуть, входилъ въ домъ, въ свою темную, горячую комнату, ложился подъ душный кисейный балдахинъ, на постель, но и здѣсь эти ароматы, эти скользящія искры, этотъ дрожащій хрустальный бредъ и ропотъ, которымъ околдованъ весь міръ. Сердце тоже дрожитъ и мутитъ голову, тѣло, поминутно палимое жалами москитовъ, покрывается горячечнымъ потомъ. И такъ звонко кричитъ жаба въ бассейнѣ среди двора и такъ отдается ея однообразно

вибрирующій призывъ въ каменномъ южномъ домѣ съ раскрытыми окнами и настежь распахнутыми дверями, что я опять шарю въ темнотѣ, нахожу одежду, спѣшу накинуть ее на голое тѣло—и съ болѣзненной жадностью и радостью ловлю глотокъ свѣжаго воздуха на порогѣ крыльца...

Крыльцо бѣлѣетъ еще ярче, фигура спящаго на немъ слуги-араба стала еще чернѣе. Раздвоившійся Млечный Путь, густымъ, но прозрачно-фосфорическимъ дымомъ протянувшійся съ сѣвера на югъ, почти отъ горизонта до горизонта, совершенно отдѣлился отъ неба, повисъ на самой серединѣ пространства между нимъ и землею. Кажется, близокъ разсвѣтъ! Кажется, стихаетъ, замираетъ бредъ и ропотъ вокругъ. Сперва по камнямъ, а потомъ по теплому песку я спѣшу за селеніе—взглянуть на долину, на Моавъ, на востокъ. Но на востокѣ только позднія крупныя звѣзды. Блѣдный серебристый свѣтъ стоитъ надъ далекимъ мертвенно-блѣднымъ моремъ. Блѣдные пески долины мерцаютъ, какъ пустыня, покрытая манной. Блѣдныя, чуть видныя полосы тумана тянутся по далекимъ извивамъ и топямъ Іордана—и уже смертоносная влажность чувствуется въ горячемъ воздухѣ. И блѣднымъ дымомъ спустилось и легло облако у подножія горы Сорокадневной, чернѣющей среди звѣздъ своей вершиной...

„Отойди отъ меня, Сатана“.

МЕРТВОЕ МОРЕ.

Только на разсвѣтѣ тянетъ въ окна легкая прохлада вмѣстѣ съ ароматомъ эвкалипта.

Ночью, при звѣздахъ, старыя деревья во дворѣ отеля казались сказочно-высоки и вѣтвисты. Теперь они принимаютъ обычныя очертанія. Смолкли жабы, замеръ звонъ цикадъ въ кустарникахъ, и погасли огненныя мухи. Мы выходимъ за ворота, садимся на лошадей; все молчитъ и въ тѣхъ немногихъ хижинахъ, что зовутся Іерихономъ или Рихой; всюду сонъ, одинъ сверчокъ трюкаетъ въ каменной верещ, отъ которой еще дышитъ тепло ночи. Но за мечетью уже слышенъ говоръ.

Ея бѣлый невысокій минаретъ стоитъ при дорогѣ, на самой окраинѣ Рихи. Подъ нимъ часто ночуютъ бедуины. Ночевалъ небольшой караванъ и нынче. Мы проѣзжаемъ мимо него; понукаемые вожаками, глухо урчатъ верблюды, поднимаясь съ теплаго песка. Надъ мечетью, въ бездонной свѣтлѣющей вышинѣ, крупной слезой виситъ Венера. На востокѣ, надъ синеватымъ Моавитскимъ кряжемъ, небо шафранное. Но еще по ночному тлѣетъ костеръ табора, летучія мыши рѣютъ вкругъ мечети.

За садами Рихи, на западѣ,—обрывы Іудеи. Отчетливо слоятся сѣро-фіолетовые уступы горы Искушенія. Но внизу еще тѣнь, и, вѣрно, мыши принимаютъ ее

за сумерки, когда и создалъ ихъ Христосъ. Онъ сорокъ дней и ночей провелъ въ пещерѣ надъ Іерихономъ, на обрывѣ, закрывающемъ западъ,—онъ не зналъ, когда садится солнце и когда надлежитъ совершать молитву. И вотъ, однажды поднялся Онъ на вершину и, какъ только скрылось солнце, начерталъ на пыли то легкое, таинственное созданіе, что такъ любитъ сумракъ. Онъ вдохнулъ въ него жизнь и сказалъ: „Каждый вечеръ на закатѣ солнца вылетай изъ разсѣлинъ горы, гдѣ отнынѣ будетъ твое жилище, дабы зналъ Я часъ молитвы...“ Я поднимаю голову, вспомнивъ эту дамасскую легенду, и не узнаю окрестности: мы проѣхали версту, не больше, а уже день, совсѣмъ день.

Все живое смолкло. Безплоднымъ и безлюднымъ доломъ тянется съ сѣвера на югъ, отъ самаго моря Тиверіадскаго, известково-песчаная пустыня, которую почти напрямикъ пересѣкаетъ путь отъ Рихи къ Іордану. Тѣ, что пытались изслѣдовать ее, видѣли по рѣкѣ всего два-три селенія,—даже каменистый Моавъ, дочерна спаленный солнцемъ, люднѣе іорданскихъ береговъ. То же и здѣсь: на всемъ огромномъ пространствѣ, окружающемъ насъ, лишь одно живое мѣсто—оазисъ Рихи, питаемый источникомъ пророка Елисея. Оглядываясь, видишь бѣлыя пятна хижинъ среди темной зелени, пріютившейся подъ горнымъ обрывомъ. Тамъ, въ садахъ, еще растетъ деревцо небдъ, приносящее акриды, растетъ бальзамическій цаккумъ, сизый тернъ, изъ котораго сплели вѣнецъ Іисусу, а весной цвѣтетъ много дикихъ индійскихъ цвѣтовъ. Но какъ повѣрить, что это тамъ былъ и неприступный Іерихонъ хананскій и „божественный городъ садовъ, башенъ“ Ирода, что вотъ этой долиной искушалъ Іисуса дьяволъ?

Мертвенно тихо. Впереди пепельно-сѣрыя дюны, кое-

гдѣ жесткій, осыпанный солью кустарникъ. Небо здѣсь такъ просторно, бездонно, какъ нигдѣ: нигдѣ нѣтъ долины, столь глубокой, какъ эта, и нигдѣ не скрывается такъ долго за горными вершинами солнце, какъ за ровной стѣной Моава. Чуть не въ самомъ зенитѣ таетъ алая звѣзда Венеры. Но и до нея уже достигаетъ свѣтъ, охватившій полвселенной, — сухой, золотисто-шафранный свѣтъ, на которомъ такъ нѣжно-сиренева заступившая весь востокъ горная громада. Одно Мертвое море прячется отъ свѣта. Вонъ оно—у самаго подножія ея, за тѣмъ голымъ побережьемъ, что бѣлѣетъ вдали, вправо. Ясно виденъ и обманчиво близокъ кажется сѣверный заливъ. Но синѣетъ онъ тускло, свинцово...

„Символъ страшной страны сей — море Асфальтическое“,—говорили когда-то. Страхъ внушаетъ она пилигримамъ и донынѣ, трижды проклятая и трижды благословенная, процвѣтавшая нѣкогда, какъ „садъ Предвѣчнаго“. Мало совершившихъ путь по всей извилистой стремнинѣ Іордана съ его зноемъ и лихорадками. Но еще меньше тѣхъ, что пускались въ заповѣдныя асфальтическія воды. Легче, — говорятъ они, — пройти всѣ океаны земные, чѣмъ это крохотное море, черные прибрежные утесы котораго неприступно круты, пугаютъ глазъ человѣкоподобными очертаніями и такъ смолисты, что могутъ быть зажжены, какъ факелы; море, дно котораго столько разъ трескалось отъ землетрясеній и выкидывало на поверхность тѣ таинственныя вещества, что служили египтянамъ для сохраненія мертвыхъ отъ тлѣна; море, жгуче-соленыя, горькія волны котораго тяжки, какъ чугунъ, и въ бурю, „покрытыя кипящимъ разсоломъ“, потрясаютъ берега своимъ гуломъ, между тѣмъ какъ пламенный вѣтеръ до самаго Іерусалима мчитъ столбы песку и соли... Длится

и все свѣтлѣе становится золотисто-шафранное аравійское утро. Толкутъ и толкутъ копыта твердую, растрескавшуюся дорогу. Но ни единая птица не взвивалась еще съ радостной утренней пѣсней надъ долиной. И, вѣрно, ни единой живой души и не встрѣтимъ мы, кромѣ развѣ жадно-трусливой души кочевника или гіэны. Впереди, среди пустыни цвѣта пемзы,—лента при-іорданской зелени, чащи ивъ, тамариксовъ, камышей. Но теперь, поздней весной, нѣтъ даже пилигримовъ, со всѣхъ концовъ міра стекающихся къ Іордану.

Такъ богата и прекрасна была нѣкогда долина, что дьяволъ издревле избралъ ее мѣстомъ грѣха, искушеній. Это онъ опьянилъ сладостью страсти и порока Пятиградіе, переполнившее чашу терпѣнія Предвѣчнаго. Это онъ внушилъ дочерямъ Лота жажду кровосмѣшенія, дабы отъ родного отца зачала старшая изъ нихъ Моава. Міръ дрогнулъ отъ ужаса, когда „дождемъ пролилъ Господь огнь и сѣру, ниспровергъ города сіи и всю окрестность ихъ, и всѣхъ жителей, и всѣ произрастанія земли“. Но легендой патріарховъ стали дни гнѣва, и снова зацвѣлъ „садъ Предвѣчнаго“, снова возродился столь прекраснымъ, что заповѣданъ былъ любимѣйшему изъ чадъ Божіихъ... Солнце встало надъ Моавомъ, затопило его блескомъ и уже палитъ долину. Какія-то большія металлически-сѣрыя мухи липнутъ къ жаркимъ гривамъ лошадей, скорпіонъ шуршитъ, бѣжитъ укрыться въ легкой голубой тѣни подъ застывшей песчаной волной. Больно смотрѣть изъ-подъ шлема на дорогу, но тянетъ взглянуть въ блескъ Моава, тянетъ найти ту вершину, съ которой показалъ Господь Моисею всю радость земли Обѣтованной. „Взойди на гору сію, на гору Нево, что въ землѣ Моавитской, противъ Іерихона, и посмотри на землю Хаанскую, и умри на горѣ, на которую ты взойдешь, и приложись къ народу твоему...“

Среди тропическихъ лѣсовъ и садовъ тонулъ въ эти дни Іерихонъ, утвердившій свои циклопическія стѣны у подножія той горы, что носитъ теперь имя горы Искушенія, у источника, называвшагося Царскимъ, а теперь источникомъ пророка Елисея. Стѣны эти были неприступны. Но не даромъ символически повѣствуетъ библія, что *блудница* дала пріютъ первымъ израильтянамъ, проникшимъ въ Іерихонъ. И страшнымъ заклятіемъ заклялъ Навинъ Израиля, овладѣвъ страною и дотла уничтоживъ красу Іерихона: „Проклятъ передъ Господомъ тотъ, кто возставитъ и построитъ городъ сей Іерихонъ!“ Но развѣ не слѣды Навина—тѣ гилгалы, что разсѣяны въ долинѣ Іерихонской, тѣ огромные диски изъ камня, первобытные кровавые жертвенники Ваала Солнца, что благоговѣйно полагалъ въ круги самъ народъ израильскій?.. На тропическіе шлемы мы накидываемъ бедуинскіе платки. Лошади пошли шагомъ, неустанно мотая головами, отбиваясь отъ мухъ. Онѣ машутъ кистями и разноцвѣтными бусами, которыми украшаютъ здѣсь уздечки. Шеи ихъ стали мокры, темны и тонки. Въ легкой и все же душной тѣни платка дышишь какъ бы жаромъ раскаленнаго костра. Близокъ Іорданъ,—уже тянетъ запахомъ рѣчной воды, запахомъ горячаго ила... Теперь и отъ великой рѣки остался только узкій и мутный потокъ, отъ первобытно-густыхъ зарослей на берегахъ ея—кайма ивъ, камышей и кустарниковъ, опутанныхъ ліанами.

Масара, то мѣсто Іордана, гдѣ отдыхаютъ пилигримы, преданія называютъ мѣстомъ крещенія Іисуса. „Въ тѣ дни пришелъ Іисусъ изъ Назарета Галилейскаго...“ Въ тѣ дни долина переживала третій и по-

слѣдній расцвѣтъ. Тщетно было заклятіе Навина,— близъ источника Царскаго, въ тысячѣ шаговъ отъ развалинъ перваго, выросъ новый, второй Іерихонъ. И дьяволъ искушалъ прелестью Іерихона самого крестившагося Сына Божія. „Возведъ его на высокую гору, дьяволъ показалъ Ему всѣ царства вселенной во мгновеніе времени. И сказалъ Ему: Тебѣ дамъ власть надъ всѣми сими царствами и славу ихъ, *ибо она предана мнѣ*...“ Сѣро-песчаный берегъ обрывистъ и крутъ. Густая желтоватая вода, крутясь, бѣжитъ подъ вѣтвями ивъ, подъ корнями, покрытыми наносною травою, иломъ. Лошади тянутся къ водѣ, вязнутъ по колѣна и долго, жадно пьютъ. Мертвая тишина кругомъ и сквозная горячая тѣнь надъ головою. Мысли безпорядочны, смутны, но стремятся все къ одному—связать то простое, что передъ глазами, съ страшнымъ прошлымъ этой пустыни. Хочешь представить себѣ то, что доступно только Богу,—жизнь тѣхъ легендарныхъ ханаанскихъ городовъ, отъ которыхъ уцѣлѣли лишь названія. Думаешь о знойно-мглистомъ Моавѣ и опять слышишь слова Второзаконія: „И полуденную страну, и равнину долины Іерихона, городъ Пальмъ, до Сигора увидалъ Моисей... И умеръ тамъ, въ землѣ Моавитской, по слову Господню, и погребенъ въ землѣ Моавитской, и никто не знаетъ мѣста погребенія его даже до сего дня...“ Думаешь объ іерихонскихъ бальзамахъ Клеопатры, о термахъ Ирода и опять возвращаешься къ величайшей изъ всѣхъ легендъ земныхъ, къ искушенію Іисуса отъ дьявола... И теряешься въ образахъ временъ Рима, Византіи, Омаровъ... Великими крестовыми битвами во имя и славу Того, Кто отвергъ здѣсь славу всѣхъ земныхъ царствъ, обрывается лѣтопись этой страны. За ними—вѣка молчанія, никому невѣдомыхъ и несчетныхъ подвиговъ отшельничества, погребенія себя заживо въ могильникахъ навѣки забвенной Іудеи. Въ молчаніи, вдали отъ жизни всего міра, множатся, какъ соты осъ, крипты въ каменистыхъ обрывахъ іудейскихъ и аравійскихъ горъ; на прибрежныхъ скалахъ страшнаго Асфальтическаго моря и въ огненныхъ ущельяхъ созидаются дикія обители. Но ураганами проносятся набѣги отъ Дамаска, отъ Багдада, отъ Геджаса, и вотъ—пустѣютъ и крипты, переполненныя костями избіенныхъ иноковъ, глохнутъ разоренныя обители... И опять, опять воцаряется онъ, древній богъ пустыни.

Полдень проводимъ у самаго моря. Жутко звучитъ на его нагомъ, ослѣпительно-бѣломъ прибрежьѣ это слово—полдень. При-іорданскіе камыши и кустарники не смѣютъ дойти сюда вмѣстѣ съ Іорданомъ: далеко вокругъ песчано-каменисто и покрыто солью, селитрой то мѣсто, гдѣ сливается рѣка съ маслянистой, жгуче-горькой и тускло-зеленоватой водой асфальтической. На каралловыя похожи тѣ какъ бы окаменѣвшія вѣтви, что приноситъ сюда теченіе рѣки и что снова, уже мертвыми, выкидываетъ море. Въ мглисто-знойной дали теряется оно на югѣ. Въ знойной голубой мглѣ тонутъ горные склоны. А за ними—заповѣдная страна, жизнь дикая, древне-аравійская, видѣнія дней Авраама, Агари, Измаила. Тамъ, въ капищѣ Эль-Латъ, племя Тарикъ еще донынѣ поклоняется гилгалу Солнца—полубога, полудьявола.

ХРАМЪ СОЛНЦА.

Такъ говоритъ Господь: сокрушу затворы Дамаска и истреблю жителей долины Авенъ

Кн. прор. Амоса.

I.

Рано утромъ покинулъ я Бейрутъ. Поѣздъ вышелъ изъ порта къ востоку,—Бейрутъ глядитъ на сѣверъ,—свернулъ, огибая городъ, на югъ, среди сплошныхъ садовъ и виллъ—и черезъ часъ былъ уже подъ Хадеттомъ. За Хадеттомъ онъ перемѣнилъ темпъ на торопливый, горный: стуча, раскачиваясь, онъ сталъ извиваться—опять на востокъ—все выше и выше, по зубчатой линіи, по красноватымъ предгорьямъ. Изъ-за цвѣтущихъ садовъ, покрывающихъ ихъ, изъ-за гранатовъ, шелковицъ, кипарисовъ, розъ и глициній нѣсколько разъ мелькнуло туманно-синее море. Слушая разноязычный говоръ, гулъ колесъ и грохотъ энергично работающаго паровика, я выглянулъ въ окно, дохнулъ посвѣжѣвшимъ воздухомъ: въ необъятное пространство за нами все ниже и ниже падала далекая бейрутская долина, ставшая маленькой, плоской, кучки бѣлыхъ и оранжевыхъ точекъ—крышъ, темно-зеленыя пятна садовъ, кирпичныя отмели бухты—и необозримая синь моря. Скоро всѣ это скрылось—и снова развернулось еще шире... Все мельче, тѣснѣй

становились точки, все игрушечнѣй—бухта и все величавѣй, страшнѣй—море. Море росло, поднималось синей туманностью къ свѣтлому небу. А небо было несказанно-огромно.

Подъ Джамхуромъ паровикъ сталъ на подъемѣ въ котловинѣ, повернувшись къ Бейруту,—и за горами направо я вдругъ близко-близко увидалъ голую, серебряную съ чернью громаду Саннина. Пахло снѣгомъ, но сѣрая каменная стѣна маленькой станціи вся была въ цвѣтущей, ярко-пунцовой герани. Потомъ паровикъ звонко, по горному крикнулъ—и опять застучалъ коротким дыханіемъ въ кручу. И опять открылась головокружительная панорама съ далекимъ Бейрутомъ на днѣ. Зыбко зіяли глубокія ущелья съ одной стороны, торжественно возросталъ Саннинъ съ другой... А за Арайей подъемъ, возвращаясь на западъ, пошелъ еще круче. Стало просторно и голо, прохладно и облачно. Дымомъ сползали облака по скатамъ. Миновавши Алэй, мы опять повернули къ востоку. Былъ тоннель. Налѣво открылась долина Хамана, за ней—горы въ сплошныхъ темно-зеленыхъ борахъ... За Софаромъ море скрылось, чтобы уже не показываться больше. Опять окунулись мы во тьму, дымъ и грохотъ, а когда выскочили,—о, какъ дико и вольно стало кругомъ! Изъза голыхъ вершинъ глянулъ Джебель-Кенэзэ, весь въ яркихъ серебряныхъ лентахъ. Онъ такъ четко сіялъ въ этой ясной, веселой, прохладной пустынѣ, что становилось легко и радостно при одномъ взглядѣ на него. Приближался перевалъ, паровикъ выбивался изъ силъ, одолѣвая послѣдній подъемъ. Изъ оконъ вагоновъ высовывались фески, дымъ падалъ и стлался по придорожнымъ скаламъ... Въ одиннадцать мы пришли на Бейдаръ, къ перевалу.

Было тихо, свѣжо. Поѣздъ почти опустѣлъ, без-

людно было и на станціи... Пять тысячъ футовъ—не Богъ вѣсть какая высота, но волновала мысль, что ты—на Ливанѣ. А впереди—долина Солнца, долина Авенъ, Келесирія. До нея было еще далеко, но, тронувшись, мы пошли съ головокружительной быстротой. Съ грохотомъ нырнулъ поѣздъ въ длинный-длинный и могильно-темный тоннель. А когда этотъ грохотъ оборвался, мы ослѣпли отъ свѣта и не сразу поняли, что это, какъ море, сіяетъ впереди. Впереди же была—Келесирія!

Въ глубокой дали раскрылась она, необозримая, ровная, пустая, котловиной среди горъ, смутно видныхъ въ солнечномъ туманѣ. Противъ лѣваго окна, надъ скатами, сіяла все та же голая громада въ бѣлыхъ лентахъ. На скатахъ лежалъ тающій снѣгъ. А дорога все падала—ниже и ниже, и все ближе становилась огромная изумрудная долина въ фіолетовыхъ пятнахъ пашенъ. И еще огромнѣе былъ далекій валъ горъ за нею. Вотъ сосѣдъ трогаетъ меня худой сизой рукой за рукавъ и, блеснувъ зубами, говоритъ:

— Джебель-Шейхъ!

И, взглянувъ, я вдругъ вижу за долиной, въ солнечномъ туманѣ, величаво выдѣляющуюся изъ-за валовъ Антиливана куполообразную гору. Она сизая и вся въ полосахъ снѣга, идущихъ сверху внизъ,—какъ талесъ. Гермонъ, Великій Шейхъ! Надъ нимъ, почти на немъ—купы свѣтлыхъ легкихъ облаковъ...

На Мерейатѣ стало совсѣмъ тепло. Лѣтній вѣтеръ, бѣлыя акаціи въ цвѣту... Но по горѣ налѣво все еще былъ снѣгъ—на изумительно-яркомъ полѣ синевы. За Мерейатомъ, послѣ очень крутого спуска, открылась Штора, большая и дикая на видъ арабская деревня съ плоскими глиняными кровлями. За Шторой, послѣ полудня, мы были уже въ долинѣ. Пошли сады, въ

нихъ—тополя, шелковицы. Сквозь сады замелькали синія и красныя одежды сирійцевъ, пахавшихъ на волахъ ржавую глину въ виноградникахъ... Близился Райякъ, гдѣ нужно было покинуть дамасскій путь и свернуть на сѣверъ.

Близились мѣста Эдема, Баальбекъ.

II.

Край баснословныхъ племенъ, родина Адама, святилище Солнца! Эта низменность,—въ ней около полутораста верстъ,—съ незапамятныхъ временъ называется Бека—страна, долина. Баальбекъ есть такимъ образомъ „долина Ваала-Солнца“. Слово Сирія—санскритское—значитъ опять-таки—солнце. Но мало того: эта долина, средоточіе солнечныхъ служеній, связана еще съ именемъ Рая, близость котораго къ Баальбеку была неоспорима въ древности.

Я глядѣлъ въ окна почти пустого вагона. Прохладный, сѣроватый день. Дорога отъ Райяка ровно и почти незамѣтно для глазъ идетъ на подъемъ, все къ сѣверу. Кругомъ—слегка волнистая пустыня, море тощихъ посѣвовъ, сквозитъ ржаво-красноватая почва,—именно та, изъ которой и былъ созданъ Адамъ!—и кое-гдѣ—дико цвѣтущіе кустарники. Въ открытое окно слѣва дуетъ свѣжій степной вѣтеръ, за долиной видны холмы предгорій и безъ конца тянется горбатый валъ Ливана—дикихъ тоновъ, весь въ поперечныхъ бѣлыхъ лентахъ. И такая же гряда идетъ и справа—Антиливанъ. Я глядѣлъ—и вдругъ опять вспомнилъ талесъ, платъ, который накидываютъ на голову во время молитвы евреи, — слабое подобіе древнѣйшей кочевой одежды. Такъ вотъ откуда, подумалъ я, всѣ эти пѣгія хламиды, раскиданныя по Востоку, и даже полосатая

черезполосица мраморовъ въ мечетяхъ! Все отсюда, изъ исполинскаго развала этихъ ни на что не похожихъ горъ.

Онѣ не кажутся высоки,—сама долина на четыре тысячи футовъ выше моря. Издалека не поражаютъ онѣ и очертаніями. Но даже Кавказъ ничто передъ этими синеватыми валами и пѣгими горбами, точно перенесенными съ другой, болѣе старой планеты. Да съ другой планеты и всѣ памятники ихъ. Вонъ чуть сѣрѣетъ на Ливанѣ мѣстечко Керакъ съ высѣченной въ скалахъ стофутовой гробницей Ноя. Вонъ тамъ, на Антиливанѣ, есть селенье Неби-Шитъ, гдѣ чтутъ могилу Сиѳа. А впереди—Баальбекъ, руины храма, превышающаго и древностью, и размѣрами все сдѣланное рукою человѣка. Камни его возили на мастодонтахъ; въ святилищахъ его сливались въ служеніе единому Солнцу служенія Арамеи и Египта, Ассиріи и Финикіи, Греціи и Рима. Баальбеку уступали не только всѣ финикійскіе, но даже египетскіе храмы. Тамъ ликъ Солнца дробился: тамъ были боги, нисходившіе до людскихъ распрей, воплощавшіеся въ царяхъ и вождяхъ; здѣсь былъ Богъ... А за Баальбекомъ, къ сѣверу, долина еще пустыннѣе. На ней смѣшались и слились со скалами предгорій камни несмѣтныхъ городовъ и храмовъ, самое имя которыхъ исчезло безслѣдно, навѣки. Земля тамъ—одна изъ самыхъ плодороднѣйшихъ въ мірѣ—запущена, одичала. И высится на ней Гермиль, памятникъ Рая,—каменный кубъ на помостѣ чернаго базальта, украшенный барельефными луками, стрѣлами и фигурами тигра, кабана и слона,—охоты тѣхъ дней, когда Ливанъ, утопавшій въ исполинскихъ кедровыхъ лѣсахъ и великомъ обиліи водъ, былъ еще подлиннымъ Раемъ...

Въ открытое окно слѣва дулъ сильный вѣтеръ. Съ

сѣвера, изъ-за горъ, шла неохватная градовая туча, уже покрывшая и замутившая вершины туманомъ. Я подумалъ: тамъ Кедры... Слѣдуетъ ли, говорятъ нѣкоторые, искать на Ливанѣ отдѣльныхъ мѣстъ, связанныхъ преданьемъ съ Эдемомъ? Не Эдемъ ли весь Ливанъ? Вѣдь, кромѣ Гермиля, есть и было еще нѣсколько селеній, носящихъ это имя: напримѣръ, древно-сирійское селеніе на Антиливанѣ,—Гедимъ; Эдемъ близъ Дамаска. Болѣе же всего соперничаетъ съ Эдемомъ Гермиля Эдемъ близъ Кедровъ, часахъ въ десяти отъ Баальбека, на сѣверо-западѣ. Взбираются къ этому Эдему по ужасающимъ кручамъ Ливана, чтобы достигнуть подошвы высочайшихъ, вѣчно-снѣжныхъ вершинъ. И видны оттуда цѣлыя страны—кряжи, долины, воды, лѣса и селенія, необозримая пустыня Келесиріи, рѣки и царственныя руины Баальбека на ней, мутная синева Антиливана на востокѣ, бездна Средиземнаго моря, сливающаяся съ горизонтомъ, на западѣ... И вотъ одно изъ этихъ-то селеній и есть Эдемъ, а нѣсколько хвойныхъ рощъ—остатки кедровъ ливанскихъ, тѣхъ, которые библія называла заоблачными, тѣнь ихъ—тѣнью, покрывшей всѣ земныя царства, бальзамъ—божественнымъ, на тысячи лѣтъ сохраняющимъ трупы отъ тлѣнія, древесину—не боящейся вѣчности... Теперь они гибнутъ, вырождаются. Но одна изъ пяти рощъ, уцѣлѣвшихъ близъ Эдема, еще и донынѣ почитается священной...

Я смотрѣлъ въ окна... Что такое теперь Баальбекъ? Даже происхожденіе его никому неизвѣстно. Извѣстно только, что упоминается онъ въ египетскихъ и ассирійскихъ надписяхъ; что былъ онъ колоніей Рима, которому и принадлежитъ построеніе—въ честь боговъ солнечныхъ—двухъ всемірно-славныхъ баальбекскихъ Храмовъ—Великаго и Малаго. Брали и

разрушали его и арабы, и монголы, а ихъ разрушеніямъ помогло нѣсколько страшныхъ землетрясеній, и вотъ, на мѣстѣ огромнаго города, остался бѣдный городокъ съ пятью тысячами разноплеменнаго сирійскаго люда и развалинами акрополя, въ которомъ отъ Великаго Храма уцѣлѣло всего шесть колоннъ... Вдругъ вагонъ ярко озарился солнцемъ. И внезапно увидѣлъ я вдали нѣчто поражающее: густой зеленый оазъ садовъ и тополей, тянувшихся среди долины и окружавшихъ желто-бѣлыя руины какой-то крѣпости, такой огромной, что сады казались подъ ней кустарниками, а высоко надъ ними—шесть какъ бы повисшихъ въ воздухѣ мраморныхъ колоссовъ.

Солнце изъ грозовыхъ тучъ озаряло ихъ и сады сильно и рѣзко. Темно-сизый фонъ неба еще болѣе усиливалъ ярость зелени и допотопныхъ стволовъ колоннады. И въ пролеты ея ветхозавѣтно глядѣлъ пѣгій горный талесъ. Бѣлымъ огнемъ горѣли широкія снѣжныя полосы этого талеса. И загорѣлись еще бѣлѣе, когда мы приблизились къ Баальбеку. Но вдругъ померкли, воздухъ потемнѣлъ—и буря, докатившись съ Ливана, смерчемъ закрутила пыль надъ плоскокрышимъ городкомъ, бѣлѣвшимъ за руинами, тучей помчала ее надъ садами и сквозь колонны... Едва успѣлъ я вскочить въ холодный и пустой отель на каменистомъ холмѣ вблизи ихъ, какъ все смѣшалось въ лютомъ ливнѣ съ градомъ. Градъ съ трескомъ сѣкъ помутившіяся окна, миріадами летѣлъ и прыгалъ по землѣ. Ваалъ изъ-за облачной высоты величаво и весело кидалъ въ мрачно откликавшіяся горы гулъ и грохотъ, отъ которыхъ въ страхѣ метались фіолетовыя молніи...

Но когда, черезъ часъ, вышелъ я на балконъ, золотымъ блескомъ ослѣпила меня дождевая вода на балконѣ. Буря пронеслась, и на землѣ воцарились безмятежный миръ и ясность, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, что такъ любятъ ласточки. Воздухъ былъ чистъ и тепелъ, небо необъятно, талесы далекихъ куполообразныхъ вершинъ четки и близки, мокрые сады противъ балкона райски свѣжи, густы и зелены. А надъ садами и надъ крѣпостными руинами, тонущими въ нихъ, стройно и державно возносились шесть желтоватыхъ колоссовъ Великаго Храма. Съ балкона я глядѣлъ на предвечернее солнце, на Ливанъ, на сѣверо-западъ. На западъ, на полверсты, тянулись по долинѣ руины. Тополя и фруктовыя деревья шли вдоль южной стѣны ихъ, подымавшейся надъ зеленью каменными зубьями, грубыми брешами. И мнѣ виденъ былъ весь акрополь, заключающій въ себѣ на восточномъ краю входъ, Пропилеи, на западномъ—Великій Храмъ, а на срединѣ — Гексагонъ и Жертвенный Дворъ. Малый Храмъ построенъ отдѣльно, внѣ этой стѣны. Его циклопическій периптеръ сохранился на диво. Но здѣсь онъ терялся: все подавляли колонны Великаго Храма. Раздѣленныя далью пролетовъ, онѣ стояли фронтомъ къ югу. Верхъ одной изъ нихъ—крайней справа—былъ почти свободенъ отъ архитрава... Скоро она рухнетъ, подумалъ я,—и рухнетъ ужасно! Вѣдь въ одномъ фундаментѣ акрополя аршинъ пятнадцать высоты, но колонны стоятъ не на немъ: для Великаго Храма былъ воздвигнутъ еще другой фундаментъ, высотой почти равный первому. А въ самихъ колоннахъ росту аршинъ сорокъ! Нѣкогда перистиль храма,—окружавшая его колоннада, — состоялъ изъ пятидесяти четырехъ такихъ колоннъ. Теперь ихъ только шесть,—третья часть южной части перистиля, удержавшаяся на единственной сохранившейся стѣнѣ второго фундамента. И какъ одиноки онѣ! Воздухъ долины становился голубымъ, валъ Ливана синимъ. Далеко на сѣверо-западѣ начи-

нали желтѣть ленты одного изъ высочайшихъ горбовъ, все яснѣе выдѣлявшихся на небѣ. Между небомъ и землей былъ несказанный просторъ... Но величіе этихъ колоннъ, одинокихъ „наслѣдниковъ дней героевъ“, было ни съ чѣмъ несравнимо.

III.

Солнце склонялось, въ мокрыхъ зеленыхъ садахъ, казавшихся еще свѣжѣе отъ шума горной мутно-зеленой рѣчки, въ садовой глуши вокругъ акрополя, была тѣнь. Маленькими казались тополя, стоявшіе вдоль стѣнъ его, вдоль фундамента... Привратникъ пропустилъ меня за желѣзную рѣшетку къ Пропилеямъ.

Нѣкогда къ нимъ, во всю ихъ длину, вела мраморная лѣстница; сарацины до послѣдней плиты разрушили ее, превращая акрополь въ крѣпость, и теперь поднимаются узенькой, новой. Нѣкогда и Пропилеи были стройнымъ, величавымъ зданіемъ. Двѣнадцать сіенитовыхъ колоннъ образовывали фасъ. За ними былъ порталъ въ три пролета. По бокамъ стояли павильоны-экзедры, воздвигнутые изъ огромныхъ камней со всей роскошью и силой древняго зодчества и ваянія, съ двумя ярусами нишъ—для статуй боговъ. Теперь отъ колоннъ остались только пьедесталы, порталъ являетъ видъ проломовъ въ крѣпостной стѣнѣ, проходъ къ нему заваленъ каменными глыбами и разбитыми капителями, полуразрушенныя экзедры зіяютъ. Отъ южной мало-мальски уцѣлѣла только южная стѣна. Сѣверная раскрыта и почти лишена стѣны восточной. Высокій входъ ея—въ коринѳскихъ пилястрахъ, выщербленныхъ и выглаженныхъ временемъ. Сарацины превратили павильоны въ башни, увеличили высоту ихъ надстройками—и дикій камень надстроекъ рѣзко

отдѣляется отъ древняго, похожаго на мраморъ... Тѣнь была въ этихъ раскрытыхъ развалинахъ. Глубоко и густо синѣло надъ ними вечернее небо. Зеленая верхушка тополя тянулась снизу, заглядывая въ брешь. И мертвая тишина стояла вокругъ.

За стѣной Пропилей — Гексагонъ, первый дворъ. Огромный шестиугольникъ его замкнутъ шестиугольникомъ стѣнъ и сплошныхъ экзедръ, опять-таки почти до тла разрушенныхъ. Мраморный скользкій шестиугольникъ въ три ступени идетъ вокругъ площади двора, на разстояніи шаговъ двадцати отъ экзедръ. На немъ возвышалась шестиугольная колоннада, связанная съ экзедрами сводомъ. Въ тѣни этой галлереи толпились ожидавшіе входа во дворъ Жертвенный... Отъ колоннъ не осталось теперь ни единой. Пустой дворъ окружаютъ громады руинъ. Сарацины пробили въ нихъ бойницы, понадѣлали много грубыхъ амбразуръ. Землетрясенія и осады почти ничего не оставили и отъ этой работы. Чувствуешь лишь дикость древней цитадели, слѣды свирѣпыхъ древнихъ битвъ и—тяжесть, величіе Рима.

А за Гексагономъ—дворъ Жертвенный, дворъ, повторяющій первый, но лишь въ иной, квадратной, формѣ и чуть не втрое превосходящій его по размѣрамъ. Мало оставило время и отъ второго тройного портала,—проходовъ изъ Гексагона на площадь всесожженія: вмѣсто портала зіяетъ теперь пустота среди остововъ крайнихъ экзедръ, что похожи на остовы какихъ-то допотопныхъ жилищъ, на сквозныя пещеры. И когда я, оглянувъ Гексагонъ, кинулъ взглядъ далѣе,—необозримый каменный хаосъ, хаосъ цѣлаго города, ниспровергнутаго землетрясеніемъ, открылся предо мною. Не на Гексагонъ и Пропилеи, а вѣдь именно сюда, гдѣ послѣдовательно возростали и размѣры, и святость Храма

Солнца, направлены были силы подземныя, ужасы осадъ и варварство самыхъ низкихъ варваровъ — византійскихъ императоровъ. Но великое осталось великимъ. Чуть не на полверсты тянулся среди этого хаоса отшлифованный миріадами ногъ, мѣстами зіяющій провалами, мѣстами заросшій колючками проходъ. Шесть колоссовъ, стоящихъ почти на самомъ концѣ его, на остаткахъ фундамента, глядѣли на югъ и сливались въ одинъ, занимая полъ-неба. Ихъ стволы, обожженные зноемъ и вѣтромъ, были красноваты. Горизонтъ за ними замыкался зубцами и проломами западной Стѣны Циклоповъ. Небо блѣднѣло, низко опустившееся солнце все слегка золотило... Я сѣлъ среди двора на камень.

Было тихо-тихо. Безъ конца лежали и стояли вокругъ меня обломки сіенитовыхъ туловищъ, узорчатыхъ архитравъ—точно какія-то страшныя каменныя существа. Позади и вправо широко раскрывали свои каменныя утробы искаженныя и разрушенныя экзедры; только двѣ-три изъ нихъ напоминали о прежнемъ великолѣпіи раковинообразныхъ нишъ, пилястровъ и горельефовъ. А налѣво громоздились камни, шли какіе-то рвы и провалы—и тяжело и вмѣстѣ съ тѣмъ легко, стройно и громадно высился Храмъ Малый, чудомъ сохранившій весь свой, какъ бы литой изъ желтоватаго мрамора, корпусъ и цѣлыхъ девять колоннъ какъ разъ на томъ флангѣ, который былъ виденъ мнѣ. Я глядѣлъ на нихъ и долго не могъ понять, что это такъ рѣзко отличаетъ ихъ отъ *тѣхъ* шести колоннъ. Малый Храмъ, этотъ рѣдкій образецъ эллинской красоты и несокрушимой римской мощи, былъ немного менѣе Великаго. Нѣтъ при немъ ни Пропилей, ни Гексагона, ни двора всесожженія, но фундаментъ его почти равенъ тому, исчезнувшему, фундаменту, на которомъ

стояло святилище Солнца. Почти равны и перистили ихъ... Въ чемъ же тогда дѣло? Только въ томъ, что колонны Храма Солнца вверху не суживаются. Но какъ далеко уноситъ это въ глубину вѣковъ!

Можно представить себѣ красоту Малаго Храма, Пропилей, Гексагона, двора Жертвеннаго—въ тѣ дни, когда только что отлилось въ совершенныя формы и сочеталось въ Баальбекѣ „самое прекрасное на землѣ съ самымъ величественнымъ“. Этотъ хаотическій просторъ, нынѣ подобный страшнымъ картинамъ Исаіи, лоснился тогда мозаичными настилками. Стѣны и экзедры, гдѣ помѣщалось болѣе трехсотъ нишъ для всѣхъ боговъ Олимпа, стройно замыкали его съ трехъ сторонъ, на четвертой, западной, шла лѣстница къ высоко вознесенному порталу Великаго Храма. Квадратъ изъ огромныхъ сіенитовыхъ колоннъ — темно-розовыхъ, гладко шлифованныхъ египетскихъ монолитовъ—охватывалъ средину двора, и галлереи между ними и экзедрами всегда были полны свѣта, тѣни, бѣлыхъ хитоновъ. Нельзя было найти мѣста, не блиставшаго мраморомъ статуй, пилястрами, фронтонами и причудливой лѣпкой карнизовъ, капителей,—этихъ окаменѣвшихъ листьевъ, узоровъ, цвѣтовъ. Ярко млѣла синь неба надъ квадратомъ двора. Дымъ непрерывныхъ сожженій и языки прозрачно-золотого пламени поднимались съ гигантскаго жертвенника, съ раскаленной мѣдной настилки его—съ алтаря возлѣ мраморныхъ ступеней, тремя переходами поднимавшихся къ чудовищному периптеру Великаго святилища... Но легко сказать: чудовищному! Какъ представить себѣ его?

Та часть основного фундамента, на которой стоялъ фундаментъ святилища, равна только половинѣ двора Жертвеннаго. Но древніе не даромъ называли святилище „первобытнымъ“: дѣло было не въ ширинѣ и длинѣ,

а въ высотѣ и размѣрахъ строительнаго камня. И уже одно то, что периптеръ святилища былъ вознесенъ еще и на другой громадный фундаментъ съ подземельями внутри, свидѣтельствуетъ о томъ, что самостоятельность Рима здѣсь кончается. Кѣмъ былъ сложенъ основной фундаментъ? Какими-то древне-арамейскими племенами—изъ самыхъ большихъ монолитовъ, „какіе когда-либо поднималъ человѣкъ“, и въ тѣ дни, когда легенды о титанахъ еще дышали жизнью. Неизвѣстно, кѣмъ построено и самое святилище Солнца: Римъ только реставрировалъ его. Но и реставрировалъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ преданій о великихъ капищахъ, о столпотвореніяхъ, объ уступчатыхъ зиккуратахъ, этихъ „башняхъ до небесъ“, и посвятилъ его Солнцу-Ваалу, сочетавшему свое имя съ именемъ Юпитера. И святилищемъ Ваала, прежде всего Ваала и было и осталось святилище Великаго Храма, уступами вознесенное къ небу и охваченное колоссами, имѣвшими и внизу, и вверху одну толщину—какъ капище первобытное. А сказочнымъ монолитамъ, изъ которыхъ сложенъ основной фундаментъ, его подземелья и Стѣны Циклоповъ, Римъ могъ только благоговѣйно дивиться: тайна передвиженія и кладки этихъ монолитовъ, изъ которыхъ иные имѣютъ по тридцати аршинъ въ длину, даже для него была непостижима...

Солнце сѣло, и, какъ всегда на Востокѣ, стало на минуту особенно свѣтло. И въ этомъ странномъ свѣтѣ безъ солнца, въ пространствѣ, какъ бы лишенномъ воздуха, рѣзко обожженныя красноватымъ загаромъ колонны вдругъ пріобрѣли ужасающую выпуклость, тяжесть и высоту. Я пробрался къ нимъ по глыбамъ камня, по оврагамъ и возвышенностямъ, по остаткамъ мраморныхъ ступеней и тысячелѣтнему мусору, зашелъ подъ фундаментъ, на которомъ стоятъ колонны, и, закинувъ голову, глянулъ вверхъ... Дивно было сочетаніе бездоннаго блѣдно-голубого неба и оранжево-красноватаго тона этихъ поднебесныхъ стволовъ! Но они уже меркли. Быстро падалъ сумракъ. Спотыкаясь, я сбѣжалъ въ огромный ровъ, въ уголъ, образованный Циклопическими Стѣнами. Ихъ теперь двѣ: западная и сѣверная. Обѣ искажены вверху надстройками и проломами. Но искаженія только усугубляютъ ихъ допотопный видъ. Изъ темнаго оврага выбрался я по каменисто-мусорнымъ холмамъ, поднимающимся къ пролому въ углу стѣнъ, на свѣтъ заката, и сталъ въ проломѣ. Подо мной былъ обрывъ, вдали—темное море долины, а за нимъ—валы Ливана и далекія, чуть краснѣющія въ сумракѣ ленты его горбовъ. Подо мной была стѣна, сложенная сынами Солнца—стѣна, камни которой останутся здѣсь недвижными до конца міра.

ИВ. БУНИНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1907—10 г.

III

ЦИКАДЫ.

Прибрежный хрящъ и голые обрывы
Степныхъ равнинъ луной озарены.
Хрустальный звонъ сливаетъ съ небомъ нивы.

Какъ свѣтлый дождь, кропитъ онъ бурьяны,
Стоитъ въ цвѣтахъ, колосьяхъ—и не будитъ
Безстрастной предразсвѣтной тишины.

Ночь стелетъ тѣнь и влажный берегъ студитъ,
Ночь тянетъ вдаль свой неводъ золотой—
И скоро блескъ померкнетъ и убудетъ.

Но степь цвѣтетъ. Какъ колосъ налитой,
Полна душа. Земля зоветъ: спѣшите
Любить, творить, пьянить себя мечтой!

Отъ блѣдныхъ звѣздъ, раскинутыхъ въ зенитѣ,
И до земли, гдѣ стынетъ лунный сонъ,
Текутъ хрустально-трепетныя нити.

Изъ сонма жизней сотканъ этотъ звонъ.

ПРОМЕТЕЙ ВЪ ПЕЩЕРѢ.

Вокругъ пещеры гулъ. Надъ нами мракъ. Во мракѣ,
Краснѣе, свѣтятся глаза моей собаки.
Огонь, и въ нихъ огонь! Изъ-подъ глухой стѣны,
Гдѣ сбилось стадо козъ, они устремлены
За входъ, въ слѣпую ночь, на клики чадъ Нерея,
Туда, гдѣ съ пѣны волнъ, что прядаютъ, бѣлѣя,
Срываетъ брызги вихрь, гдѣ блещутъ космы гривъ,
Дымящихся внутри, и буйный ихъ приливъ
Снѣгами топитъ брегъ.—Вотъ грохотъ колесницы
Идетъ торжественно надъ темной высотой:
Я глохну, я слѣжу крутящіяся спицы,
Что мечутъ на бѣгу свой отблескъ золотой,
И слѣпну отъ огня.—Привѣтъ тебѣ, Державный!
Теперь тебя твой врагъ привѣтствуетъ какъ равный!

ЗВѢЗДОПОКЛОННИКИ.

Міръ не забудетъ вѣры древнихъ лѣтъ.
Звѣздопоклонники пустыни,
На вашихъ лицахъ—блѣдный зной планетъ,
Вы камни чтите, какъ святыни.

Вашъ край до шлака пламенемъ сожженъ.
Вашъ Богъ чертилъ столь грозныя скрижали,
Что никогда его именъ
Вы даже мыслить не дерзали.

Какъ сонъ прошли Христосъ и Магометъ.
Вы и донынѣ не забыли
Ночныхъ служеній таинству планетъ
И безымянной древней Силѣ.

БОГЪ.

Дулъ съ моря чистый вѣтеръ, мѣсяцъ рогомъ
Стоялъ надъ длинной улицей села.
Сидѣли колонисты по порогамъ,
И кирка блѣдно-бѣлою была.

Дулъ сильный вѣтеръ, ночь была тепла;
На отмеляхъ, на берегу отлогомъ
Волна, шумя, вела бесѣду съ Богомъ,
Не поднимая соннаго чела.

И мѣсяцъ наклонялся къ балкѣ темной,
Грустя, свѣтилъ на скаты, на погостъ.
А Богъ былъ ясенъ, радостенъ и простъ.

Онъ въ вѣтрѣ былъ, въ моей душѣ бездомной—
И содрогался синимъ блескомъ звѣздъ
Въ лазури неба чистой и огромной.

ВЪ АРХИПЕЛАГѢ.

Осенній день въ лиловой крупной зыби
Блисталъ, какъ мѣдь. Эолъ и Посейдонъ
Вели въ снастяхъ пѣвучій, долгій стонъ,
И нашъ корабль нырялъ, подобно рыбѣ.

Вдали былъ мысъ. Высоко на изгибѣ,
Сквозя, вставалъ чуть желтый рядъ колоннъ.
Но пѣсня рей меня клонила въ сонъ—
Корабль нырялъ въ лиловой крупной зыби.

И что мнѣ въ томъ, что это старый храмъ,
Что на мысу—забытый портикъ Феба?
Запомнилъ я лишь рядъ колоннъ да небо.

Дымъ облаковъ курился по горамъ,
Пустынный мысъ былъ схожъ съ ковригой хлѣба.
Я жилъ во снѣ. Боговъ творилъ я самъ.

ГОРНЫЙ ЛѢСЪ.

Тихъ горный лѣсъ. Въ долину тѣнь сползла.
Сосною пахнетъ. Чисто и глубоко
Зарею небо. Млечный змѣй потока
Шуршитъ слышнѣй вдоль бѣлаго русла.

Слышнѣй звенитъ далекій плачъ козла.
Острѣй стрекочетъ легкая сорока.
Гора, весь день глядѣвшая съ востока,
Свой алый пикъ высоко унесла.

На ней молились Волчьему Зевесу.
Не разъ, не разъ съ вершины этихъ скалъ
И дымъ вставалъ, и пѣли гимны лѣсу,
И мѣдный ножъ въ рукахъ жреца сверкалъ.

Я тихо поднялъ древнюю завѣсу.
Я въ храмъ отцовъ забытый путь искалъ.

СОБАКА.

Мечтай, мечтай. Все уже и тусклѣй
Ты смотришь золотистыми глазами
На вихри вьюги, стонущіе въ рамѣ,
На метлы гулкихъ, дымныхъ тополей.

Вздыхая, ты свернулся потеплѣй
У ногъ моихъ—и думаешь... Мы сами
Томимъ себя—тоской иныхъ полей,
Иныхъ пустынь—за пермскими горами.

Ты вспоминаешь то, что чуждо мнѣ:
Сѣдое небо, тундры, льды и чумы
Въ твоей студеной дикой сторонѣ.

Но я всегда дѣлю съ тобою думы:
Я человѣкъ; какъ богъ, я обреченъ
Познать тоску всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.

МОГИЛА ВЪ СКАЛѢ.

То было въ полдень, въ Нубіи, на Нилѣ.
Пробили входъ, затеплили огни—
И на полу преддверія, въ тѣни,
На голубомъ и тонкомъ слоѣ пыли,
Нашли живой и четкій слѣдъ ступни.

Я, путникъ, видѣлъ это. Я въ могилѣ
Дышалъ тепломъ сухихъ камней. Они
Сокрытое пять тысячъ лѣтъ хранили.

Хранили день,—быть можетъ, только часъ,
Иль даже мигъ,—когда въ послѣдній разъ
Вздохнулъ здѣсь тотъ, кто узкою стопою
Въ атласный прахъ вдавилъ свой узкій слѣдъ.

Тотъ мигъ воскресъ! И на пять тысячъ лѣтъ
Умножилъ жизнь, мнѣ данную судьбою.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Въ святой Софіи голуби летали,
Гнусилъ мулла. Эректеонъ былъ нѣмъ.
И боги гомерическихъ поэмъ
Въ пустыхъ музеяхъ стыли и скучали.

Великій Сфинксъ, исполненный печали,
Лежалъ въ пескахъ. Израиль, чуждый всѣмъ,
Сбиралъ, рыдая, ржавыя скрижали.
Христосъ покинулъ жадный Виѳлеемъ.

Вотъ Рай, Ливанъ. Разсвѣтъ горитъ багряно.
Снѣгъ горъ—какъ шелкъ. По скатамъ изъ пещеръ
Текутъ стада. Въ лугахъ—моря тумана...

Миръ Авеля! Дни чистыхъ дѣтскихъ вѣръ!
Изъ-за нагихъ хребтовъ Антиливана
Блистаетъ, угасая, Люциферъ.

ВЪ ДѢТСТВѢ.

Я помню сумракъ каменныхъ аркадъ,
Въ срединѣ свѣтъ—и красный блескъ атласа
Въ сквозномъ узорѣ старыхъ царскихъ вратъ,
Подъ золотой стѣной иконостаса.

Я помню куполъ грубо-голубой:
Тамъ Саваоѳъ съ простертыми руками,
Надъ скудною старушечьей толпой,
Царилъ межъ звѣздъ, повитыхъ облаками.

Былъ вечеръ, мартъ, сіяла синева
Изъ узкихъ оконъ, въ куполѣ пробитыхъ,
Мертво звучали древнія слова.

Весенній отблескъ былъ на скользкихъ плитахъ—
И грозная сѣдая голова
Текла межъ звѣздъ, туманами повитыхъ.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ.

Тѣ часики съ эмалью, что впотьмахъ
Бѣжали такъ легко и торопливо,
Давнымъ давно умолкли. И крапива
Растетъ въ саду на мусорныхъ холмахъ.

Тотъ маятникъ лучистый, что спесиво
Соразмѣрялъ съ футляромъ свой размахъ,
Лежитъ въ пыли чердачнаго архива.
И склепъ хранитъ ужъ безымянный прахъ.

Но мы служили праведно и свято.
Въ полночный часъ насъ звѣзды серебрятъ,
Днемъ солнце озлащаетъ—до заката.

Позеленѣлъ нашъ мѣдный циферблатъ.
Но стрѣлку нашу въ дискѣ циферблата
Ведетъ самъ Богъ. Со всей вселенной въ ладъ.

ОСТРОВЪ.

Ноябрь, сырая полночь. Городокъ,
Весь мѣловой, весь блѣдный подъ луною,
Подавленъ безотвѣтной тишиною.
Приливный шумъ торжественно-широкъ.

На мачтѣ коменданта флагъ намокъ.
Вверху, надъ самой мачтой, надъ сквозною
И мутной мглой, бѣгущей на востокъ,
Скользитъ луна зеркальной бѣлизною.

Иду къ обрывамъ. Шумъ грознѣетъ. Свѣтъ
Становится тусклѣе и печальнѣй.
Волна качаетъ сваи подъ купальней.

Вдали—сѣдая бездна. Моря нѣтъ,
И валуны, кипя въ шипящей пѣнѣ,
Блестятъ внизу, какъ спящіе тюлени.

ДО СОЛНЦА.

Какъ стая птицъ, въ пустынѣ, одиноко
Бѣлѣетъ фортъ. За нимъ—пески, страна
Нагихъ бугровъ. На золотѣ востока
Четка и фіолетова она.

Рейдъ солнца ждетъ. Изъ черныхъ трубъ „Марокко“
Восходитъ дымъ. Зеленая волна
Стальною сажей, блестками полна.
Качаетъ мѣрно, плавно и широко.

Вотъ первый лучъ. Всѣ окна на борту
Зажглись огнемъ. Вотъ паръ взлетѣлъ—и трубы
Призывно заревѣли въ высоту.

Поднявъ весло, гребецъ оскалилъ зубы:
Какъ нѣжно плачетъ колоколъ въ порту
Подъ этотъ ревъ торжественный и грубый!

ПОЛДЕНЬ.

Горитъ хрусталь, горитъ рубинъ въ винѣ,
Звѣздой дрожитъ на скатерти въ салонѣ.
Послѣдній островъ тонетъ въ небосклонѣ,
Гдѣ зной и блескъ слились въ горячемъ снѣ.

На бакѣ бризъ. Тамъ, на носу, на фонѣ
Сухихъ небесъ, на жуткой крутизнѣ,
Сидитъ ливіецъ въ бѣломъ балахонѣ,
Глядитъ на снѣгъ, кипящій въ глубинѣ.

И влажный шумъ надъ этой влажной бездной
Клонитъ въ дрему. И острый ржавый носъ,
Не торопясь, своей броней желѣзной
Въ снѣгу взрѣзаетъ синій купоросъ.

Сквозь купоросъ, сквозь радугу отъ пыли,
Струясь, краснѣетъ киноварь на килѣ.

БОГЪ ПОЛДНЯ.

Я черныхъ козъ пасла съ меньшой сестрой
Межъ красныхъ скалъ, колючихъ травъ и глины.
Заливъ былъ синь. И камни, грѣя спины,
На жаркомъ солнцѣ спали подъ горой.

Я прилегла въ сухую тѣнь маслины
Съ корявой серебристою корой—
И онъ сошелъ, какъ мухъ звенящій рой,
Какъ сѣть сквозной горячей паутины.

Онъ озарилъ мнѣ ноги. Обнажилъ
Ихъ до колѣнъ. На серебрѣ рубашки
Горѣлъ огнемъ. И навзничь положилъ.

Его объятья сладостны и тяжки.
Онъ мнѣ сосцы загаромъ окружилъ,
И научилъ варить настой ромашки.

ПОСЛѢДНІЯ СЛЕЗЫ.

Изнемогла, въ качалкѣ задремала
Подъ дачный смѣхъ. Синѣли небеса.
Зажглась звѣзда. Потомъ свѣжѣе стало.
Взошла луна—и смолкли голоса.

Текла и млѣла въ морѣ полоса.
Стекло балконной двери заблистало.
И вотъ, она проснулась и устало
Поправила сухіе волоса.

Подумала. Полюбовалась далью.
Взяла ручное зеркальце съ окна—
И зеркальце сверкнуло синей сталью.

Ну да, виски бѣлѣютъ: сѣдина.
Бровь поднята, измучена печалью.
Свѣтло глядитъ холодная луна.

ГАЛЬЦІОНА.

Когда въ волнѣ мелькнулъ онъ мертвымъ ликомъ,
Къ нему на сердце кинулась она—
И высоко, съ двойнымъ звенящимъ крикомъ,
Двухъ бѣлыхъ чаекъ вынесла волна.

Когда зимой на этомъ взморьи дикомъ
Крутая зыбь мутна и солона,
Онѣ скользятъ въ ея пучину съ крикомъ—
И высоко выноситъ ихъ волна.

Но есть семь дней: смолкаетъ Гальціона—
И для нея щадитъ пловцовъ Эолъ:
Какъ серебро, свѣтло морское лоно,
Чернѣетъ степь, на солнцѣ дремлетъ волъ.

Семь мирныхъ дней проводитъ Гальціона
Въ камняхъ, въ гнѣздѣ. И внуковъ ждетъ Эолъ.

РЫБАЧКА.

— Кто тамъ стучитъ? Не встану. Не открою
Намокшей двери въ хижинѣ моей.
Тревожна ночь осеннею порою—
Разсвѣтъ еще тревожнѣй и шумнѣй.

— „Тебя пугаетъ гулъ среди камней
И скрежетъ мелкой гальки подъ горою?“
— Нѣтъ, я больна. И свѣжестью сырою
По одѣялу дуетъ изъ сѣней.

— „Я буду ждать, когда угомонится
Отъ бури охмелѣвшая волна
И станетъ блеклымъ золотомъ струиться
Осенній день на лавку изъ окна“.

— Уйди! Я ночевала не одна.
Онъ былъ смѣлѣй. Онъ моря не боится.

МОРСКОЙ ВѢТЕРЪ.

Морского вѣтра свѣжее дыханье
Изъ темноты доходитъ, какъ привѣтъ.
На дачахъ глушь. И поздней лампы свѣтъ
Осенней ночи слушаетъ молчанье.

Сонъ съ колотушкой бродитъ—и о немъ
Скучаетъ кто-то, дальній, безпріютный.
Нѣтъ ни звѣзды. Одинъ Юпитеръ мутный
Горитъ въ выси мистическимъ огнемъ.

Волна и вѣтеръ съ темныхъ побережій
Доносятъ запахъ ржавчины—песковъ,
Сырыхъ ракушекъ, сгнившихъ тростниковъ.

Привѣтъ полночный, ласковый и свѣжій,
Мнѣ чьей-то вольной кажется душой:
Родной мечтамъ и для земли—чужой.

ДОЛИНА ІОСАФАТА.

Отрада смерти страждущимъ дана.
Вы побѣлѣли, странники, отъ пыли—
Среди враговъ, въ чужихъ краяхъ вы были!
Здѣсь, въ темныхъ склепахъ, миръ и тишина.

Гора полдневнымъ солнцемъ сожжена.
Русло Кедрона вѣтры изсушили.
Но въ прахъ отцовъ вы посохи сложили—
Васъ обрѣла родимая страна.

Въ ней спятъ цари, пророки и левиты.
Въ блаженныя обителя ея
Всѣхъ, что въ плѣну и что мечомъ убиты,
Сбираетъ Милосердый Судія.

По жесткимъ склонамъ каменныя плиты
Стоятъ раскрытой книгой бытія.

КАРАВАНЪ.

Звонъ за оградой, нѣжный, полусонный,
Звонъ бубенцовъ подобенъ роднику:
Течетъ, течетъ... Листва и цвѣтъ лимонный,
Чуть золотясь, склонились къ гамаку.

Давно затихъ базаръ неугомонный.
Луна сквозь садъ сіяетъ по песку...
Они идутъ подъ лепетъ монотонный.
Вожакъ прилегъ на жесткую луку.

Вотъ потянуло вѣтромъ—и свѣжѣе
Вздохнула ночь... Какъ сладко спать въ сѣдлѣ,
Прильнувъ лицомъ къ верблюжьей теплой шеѣ!

Луна зашла. Поетъ пѣтухъ въ Рамлэ.
И млечной синью горы Іудеи
Свой зыбкій кряжъ означили во мглѣ.

ІЕРИХОНЪ.

Скользятъ, текутъ огни зеленыхъ мухъ.
Надъ Мертвымъ моремъ знойно и туманно
Отъ блеска звѣздъ. Песокъ вдали—какъ манна.
И смутный гулъ, дрожа, колдуетъ слухъ.

То ропотъ жабъ. Онъ длится неустанно,
Зоветъ, томитъ... Но часъ полночный глухъ.
Внимаетъ имъ, быть можетъ, только Духъ
Среди камней въ пустынѣ Іоанна.

Тамъ, между звѣздъ, чернѣетъ острый пикъ
Горы Поста. Чуть теплится лампадка.
Внизу—истома. Приторно и сладко

Мимозы пахнутъ. Сахарный тростникъ
Горитъ отъ мухъ... И дремлетъ Лихорадка,
Подъ жабій бредъ откинувъ блѣдный ликъ.

БЕДУИНЪ.

За Мертвымъ моремъ—пепельныя грани
Чуть видныхъ горъ. Полдневный часъ, обѣдъ.
Онъ выкупалъ кобылу въ Іорданѣ
И сѣлъ курить. Песокъ, какъ мѣдь, нагрѣтъ.

За Мертвымъ моремъ, въ солнечномъ туманѣ,
Течетъ миражъ. Въ долинѣ—зной и свѣтъ,
Воркуетъ дикій голубь. На герани,
На олеандрахъ—вешній алый цвѣтъ.

И онъ дремотно ноетъ, воспѣвая
Зной, олеандръ, герань и тамариксъ.
Сидитъ, какъ ястребъ. Пѣгая абайя
Сползаетъ съ плечъ... Поэтъ, разбойникъ, гиксъ!

Вотъ закурилъ—и радъ, что съ тонкимъ дымомъ
Сравнитъ въ стихахъ вершины за Сиддимомъ.

ПИЛИГРИМЪ.

Сталъ на коверъ, у якорныхъ цѣпей,
Босой, сѣдой, въ коротенькомъ халатѣ,
Въ большой чалмѣ. Свѣжѣетъ на закатѣ,
Ночь впереди—и тѣло радо ей.

Сталъ и простеръ ладони въ муть зыбей:
Какъ рабъ хранитъ завѣтный грошъ въ заплатѣ,
Хранитъ душа одну мечту—о платѣ
За трудъ земной—и все скупѣй, скупѣй.

Орлиный клювъ, глаза совы, но кротки
Теперь они: глядятъ туда, гдѣ синь
Святой страны, гдѣ слезы звѣздъ—какъ четки
На смуглой кисти Ангела Пустынь.

Открыто все: и сердце, и ладони...
И блещутъ, блещутъ слезы въ небосклонѣ.

ВЕЧЕРЪ.

О счастьи мы всегда лишь вспоминаемъ.
А счастье всюду. Можетъ быть, оно—
Вотъ этотъ садъ осенній за сараемъ
И чистый воздухъ, льющійся въ окно.

Въ бездонномъ небѣ легкимъ бѣлымъ краемъ
Встаетъ, сіяетъ облако. Давно
Слѣжу за нимъ... Мы мало видимъ, знаемъ,
А счастье только знающимъ дано.

Окно открыто. Пискнула и сѣла
На подоконникъ птичка. И отъ книгъ
Усталый взглядъ я отвожу на мигъ.

День вечерѣетъ, небо опустѣло.
Гулъ молотилки слышенъ на гумнѣ...
Я вижу, слышу, счастливъ. Все во мнѣ.

ГРОБНИЦА РАХИЛИ.

„И умерла, и схоронилъ Іаковъ
Ее въ пути...“ И на гробницѣ нѣтъ
Ни имени, ни надписей, ни знаковъ.

Ночной порой въ ней свѣтитъ слабый свѣтъ,
И куполъ гроба, выбѣленный мѣломъ,
Таинственною блѣдностью одѣтъ.

Я приближаюсь въ сумракѣ несмѣломъ
И съ трепетомъ цѣлую прахъ и пыль
На этомъ камнѣ женственномъ и бѣломъ...

Сладчайшее изъ словъ земныхъ! Рахиль!

ИСТОЧНИКЪ ЗВѢЗДЫ.

Сирійскій апокрифъ.

Въ ночь рожденія Исы,
Святого, любимаго Богомъ,
Отъ востока къ закату
Звѣзда уводила Волхвовъ.

Въ ночь рожденія Исы
По горнымъ тропамъ и дорогамъ
Шли Волхвы караваномъ
На таинственный зовъ.

Камнемъ крови, рубиномъ
Горѣла звѣзда передъ ними,
Протекала, склонялась—
И стала, служенье свершивъ:

За долиной, на склонѣ—
Шатры и огни въ Рефаимѣ,
На долинѣ—источникъ
Подъ вѣтвями оливъ.

И Волхвы, славословя,
Склонились предъ тѣми огнями
И сказали: „Мы видимъ
Святого селенья огни“.

И верблюды припали
Къ холодной водѣ межъ камнями:
Слѣдъ копытъ и донынѣ
Тамъ, гдѣ пили они.

А звѣзда покатилась
И пала въ источникъ чудесный:
Кто достоинъ—кто видитъ
Въ источникѣ темномъ звѣзду?

Только чистыя дѣвы,
Невѣсты съ душой неневѣстной,
Обрученныя Богу,
Но и то—разъ въ году.

СЛѢДЪ.

Его обдуваетъ съ юга и сѣвера.

Имру-уль-Кайсъ.

...Ушли съ разсвѣтомъ. Опустѣли
Песчаные бугры.
Ползъ синій дымъ. И угли кровью рдѣли
Тамъ, гдѣ вчера чернѣли ихъ шатры.

Я слѣзъ съ сѣдла—и пряный запахъ дыма
Меня обвѣялъ теплотой.
При блескѣ солнца былъ невыразимо
Красивъ огонь прозрачно-золотой.

...Долина сѣрая, нагая,
Какъ пахъ осла. Въ колодцѣ гниль и грязь.
Изъ-за бугровъ моря текутъ, сверкая
И мутно серебрясь.

Но тутъ семь дней жила моя подруга:
Я сѣлъ на холмъ, гдѣ былъ ея наметъ.
Тутъ вѣтеръ дуетъ съ сѣвера и юга—
Онъ милый слѣдъ не замететъ.

...Ночь тишиной и мракомъ истомила.
Когда конецъ?
Ночь, какъ верблюдъ, легла и отдалила
Отъ головы крестецъ.

Песокъ остылъ. Холодный, безотвѣтный,
Скользитъ въ рукѣ, какъ змѣй...
Горитъ, играетъ перстень самоцвѣтный—
Звѣзда любви моей.

ЗА ДАМАСКОМЪ.

Щебечутъ пестрокрылыя чекканки
На глиняныхъ могильныхъ бугоркахъ.
Дорога въ Мекку. Древнія стоянки
Въ пустынѣ, въ зноѣ и пескахъ.

Гдѣ вы, хаджи? Гдѣ ваши дромадеры?
Вдали слюдой блестятъ солончаки.
Кругомъ погостъ. Бугры рогаты, сѣры,
Какъ голыхъ сѣделъ арчаки.

СПОРЪ.

— Счастливы мы, Θессалійцы! Черное, съ розовой пѣной,
Пахнетъ нагрѣтой землей наше густое вино.
Хлѣбъ отъ вина лиловѣетъ. Кусокъ овечьяго сыру,
Влажно-соленый, крутой, горную свѣжесть хранитъ.

„Критъ позабылъ ты, хвастунъ! Мастика хмельнѣе и слаще.
Палуба ходитъ, скользитъ, парусъ сіяетъ, какъ снѣгъ,
Пляшутъ зеленыя волны—и пьяная цѣпь рулевая,
Скрежеща, вдоль бортовъ ползаетъ ржавой змѣей“.

СМЕРТЬ.

Въ апрѣльскій жаркій полдень, по кремнистой
Дорогѣ межъ цвѣтущими садами,
Пришелъ монахъ, высокій францисканецъ,
Къ монастырю надъ синимъ южнымъ моремъ.
Ползучія гирлянды розъ, глицинiй
И золотое кружево мимозы
Висѣли на оградѣ, а за нею
По мрамору скользили пятна свѣта.
„Кто тамъ?“—сказалъ привратникъ изъ-за двери.
— „Братъ во Христѣ“, отвѣтилъ францисканецъ.
„Кого вамъ надо?“—„Брата Габріэля“.
„Онъ нынче занятъ—пишетъ Воскресенье“.
Тогда монахъ сорвалъ съ ограды розу,
Швырнулъ во дворъ—и съ недовольнымъ видомъ
Пошелъ назадъ. А роза за оградой
Разсыпалась на мраморъ чернымъ пепломъ.

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ.

Какъ въ гору, шли мы въ зыбь, въ слѣпящій блескъ
заката.

Холмилась и росла лиловая волна.
Съ холма на холмъ лилось оранжевое злато.
И глубь небесъ была прозрачно-зелена.

Дымъ изъ жерла трубы летѣлъ назадъ. Въ упругомъ
Кимвальномъ пѣньѣ рей дрожалъ холодный гулъ.
И солнца ликъ мертвѣлъ. Громада моря кругомъ
Объяла горизонтъ. Везувій потонулъ.

И до бортовъ вставалъ, и, упадая, мѣрно
Шумѣлъ разверстый валъ. И гребень, закипѣвъ,
Сквозилъ и розовѣлъ, какъ пѣнное Фалерно,—
И малахитъ скользилъ въ кроваво-черный зѣвъ.

ВЪ МЕССИНСКОМЪ ПРОЛИВѢ.

На темномъ рейдѣ струнный ладъ,
Огни и пѣсни въ Катанеѣ...
Въ дни скорби любимъ мы нѣжнѣе,
Канцоны сладостнѣй звучатъ.

И величаво-одинокъ
На звѣздномъ небѣ конусъ Этны,
Гдѣ таетъ блѣдный, чуть замѣтный,
Чуть розовѣющій вѣнокъ.

Весна, 1909 г.

КОЛИБРИ.

Трава пестритъ—какъ разглядѣть змѣю?
Зеленый лѣсъ раскинулъ въ жаркомъ свѣтѣ
Сквозную тѣнь—узорчатыя сѣти...
Онѣ живутъ въ невѣдѣньи, въ раю.

Поютъ, ликуютъ, спорятъ голосами,
Огнемъ хвостовъ... Но стоитъ невпопадъ
Взглянуть въ траву—и прянетъ пестрый гадъ:
Онъ мѣтко бьетъ раскосыми глазами.

ВИНО.

— На Яйлѣ зазеленѣли буки,
Покраснѣла стройная сосна:
Отчего на сѣверѣ, въ разлукѣ
Чувствуетъ душа, что тамъ весна?

„Въ дни, когда на лозахъ виноградныхъ
Распуститься цвѣту суждено,
Въ погребахъ и темныхъ, и прохладныхъ
Бродитъ золотистое вино“.

СТАРИННЫЕ СТИХИ.

— Мимо острова въ полночь фрегатъ проходилъ:
Слѣва мѣсяцъ надъ моремъ свѣтилъ,
Справа островъ темнѣлъ—пропадали вдали
Дюны скудной родимой земли.

Старый домъ рыбака голубою стѣной
Тамъ мерцалъ надъ кипящей волной...
Но въ завѣтномъ окнѣ не видалъ я огня:
Ты забыла, забыла меня!

— Мимо острова въ полночь фрегатъ проходилъ:
Поздній мѣсяцъ надъ моремъ свѣтилъ,
Золотая текла по волнамъ полоса—
И, какъ въ сказкѣ, неслись паруса.

Лебединою грудью бѣлѣли они,
И мерцали на мачтахъ огни...
Но въ свѣтлицѣ своей не зажгла я огня:
Ты забудешь, забудешь меня!

ВАЛЬСЪ.

Похолодѣли лепестки
Раскрытыхъ губъ, по-дѣтски влажныхъ—
И залъ плыветъ, плыветъ въ протяжныхъ
Напѣвахъ счастья и тоски.

Сіянье люстръ и зыбь зеркалъ
Слились въ одинъ миражъ хрустальный—
И вѣетъ, вѣетъ вѣтеръ бальный
Тепломъ душистыхъ опахалъ.

ДАЧА.

Открыты окна. Въ бѣлой мастерской
Слѣды отъѣзда: соръ, клочки конверта.
Въ углу стоитъ прямой скелетъ мольберта.
Изъ оконъ тянетъ свѣжестью морской.

Дни все свѣтлѣй, все тише, золотистѣй—
И ни полямъ, ни морю нѣтъ конца.
Съ корявой, старой груши у крыльца
Спадаютъ розовые листья.

ПРОЩАНІЕ.

Поблекшій долъ подъ старыми платанами,
Изсохшіе источники и рвы
Усѣяны лиловыми тюльпанами
И золотомъ листвы.

Померкло небо, солнце закатилося,
Холодный вѣтеръ дуетъ. И слеза,
Что въ голубыхъ глазахъ твоихъ свѣтилася,
Блѣдна, какъ бирюза.

МАТЕРИ.

Я помню спальню и лампадку,
Игрушки, теплую кроватку
И милый, кроткій голосъ твой:
„Ангелъ-Хранитель надъ тобой!“

Бывало, раздѣваетъ няня
И полушоптомъ бранитъ,
А сладкій сонъ, глаза туманя,
Къ ея плечу меня клонитъ.

Ты перекрестишь, поцѣлуешь,
Напомнишь мнѣ, что Онъ со мной,
И вѣрой въ счастье очаруешь...
Я помню, помню голосъ твой!

Я помню свѣтъ, тепло кроватки,
Лампадку въ сумракѣ угла
И тѣни отъ цѣпей лампадки...
Не ты ли ангеломъ была?

НЯНЯ.

Въ старой темной дѣвичьей,
На пустомъ ларѣ,
Сѣла, согрѣвается...
Лунно на дворѣ,
Иней синимъ бисеромъ
На окнѣ блеститъ,
Надъ столомъ висячая
Лампочка коптитъ...
Что-то вспоминается?
Отчего въ глазахъ
Столько скорби, кротости?..
Лапти на ногахъ,
Голова закутана
Шалью набивной,
Полушубокъ старенькій...
„Здравствуй, другъ родной!
Что жъ ты не сказалася?“
Поднялась, трясетъ
Головою дряхлою
И къ рукѣ идетъ,
Кланяется низенько...
„Въ домъ иди“.—„Иду-съ“.

„Какъ живется-можется?“
— „Что-то не пойму-съ“.
„Какъ живешь, я спрашивалъ,
Все одна?“—„Одна-съ“.
„А невѣстка?“—„Въ городѣ-съ.
Позабыла насъ!“
„Какъ же ты съ внучатами?“
— „Такъ вотъ и живу-съ“.
„Насъ-то вспоминала ли?“
— „Всѣхъ какъ наяву-съ“.
„Да не то: не стыдно ли
Было не придти?“
— „Боязно-съ: а ну-ко-ся
Да помрешь въ пути“.
И трясетъ, съ улыбкою,
Грустной и больной,
Головой закутанной,
И слѣдитъ за мной,
Ловитъ губъ движенія...
„Ну, идемъ, идемъ,
Тамъ и побесѣдуемъ,
И чайку попьемъ“.

ПУСТОШЬ.

Миръ вамъ, въ землѣ почившіе!—За садомъ
Погостъ рабовъ, погостъ дворовыхъ нашихъ:
Двѣ десятины пустоши, волнистой
Отъ бугорковъ могильныхъ. Ни креста,
Ни деревца. Мѣстами уцѣлѣли
Лишь каменныя плиты, да и то
Изъѣденныя временемъ, какъ оспой...
Теперь ихъ скоро выберутъ—и будутъ
Выпахивать то пористыя кости,
То суздальскія черныя иконки...

Миръ вамъ, давно забытые!—Кто знаетъ
Ихъ имена простыя? Жили—въ страхѣ,
Въ безвѣстности—почили. Иногда
Въ селѣ ковали цѣпи, засѣкали,
На поселенье гнали. Но стихалъ
Однообразный бабій плачъ—и снова
Шли дни труда, покорности и страха.
Теперь отъ этой жизни уцѣлѣли
Лишь каменныя плиты. А пройдетъ
Желѣзный плугъ—и пустошь всколосится
Густою рожью. Кости удобряютъ...

Миръ вамъ, неотомщенные!—Свидѣтель
Великаго и подлаго, безсильный
Свидѣтель звѣрствъ, разстрѣловъ, пытокъ, казней,
Я, чье чело отмѣчено навѣки
Клеймомъ раба, невольника, холопа,
Я говорю почившимъ: „Спите, спите!
Не вы одни страдали: внуки вашихъ
Владыкъ и повелителей испили
Не меньше васъ изъ горькой чаши рабства!“

ВДОВЕЦЪ.

Желѣзный крюкъ скрипитъ надъ колыбелью,
Луна глядитъ въ окно на колыбель:
Луна склоняетъ ликъ и по ущелью,
Сквозь сумракъ, тянетъ млечную кудель.

Въ горахъ свѣтло. На дальнемъ горномъ кряжѣ,
Весь на виду, чернѣетъ скитъ армянъ.
Но встанетъ мгла изъ этой блѣдной пряжи—
Не разглядитъ засады караванъ.

Пора, пора,—ужъ стекла запотѣли!
Разбойникъ я... Да вотъ, на смѣну мнѣ,
Самъ Ангелъ сна подходитъ къ колыбели,
Чуть серебрясь при меркнущей лунѣ.

ХРИСТЯ.

Христя угощаетъ куколъ на сговорѣ—
За степною хатой, на сухихъ бахчахъ.
Степь въ горячемъ блескѣ млѣетъ, точно море,
Тыквы свѣтятъ мѣдью въ солнечныхъ лучахъ.

Собрались сосѣдки къ старой бабѣ Христѣ,
Пропиваютъ дочку—чай и водку пьютъ.
Дочка—въ разноцвѣтной плахтѣ и въ монистѣ,
Всѣ ее жалѣютъ—и поютъ, поютъ!

Подъ степною хатой, въ жаркомъ ароматѣ
Спѣлаго укропа, возятся въ золѣ
Желтые цыплята. Мать уснула въ хатѣ,
Бабка—въ темной клунѣ, тыквы—на землѣ.

НА ТОКУ.

Старикъ у хаты вѣялъ, подкидывалъ лопату,
Какъ разъ къ святому Спасу покончивъ съ молотьбой.
Старуха въ черной плахтѣ бѣлила мѣломъ хату
И обводила окна каймою голубой.

А солнце, розовѣя, въ степную пыль садилось—
И тѣни ногъ столбами ложились на гумно,
А хата молодѣла—зардѣлась, застыдилась—
И празднично блестѣло протертое окно.

БЕЗЪ ИМЕНИ.

Курганъ разрытъ. Въ тяжеломъ саркофагѣ
Онъ спитъ, какъ стражъ. Желѣзный мечъ въ рукѣ.
Поютъ надъ нимъ узорной вязью саги,
Беззвучныя, на звучномъ языкѣ.

Но ликъ сокрытъ—опущено забрало.
Но плащъ истлѣлъ на ржавленной бронѣ.
Былъ воинъ, вождь. Но имя Смерть украла
И унеслась на черномъ скакунѣ.

ВЪ МОСКВѢ.

Здѣсь, въ старыхъ переулкахъ за Арбатомъ,
Совсѣмъ особый городъ... Вотъ и мартъ.
И холодно, и низко въ мезонинѣ,
Не мало крысъ, но по ночамъ—чудесно.
Днемъ—ростопель, капели, грѣетъ солнце,
А ночью подморозитъ, станетъ чисто,
Свѣтло—и такъ похоже на Москву,
Старинную, далекую. Усядусь,
Огня не зажигая, возлѣ оконъ,
Облитыхъ луннымъ свѣтомъ, и смотрю
На садъ, на звѣзды рѣдкія... Какъ нѣжно
Весной ночное небо! Какъ спокойна
Луна весною! Теплятся, какъ свѣчи,
Кресты на древней церковкѣ. Сквозь вѣтви
Въ глубокомъ небѣ весело сіяютъ,
Какъ золотые кованые шлемы,—
Головки мелкихъ куполовъ...

БУДНИ.

Бѣгутъ, бѣгутъ листы раскрытой книги,
Бѣгутъ, струятся къ небу тополя,
Гулъ молотилки слышится изъ риги—
Дохнули въ шторы вольныя поля.
Помѣщикъ всталъ и, окна закрывая,
Глядитъ на югъ. Но туча дождевая
Уже прошла. Опять покой и лѣнь.
Въ горячемъ свѣтѣ весело и сухо
Вокругъ террасы лоснится сирень.
Зажглась рѣка, какъ зеркало. Старуха
Несетъ сажать махотки на плетень.
Кричитъ пѣтухъ. Въ крапиву за насѣдкой
Спѣшитъ десятокъ желтенькихъ цыплятъ.
И тѣни шторъ узорно-легкой сѣткой
По конскому лѣчебнику пестрятъ.

СИРОТКА.

Шла сиротка пыльною дорогой,
На степи боялась заблудиться.
Встрѣтился прохожій, глянулъ строго,
Къ мачехѣ велѣлъ ей воротиться.

Долгими лугами шла сиротка,
Плакала, боялась темной ночи.
Повстрѣчался ангелъ, глянулъ кротко
И потупилъ ангельскія очи.

По пригоркамъ шла сиротка—стала
Подниматься тропочкой неровной.
Встрѣтился Господь у перевала,
Глянулъ милосердно и любовно.

„Не трудись,—сказалъ Онъ,—не разбудишь
Матери въ ея могилѣ тѣсной:
Ты Моей, сиротка, дочкой будешь“—
И увелъ сиротку въ рай небесный.

ВЪ РОЩѢ.

Тамъ иволга, какъ флейта, распѣвала,
Тамъ утреннее солнце пригрѣвало
Трудъ муравьевъ—живые бугорки.
Вдругъ пѣгая легавая собака,
Тропинкой добѣжавъ до буерака,
Залаяла. Я быстро взвелъ курки.

Змѣя? Барсукъ?—Плетенка съ костяникой!
А на березѣ дѣвочка—и дикій
Испугъ въ лицѣ и глазкахъ: надъ ручьемъ
Дугой береза бѣлая склонилась—
И вотъ она вскарабкалась, схватилась
За стволъ и закачалася на немъ.

Поспѣшно повернулся я, поспѣшно
Пошелъ назадъ... Младенчески безгрѣшно
И радостно откликнулась душа
На этотъ ужасъ милый... Вся пестрѣла
Березовая роща, флейта пѣла—
И жизнь была какъ утро хороша.

ТУМАНЪ.

Сумрачно, скучно свѣтаетъ заря.
Пахнетъ листвою и мокрыми гумнами.
Воютъ и тянутъ за рогомъ псаря
Гончія сворами шумными.

Тянутъ, стихаютъ—и тонутъ слѣды
Въ темномъ туманѣ. Людская чуть курится.
Сонно въ осинникѣ квохчутъ дрозды.
Чаща и дремлетъ, и хмурится.

И до печальныхъ вечернихъ огней
Въ морѣ туманныхъ лѣсовъ, за долинами
Будетъ стонать все скучнѣй и скучнѣй
Рогъ голосами звѣриными.

КРУЖЕВО.

Весь день метель. За дверью, у сосѣда,
Стучатъ часы и каплетъ съ оконъ ледъ.
У барышни-сосѣдки съ мясоѣда
Поетъ щеголъ. А барышня плететъ.

Сидитъ, выводитъ крестики и мушки—
Бѣла, какъ снѣгъ, скромна, какъ ленъ въ степи...
Темно въ уѣздной крохотной избушкѣ,
Наскучили гремучія коклюшки,
Весна идетъ... Да какъ же быть? Терпи!

Синѣетъ дымъ метели, вьются галки
Надъ старой колокольней... День прошелъ,
А толку что?—Текутъ съ окна мочалки
И о веснѣ поетъ дуракъ щеголъ.

СТОРОЖЪ.

И снова вечеръ, сухо позлатившій
Дороги, степь и удлинившій тѣнь;
И блѣдный ликъ, напротивъ солнца всплывшій;
И четко въ ясномъ воздухѣ застывшій
Среди бахчей курень.

Старъ сторожъ, старъ! И слабъ, и видитъ плохо,
А вѣкъ бы жилъ!—Такъ тихо въ куренѣ,
Что слышенъ трескъ подсохшаго гороха...
Да что̀ кому до старческаго вздоха
О догорѣвшемъ днѣ!

БЕРЕГЪ.

За окномъ весна сіяетъ новая,
А въ избѣ—послѣдняя твоя
Восковая свѣчка—и тесовая
Длинная ладья.

Причесали, нарядили, справили,
Полотномъ закрыли блѣдный ликъ—
И ушли, до времени оставили
Твой нѣмой двойникъ.

У него ни имени, ни отчества,
Ни друзей, ни дома, ни родни:
Тихи гробового одиночества
Роковые дни.

Да пребудетъ въ мирѣ, да покоится:
Какъ душа свободная твоя,
Скоро, скоро въ синемъ морѣ скроется
Бѣлая ладья.

КОЛДУНЪ.

Въ мелколѣсьи пѣло глухо, строго.
Вмѣстѣ съ ночью туча надвигалась.
По кустамъ, на тучу шла дорога,
На вѣтру листва съ пескомъ мѣшалась...
Лѣшій зорко въ темь глядѣлъ съ порога.

Онъ сидѣлъ и слушалъ, какъ кукушки
Хриплымъ смѣхомъ гдѣ-то хохотали,
Какъ визжали совы—и съ опушки,
Послѣ блеска, гулы долетали...
Дѣдъ-колдунъ, какъ мертвый, спалъ въ избушкѣ.

Одностволка на столѣ лежала
Вмѣстѣ съ жесткой, черной коркой хлѣба.
Какъ бѣльмо, окошко отражало
Скудный отсвѣтъ пасмурнаго неба...
Надъ окномъ соломою шуршало.

И пока шуршало, дѣду снилось,
Что въ печуркѣ, гдѣ лежатъ онучи,
Загорѣлось: тлѣетъ, задымилось...
И сухимъ огнемъ сверкали тучи
И въ окнѣ угрюмо муха билась.

СѢНОКОСЪ.

Среди двора, въ батистовой рубашкѣ,
Стоялъ барчукъ и, щурясь, звалъ: „Корней!..“
Корней молчалъ. Двѣ пѣгія дворняшки,
Щенки, катались въ сѣнѣ. Все синѣй
Надъ крышами и садомъ небо млѣло,
Какъ сказочная, сонная рѣка,
Все горячѣй палило зноемъ тѣло,
Все радостнѣй бѣлѣли облака
И все душнѣй благоухало сѣно...
„Корней, сѣдлай!“—Но и Корней въ лѣсу:
Остались только скотница Елена
Да пчельникъ Дронъ... Вотъ Фоксъ замялъ осу
И сѣно взрылъ. Вотъ снѣжный голубь комомъ
Упалъ на крышу скотнаго варка...
Вездѣ открыты окна. А надъ домомъ
Такъ серебрится тополь, такъ ярка
Листва вверху,—какъ будто изъ металла,
И воробьи шныряютъ то изъ зала,
Въ тѣнистый палисадникъ, въ бересклетъ,
То снова въ залъ... Покой, лазурь и свѣтъ.

Въ конюшнѣ полусумракъ и прохладно;
Навозомъ пахнетъ, сбруей, лошадьми,

Касаточки щебечутъ. И Ами,
Соскучившись, тихонько ржетъ и жадно
Коситъ свой глазъ лилово-золотой
Въ рѣшетчатую дверку. Стременами
Звенитъ барчукъ, поднявъ сѣдло съ уздой,
Кладетъ, подпруги ловитъ,—и ушами
Прядетъ кобылка, дѣлаясь стройнѣй
И выходя на солнце. Тамъ къ кадушкѣ
Склоняется—блескъ, небо видитъ въ ней
И долго пьетъ. И солнце жжетъ подушки,
Луку, потникъ, играя въ серебрѣ...

А черезъ часъ заходятъ побирушки,
Слѣпой съ поводыремъ, и на дворѣ
Сидятъ какъ дома. Мальчикъ босоногій
Заглядываетъ въ окна, на порогѣ
Стоитъ и медлитъ; робко входитъ въ залъ,
Съ восторгомъ смотритъ въ свѣтлый міръ зеркалъ,
Касается до клавишъ фортепьяно—
И, вздрогнувъ, замираетъ: звонко, странно
И весело въ хоромахъ! На балконъ
Открыта дверь—и солнце жаркимъ свѣтомъ
Зажгло паркетъ, и глубоко паркетомъ
Зеркальный отблескъ двери отраженъ,
И воробьи крикливою станицей
Проносятся у самаго стекла
За золотой, сверкающею птицей—
За иволгой, скользящей какъ стрѣла.

ЛИМОННОЕ ЗЕРНО.

Въ сырой избушкѣ шорника Лукьяна
Старуха-бабка въ донышкѣ стакана
Растила золотистое зерно.
Да, видно, намъ не ко двору оно.

Лукьянъ нетрезвъ, старуха какъ ребенокъ,
И вотъ однажды пестренькій цыпленокъ
Пища залѣзъ на лавку, на хомутъ,
Немножко изловчился—и капутъ.

МУЖИЧОКЪ.

Ельничкомъ, березничкомъ—гдѣ душа захочетъ—
Въ Кіевъ пробирается Божій мужичокъ.
Смотритъ, нѣтъ ли ягодки? Горбится, бормочетъ,
Съѣстъ и ухмыляется: я, молъ, дурачокъ.
„Али сладко, дѣдушка?“—„Грѣшенъ: сладко, внучекъ“.
„Что-жъ, и на здоровье. А куда идешь?“
„Я-то?—А не вѣдаю. Въ родѣ вольныхъ тучекъ.
Со крестомъ да съ вѣрой всякій путь хорошъ“.
Ягодка по ягодкѣ—вотъ, и слава Богу:
Сыты. А завидимъ бѣлые холсты,
Подойдемъ съ молитвою, глянемъ на дорогу,
Сдернемъ, сунемъ въ сумочку—и опять въ кусты.

ДВОРЕЦКІЙ.

Ночникъ горитъ въ холодномъ и угрюмомъ
Огромномъ залѣ скупо и темно.
Домъ окруженъ зловѣщимъ гуломъ, шумомъ
Столѣтнихъ липъ, стучащихся въ окно.

Дождь льетъ всю ночь. То чудится, что кто-то
Къ крыльцу подъѣхалъ... То издалека
Несется крикъ... А тутъ еще забота:
Течетъ сквозь крышу, каплетъ съ потолка.

Опять вставай, опять возись съ тазами!
И все при этомъ скудномъ ночникѣ,
Съ опухшими и сонными глазами,
Въ подштанникахъ и ветхомъ сюртучкѣ.

КРИНИЦА.

Торчитъ журавль надъ шахтой подъ горой,
Зарей въ лугу краснѣетъ плахта,
Гремитъ ведро—и звучною игрой,
Глубокимъ гуломъ вторитъ шахта.

Въ ея провалѣ темномъ и сыромъ—
Бездонный блескъ. Журавль склоняетъ шею,
Скрипитъ и, захлебнувшись серебромъ,
Опять возносится надъ нею.

Плыветъ, качаясь, тяжкое ведро,
Сверкаетъ жесть—и медленно вдоль луга
Идетъ она—и стройное бедро
Подъ красной плахтой такъ упруго.

ПѢСНЯ.

На пирахъ веселыхъ,
Въ деревняхъ и селахъ
Проводилъ ты дни.

Я въ лѣсу сидѣла
Да въ окно глядѣла
На кусты и пни.

Дѣвки пряли, шили,
Дѣти съ нянькой жили,
Я всегда одна—

Ласковѣй черницы,
Тише плѣнной птицы
И блѣднѣе льна.

Я ли не любила?
Я ли не молила,
Чтобъ Господь помогъ?

А года летѣли,
Волоса сѣдѣли...
И замолкъ твой рогъ.

Солнце предъ закатомъ
Бродитъ по палатамъ,
Вдоль дубовыхъ стѣнъ.

Да оно не грѣетъ,
Да душа не смѣетъ
Кинуть долгій плѣнъ.

ПѢСНЯ.

Зацвѣла на волѣ
Въ полѣ бирюза.
Смотрятъ, смотрятъ въ душу
Милые глаза.

Помню, помню нѣжный,
Безмятежный ленъ.
Да далеко гдѣ-то
Зацвѣтаетъ онъ.

Помню, помню чистый
И лучистый взглядъ.
Да поднять рѣсницы
Люди не велятъ.

О ПЕТРѢ-РАЗБОЙНИКѢ.

Въ воскресенье, раньше литургіи,
Раньше звона ранняго, сидѣли
На скамьѣ, подъ ветхой бѣлой хатой,
Мать да сынъ—и на море глядѣли.

— Милый сынъ, прости старухѣ старой:
Раскажи ей, отчего скучаешь,—
Головой, до времени чубарой,
Сумрачно и горестно качаешь?

— Милый сынъ мой, въ праздникъ люди кротки,
Небо ясно, горы въ небѣ четки,
Синь заливъ, долины золотятся,
Сквозь весенній тонкій паръ глядятся.

— Былъ я, мать, въ темницѣ въ Цареградѣ,
Въ кандалахъ холодныхъ, на затворѣ,
За желѣзной ржавою рѣшеткой,
Да зато подъ ней шумѣло море.

Море пѣной разсыпало гребни
По камнямъ, на мелкомъ сизомъ щебнѣ
И на щебнѣ этомъ чьи-то дѣти,
Дѣти въ красныхъ фесочкахъ, играли...

— *Милый сынъ! Не дѣти: чертенята.*
— Мать, молчи. Я чахну отъ печали.

Въ воскресенье, послѣ литургіи,
Послѣ полдня, къ мужу подходила
Статная нарядная хозяйка,
Ласково за столъ его просила.

Онъ сидѣлъ подъ солнцемъ, непокрытый,
Черный отъ загара и небритый,
Теръ полою краснаго жупана
По горячей стали ятагана.

— Господинъ! Что вижу? Ты—въ работѣ,
Дворъ не прибранъ, куры на ометѣ,
Осликъ бродитъ, кактусъ обгрызаетъ,
Янъ все утро съ крыши не слѣзаетъ.
Господинъ мой! Чѣмъ ты недоволенъ?
Ты ль не счастливъ, не богатъ, не воленъ?

— Былъ, жена, я въ пыткахъ и на дыбѣ,
Восемь лѣтъ изъ плѣна видѣлъ воду,
Бѣлый парусъ въ свѣтлыхъ искрахъ зыби,
Голубыя горы—и свободу...

— Господинъ! Свободу? Изъ темницы?
— Замолчи. Пиратъ вольнѣе птицы.

Въ воскресенье Божье, на закатѣ
Было пусто въ темной старой хатѣ...
Кто добромъ разбойника помянетъ?
Какъ-то онъ на страшный судъ предстанетъ?

ЗИМНЯЯ ВИЛЛА.

Мистраль качаетъ ставни. Цѣлый день
Печетъ дорожки солнце. Но за домомъ,
Гдѣ ледяная утренняя тѣнь,
Морозъ, какъ соль, лежитъ по водоемамъ.

На синевѣ и бѣлый новый домъ,
И бѣлая высокая ограда
Слѣпятъ глаза. И слышится кругомъ
Звенящій полусонный шелестъ сада.

Качаясь, пальмы клонятся. Ихъ жаль,—
Онѣ дрожатъ, имъ холодно отъ блеска
Далекихъ горъ... Проносится мистраль,
И домъ бѣлѣетъ слишкомъ рѣзко.

ПАМЯТИ—.

Ты мысль, ты сонъ. Сквозь дымную метель
Бѣгутъ кресты—раскинутыя руки.
Я слушаю задумчивую ель—
Пѣвучій звонъ... Все—только мысль и звуки.

То, что лежитъ въ могилѣ, развѣ ты?
Разлуками, печалью былъ отмѣченъ
Твой трудный путь. Теперь ихъ нѣтъ. Кресты
Хранятъ лишь прахъ. Теперь ты мысль. Ты вѣченъ.

СПОЛОХИ.

Взвѣвая легкія гардины
И раздувая свѣтъ зарницы,
Ночная близилась гроза.

Метался мракъ, зеркалъ глубины
Ловили золото божницы
И чьи-то жуткіе глаза.

Я замерла, не понимая,
Въ какой я горницѣ. Крапива
Шумя бѣжала подъ окномъ.

Зарница, яркая, нѣмая,
Мнѣ говорила торопливо
Все объ одномъ, все объ одномъ.

Впервые нынче мы не лгали,—
Дрожа отъ радости, впервые
Сняла я тяжкое кольцо—

И въ глубинѣ зеркалъ мелькали
Покровы черно-гробовые
И чье-то блѣдное лицо.

ПРИ ДОРОГѢ.

Окно по ночамъ голубое,
Да ветхо и криво оно:
Сквозь стекла расплющенный мѣсяцъ
Какъ тусклое блещетъ пятно.

Дѣдъ рано ложится, а внучкѣ
Неволя: лежи и не спи
Да думай отъ скуки. А долги
Осеннія ночи въ степи.

Вчера чумаки проходили—
Прильнула къ окну. Но была
Морозная полночь. Блестѣли
Колеса, рога у вола.

Хотѣла вскочить—побоялась.
И мѣсяцъ глядѣлъ какъ живой
На шляхъ, на шагавшія тѣни,
На борозды съ мерзлой ботвой.

У Каспія тони, тамъ хватитъ
Работы на всѣхъ—и давно
Ушла бы туда съ чумаками...
Да мило кривое окно.

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ.

Ночью лампа на окнѣ стояла,
Свѣтъ бросала въ черный мокрый садъ:
Желтую лѣсовку озаряла
И цвѣтникъ, расцвѣтшій въ листопадъ.

Нянька у огня, на табуретѣ,
Штопала чулочки... Передъ сномъ,
Раздѣваясь, поглядѣли дѣти
На листву и мальвы подъ окномъ.

И пока дремали, забывались,
Думали о чемъ-то—въ первый разъ:
Сказкой неразсказанной казались
Домъ и садъ, и этотъ поздній часъ.

Домъ былъ старъ, какъ теремъ у Кощея,
Расцвѣтала пестрядь у стекла
И на свѣтъ глядѣла ночь, чернѣя...
Но зачѣмъ ты, нянька, не спала!

БЕРЕЗКА.

На перевалѣ дальнемъ, на краю
Пустыхъ небесъ, есть бѣлая березка:
Стволъ, искривленный бурями, и плоско
Раскинутые сучья.—Я стою,
Любуясь ею, въ желтомъ голомъ полѣ.

Оно мертво. Гдѣ тѣнь, пластами соли
Лежитъ морозъ. Ужъ солнца низкій свѣтъ
Не грѣетъ ихъ. Ужъ ни листочка нѣтъ
На этихъ сучьяхъ, буро-красноватыхъ,
Стволъ рѣзко-бѣлъ въ зеленой пустотѣ...

Но осень—миръ. Миръ въ грусти и мечтѣ,
Миръ въ думахъ о прошедшемъ, объ утратахъ.
На перевалѣ дальнемъ, на чертѣ
Пустыхъ полей, березка одинока.
Но ей легко. Ея весна—далеко.

БАЙРОНЪ.

НЕБО и ЗЕМЛЯ.

МИСТЕРІЯ.

Когда люди начали умножаться, сыны божіи увидѣли дочерей человѣческихъ, что онѣ красивы, и брали ихъ себѣ въ жены.

Быт. VI.

And woman wailling for her demon lover.

Coleridge.

Dramatis personae.

Духи: Рафаилъ. Саміазъ. Азазіилъ.

Люди: Ной. Симъ. Іафетъ. Ирадъ. Ана. Аголибама.

Хоръ Духовъ Земли.

Хоръ смертныхъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Гористая, покрытая лѣсомъ мѣстность близъ Арарата. — Полночь.
Ана и Аголибама.

Ана.

Отецъ уснулъ. Вотъ часъ, въ который тѣ,
Что любятъ насъ, нисходятъ сквозь туманы
Скалистыхъ горъ. Какъ сильно бьется сердце!

Аголибама.

Пора, начнемъ.

Ана.

Въ туманѣ скрылись звѣзды.
Я вся дрожу.

Аголибама.

И я – отъ нетерпѣнья.

Ана.

Сестра, онъ мнѣ дороже—о, гораздо
Дороже, чѣмъ... Но что со мной? Злой демонъ
Вошелъ въ меня!

Аголибама.

Любить слугу творца
Ужели зло?

Ана.

Но я, Аголибама,
Творца любила болѣе до встрѣчи
Съ Его слугой. Права ли я,—не знаю,
Но вѣчный страхъ, рождающій такъ много
Тревогъ въ душѣ,—зловѣщій знакъ!

Аголибама.

Тогда
Соедини судьбу свою со смертнымъ,
Работай съ нимъ. Вотъ Іафетъ: онъ любитъ
Тебя давно и сильно. Стань супругой,
Помощницей ему—и размножай
Ему подобныхъ.

Ана.

Я Азазіила
Любила бы не меньше, если бъ онъ
И смертнымъ былъ. Мнѣ только сладко думать,
Что онъ переживетъ меня. При мысли
Что онъ крыломъ безсмертнымъ осѣнитъ
Могильный холмъ надъ бѣднымъ чадомъ праха,
Его любившимъ тою же любовью,
Какой онъ Бога любитъ, даже смерть
Не столь ужасна кажется. И все же
Мнѣ жаль его: скорбь ангела должна
Быть вѣчною,—моя, по крайней мѣрѣ,
Была бы вѣчной, будь я серафимомъ,
А онъ—потомкомъ Евы.

Аголибама.

Онъ другую
Любить не меньше будетъ, чѣмъ теперь
Онъ любитъ Ану.

Ана.

Что жъ, я предпочла бы,
Чтобъ онъ съ другой былъ счастливъ, чѣмъ томился
Тоской о мертвой!

Аголибама.

Если бы и я
Такъ думала о страсти Саміаза,
Я на нее отвѣтила бъ презрѣньемъ.
Но часъ насталъ. Пора.

Ана.

Азазіилъ!
Гдѣ бъ не былъ ты въ чертогѣ вѣчномъ,
Хотя бы сонмы звѣздъ текли
Отъ крылъ твоихъ въ пространствѣ безконечномъ,
Явись! Внемли!
Ты предстоишь въ числѣ Семи, ты славенъ,
Но вспомни ту, кѣмъ ты любимъ,
Кому ты—*все* и съ кѣмъ *ни въ чемъ* не равенъ,
Кто созданъ Всеблагимъ
Послѣдней изъ лишенныхъ Рая!
Ты раздѣляешь вѣчность съ Нимъ,
Среди міровъ безчисленныхъ блуждая,
Краса твоихъ небесныхъ глазъ
Не омрачается слезами
И лишь любовь связуетъ насъ,
Но вотъ, взгляни—никто подъ небесами
Не плакалъ такъ и не любилъ,
Какъ я люблю и плачу предъ тобою!
Тебѣ даровано судьбою
Блаженствовать предъ ликомъ Бога Силъ,
Но отзовись! Внемли, Азазіилъ!

Скажи, что близокъ мнѣ какъ прежде,
Затѣмъ, что жизнь моя—въ одной
Безсмертной сладостной надеждѣ
Любить и быть любимою тобой.
Блаженство наше—сновидѣнья
О кущахъ райскаго селенья,—
Напомни ихъ! Покинь свой горній постъ,
Повѣй на мигъ очарованьемъ
И сонмамъ звѣздъ
Оставь сіять ихъ собственнымъ сіяньемъ.

Аголибама.

О Саміазъ!
Услышь мой зовъ!
Гдѣ бъ ни былъ ты въ предвѣчномъ мірѣ:
Ведешь ли брань среди враговъ
Творца всѣхъ силъ и всѣхъ міровъ,
Благоволишь ли въ райскомъ клирѣ
Возвысить свой хвалебный гласъ,
Иль отвращаешь страшный часъ
Звѣзды, съ пути сорвавшейся въ эѳирѣ,—
О Саміазъ!
Я жду тебя, люблю и призываю.
Я ни предъ кѣмъ чела не преклоняю,
Но если ты къ душѣ моей
Стремишься вѣчною душою,—
Приди, дѣли мою судьбу со мною!
Я—прахъ земли, ты—свѣтъ лучей,
Что ярче солнца Рая свѣтитъ,
Но вѣрь, что на любовь мою
Твоя любовь страстнѣе не отвѣтитъ!
И я въ груди своей таю
Запретный свѣтъ, безсмертное начало;
Могилу намъ Проматерь завѣщала,

Но развѣ смерть насъ разлучитъ?
Есть голосъ, что какъ громъ звучитъ,
Что, побѣждая Время и Страданья,
Мнѣ говоритъ о вѣчности моей!
На радость ли? Сокрыты отъ людей
Творцомъ Его предначертанья.
Я чувствую и знаю лишь одно,
Что Имъ дано безсмертье людямъ,
Что мы и съ Нимъ бороться будемъ,
Разъ такъ судьбою суждено.
Онъ сокрушать лишь формы можетъ,
Онъ духа моего не уничтожитъ,
И мнѣ съ тобой не страшенъ даже адъ:
Ты жизнь дерзнулъ дѣлить со мною—
Меня ли муки устрашатъ?
Нѣтъ! Я въ улыбкѣ муки скрою,
Я ихъ глубоко затаю:
Хотя бы снова грудь мою
Насквозь проникло жало змія,
Иль самъ ты зміемъ льнулъ къ груди,—
Я заключила бы въ такія
Тебя объятья!.. Но приди,
Узнай, какимъ полна томленьемъ
Любовь земная къ небесамъ,
Иль, если ты блаженнѣй тамъ,
Останься глухъ къ моимъ моленьямъ!

Ана.

Сестра! Сестра! Я вижу ихъ, я вижу
Ихъ яркій путь во мракѣ!

Аголибама.

Облака
Бѣгутъ отъ нихъ, какъ на зарѣ отъ солнца.

Ана.

Что, если бъ нашъ отецъ, Аголибама,
Увидѣлъ ихъ!

Аголибама.

Подумалъ бы, что это
Луна встаетъ до срока, на призывы
Волшебника.

Ана.

Сестра, я различаю
Черты Азазіила!

Аголибама.

Поспѣшимъ
Навстрѣчу къ нимъ. Ахъ, если бы на крыльяхъ
Взлетѣть и пасть на сердце Саміаза!

Ана.

Смотри, весь западъ въ пламени какъ будто
Закатъ горитъ! Вотъ гребень Арарата
Зажегся алымъ отблескомъ ихъ крылъ...
Вотъ этотъ отблескъ таетъ, исчезаетъ,
Какъ пѣна моря, поднятая вверхъ
Игрой левіаѳана изъ бездонныхъ
Морскихъ пучинъ...

Аголибама.

Они земли коснулись!
Мой Саміазъ!

Ана.

Азазіилъ! Любимый!

Exeunt.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Ирадъ и Іафетъ.

Ирадъ.

Будь тверже, братъ! Что пользы молчаливо
Бродить въ молчаньи ночи, устремивъ
Глаза, слезами полные, на звѣзды?
Онѣ вѣдь не помогутъ.

Іафетъ.

Но онѣ
Смягчаютъ скорбь,—быть-можетъ, Ана тоже
Глядитъ теперь на звѣзды. Созерцая
Безсмертную и вѣчную красу,
Прекрасное и юное созданье
Еще прекраснѣй кажется. О Ана!

Ирадъ.

Но страсть твоя отвергнута?

Іафетъ.

Увы!

Ирадъ.

И я Аголибамою отвергнутъ.

Іафетъ.

Сочувствую всѣмъ сердцемъ!

Ирадъ.

Но оставимъ
Ея гордыню въ мирѣ. Я и самъ
Въ своей тоскѣ былъ гордостью утѣшенъ.
Есть вѣрный мститель—время.

Іафетъ.

Неужель
Ты въ этой мысли черпаешь отраду?

Ирадъ.

Ни скорби, ни отрады. Я любилъ
И могъ любить еще нѣжнѣй и крѣпче,
Когда бъ взаимность видѣлъ. Но теперь...
Пусть избираетъ высшій жребій, если
Она кажется ей высшимъ!

Іафетъ.

Что за жребій?

Ирадъ.

Есть основанье думать, что она
Другого любитъ.

Іафетъ.

Ана?

Ирадъ.

Не тревожься,
Сестра ея.

Іафетъ.

Кого же?

Ирадъ.

Я не знаю;
Но вижу, что другого.

Іафетъ.

Да, но Ана
Лишь Бога любитъ.

Ирадъ.

Бога, иль не Бога,
Но не тебя.

Іафетъ.

Ты правъ. Но я люблю.

Ирадъ.

И я любилъ.

Іафетъ.

Но разлюбивъ, иль только
Мечтая такъ, ты развѣ сталъ счастливѣй?

Ирадъ.

Да, во сто кратъ.

Іафетъ.

Мнѣ жаль тебя.

Ирадъ.

Меня!

Іафетъ.

Тебя, Ирадъ. Ты счастливъ сталъ, лишившись
Того, чѣмъ я несчастливъ.

Ирадъ.

Ты въ бреду!
За то, чтобъ бредить этимъ, я бы нѣ взялъ
Цѣны всѣхъ стадъ, всѣхъ нашихъ козъ, когда бы
Ихъ обмѣнять на золото и мѣдь,—
На безполезный желтый прахъ, который,
По мнѣнью каинитовъ, такъ же дорогъ,
Какъ все, что намъ приносятъ въ изобильи
Стада и наши пастбища... Скитайся,
Тоскуй, на звѣзды глядя, точно волкъ
Весною въ полнолунье! Мнѣ же нуженъ
Покой и сонъ.

Іафетъ.

И я бъ уснулъ, Ирадъ,
Когда бы могъ.

Ирадъ.

Такъ ты со мной не хочешь
Итти къ шатрамъ?

Іафетъ

Нѣтъ, я пойду къ пещерѣ,
Что называютъ дверью въ сокровенный
Подземный міръ,—отверстіемъ, гдѣ духи
Изъ нѣдръ его выходятъ ночью къ людямъ.

Ирадъ.

Зачѣмъ?

Іафетъ.

Затѣмъ, чтобъ усладить печалью
Печальный духъ: онъ столь же безнадеженъ,
Какъ тѣ мѣста.

Ирадъ.

Они ужасны. Странный
Царитъ тамъ гулъ и странныя видѣнья
Проходятъ въ полумракѣ. Одному
Тебѣ итти опасно.

Іафетъ.

Нѣтъ. Повѣрь мнѣ:
Тому, кто не замыслилъ зла, не страшны
И козни злыхъ.

Ирадъ.

Но злые тѣмъ враждебнѣй,
Чѣмъ болѣе мы чужды имъ. Вернись,
Иль я пойду съ тобою.

Іафетъ.

Нѣтъ, я долженъ
Итти одинъ.

Ирадъ.

Да будетъ миръ съ тобою!

Exit.

Іафетъ, *solus*.

Миръ! Онъ—въ любви, и я искалъ его,
Искалъ съ любовью, можетъ быть, достойной
Его отрадъ. И вотъ нашелъ тоску,
Дни полные томленія, усталость
И ночи, сна лишенныя. Миръ! Миръ!
Спокойствіе отчаянья, безмолвье
Лѣсныхъ трущобъ, смущаемыхъ порою
Лишь стономъ бурь,—вотъ миръ души моей,
Измученной и полной то смятеньемъ,
То мертвымъ сномъ. Земля развращена,
И много было знаменій, гласившихъ,

Что близокъ часъ возмездія. О Ана!
Когда придетъ онъ, грозный, всегубящій,
И распахнетъ хлябь бездны, ты надежный
Нашла бъ пріютъ у любящаго сердца,
Что такъ напрасно бьется и вдвойнѣ
Напраснѣй будетъ биться въ ту минуту,
Когда твое... Смягчи свой гнѣвъ, о Боже,
Хотя надъ ней! Она чиста на грѣшной
Землѣ, какъ звѣзды въ тучѣ, что не можетъ
Ихъ угасить своею тьмой. Ты, Ана,
Ты оттолкнула сердце, что могло
Боготворить красу твою! И все же
Я бъ отдалъ жизнь, чтобъ дать тебѣ спасенье,
Чтобъ сохранить отъ гибели, когда
Левіаѳанъ, владыка безграничныхъ
Морскихъ пучинъ, самъ изумится шири
Своихъ державъ.

Exit.

Входятъ Ной и Симъ.

Ной.

Гдѣ братъ твой Іафетъ?

Симъ.

Братъ говорилъ, что онъ идетъ къ Ираду,
Но я боюсь, что къ Анѣ,—къ тѣмъ шатрамъ,
Вокругъ которыхъ вьется онъ, какъ голубь
Вокругъ гнѣзда, раскиданнаго бурей,
Иль къ той пещерѣ страшной, гдѣ зіяетъ
Входъ въ нѣдра Арарата.

Ной.

Что тамъ дѣлать?
Тамъ пупъ земли, въ грѣхахъ погрязшей; тамъ

Сбирается все зло ея, всѣ духи,
Что нечестивѣй даже каинитовъ.
Онъ и донынѣ любитъ столь же страстно
Дочь обреченныхъ гибели, хотя
Не могъ бы, даже будучи любимымъ,
Стать мужемъ ей. Какъ жалки и несчастны
Сердца людей! Онъ—кровный мой, онъ знаетъ
Все зло сихъ дней, онъ знаетъ близость кары—
И жадно предается низкой страсти!
Идемъ къ нему.

Симъ.

Остерегись отецъ!
Я отыщу одинъ его.

Ной.

Не бойся:
Надъ избраннымъ Іеговой зло безсильно.
Веди меня.

Симъ.

Къ шатрамъ сестеръ?

Ной.

Къ пещерѣ.

Exeunt.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Пещера и скалы Арарата.

Іафетъ.

Ты, дикій міръ, что кажешься мнѣ вѣчнымъ!
Ты, горный кряжъ, въ своей красѣ столь грозный
И столь разнообразный! Ты, пещера,
Что выглядишь бездонной! Здѣсь, среди
Суроваго величья скалъ, деревьевъ,
Вцѣпившихся корнями въ сердце сѣрыхъ
Нагихъ стремнинъ, гдѣ ни единый смертный
Безъ трепета не ступитъ, если только
Достигнетъ ихъ,—здѣсь вѣришь въ вашу вѣчность!
Но минетъ день, быть можетъ, часъ—и воды
Раздавятъ васъ! И бурная волна
Съ разбѣгу хлынетъ въ темный зѣвъ пещеры,
Прослывшей ходомъ въ тартаръ. И дельфины
Войдутъ, играя, въ логовище льва.
А люди... Братья-люди! Я увижу
Великую могилу: кто жъ со мною
Раздѣлитъ скорбь? Увы, никто! И лучше ль
Мой рокъ, чѣмъ вашъ? Что ожидаетъ ихъ,
Мѣста, гдѣ я скитался, полный сладкихъ
Надеждъ и думъ, и дикіе, но столь же
Отрадные пріюты, гдѣ страдалъ я?
Возможно ли? Вотъ этотъ дальній пикъ,
Чье остріе звѣздой горитъ,—возможно ль,

Что онъ исчезнетъ въ безднѣ? Что тумановъ
Волнистые покровы ужъ не будутъ
Спадать съ его угрюмаго чела
Подъ восходящимъ солнцемъ? И огромный
Шаръ солнца не зайдетъ за нимъ, вѣнчая
Его главу короной многоцвѣтной?
И перестанетъ быть она пріютомъ,
Ближайшимъ къ звѣздамъ неба, маякомъ
Для ангеловъ, сходящихъ въ міръ? Ужели
Лишь насъ съ отцомъ, да тварей, имъ избранныхъ,
Спасетъ Творецъ? Онъ *ихъ* щадитъ, а я
Созданія, прекраснѣйшаго въ мірѣ,
Не защищу отъ участи, которой
Избѣгнетъ даже змѣй съ змѣей, чтобъ снова
Вести свой родъ и уязвлять, шипя,
Тотъ нѣкій міръ, что возродится въ тинѣ,
Которая покроетъ прахъ былого
И будетъ тлѣть, покуда топь болотъ
Не сузится подъ солнцемъ и не станетъ
Всемірнымъ мовзолеемъ на могилѣ
Мирьядъ существъ, теперь еще живыхъ.
О, сколько ихъ погибнетъ! Ночь за ночью
И день за днемъ, съ разбитою душой,
Слѣжу твои сосчитанныя ночи
И дни твои, прекрасный, юный міръ,
На гибель обреченный! Я не въ силахъ
Спасти тебя—и даже ту, что правитъ
Моей любовью къ міру; но не въ силахъ
Помыслить и о будущемъ—безъ чувства...

Смолкаетъ. Изъ пещеры вырывается гулъ, взрывы хохота и появляется Духъ.

Іафетъ.

Во имя неба, кто тамъ?

Духъ.

Ха! Ха! Ха!

Іафетъ.

Повелѣваю всѣмъ, что есть святого:
Отвѣтствуй мнѣ.

Духъ.

Ха! Ха!

Іафетъ.

Повелѣваю
Днемъ скораго возмездія! Землею,
Которую задушитъ хлябь, разверзнувъ
Всѣ водные истоки! Твердью, въ море
Готовой превратиться! Всемогущимъ,
Творящимъ и Губящимъ! Тѣнь отъ Тѣни!
Невѣдомый, безликій, но ужасный!
Отвѣтствуй мнѣ: надъ чѣмъ ты здѣсь хохочешь
Такимъ зловѣщимъ хохотомъ?

Духъ.

Надъ чѣмъ
Ты сѣтуешь?

Іафетъ.

Надъ всей землей, надъ всѣми
Рожденными землею.

Духъ.

Ха! Ха! Ха!

Іафетъ.

Какъ злобно врагъ хохочетъ надъ грядущимъ
Днемъ муки человѣческой, надъ міромъ,

Гдѣ солнце завтра встанетъ лишь затѣмъ,
Чтобъ озарить могилы! Какъ спокойно
Весь этотъ міръ и все, что дышетъ въ немъ,
Спитъ наканунѣ гибели!—Туманомъ
Идутъ они, живые лики смерти,
Они, что говорятъ, какъ существа,
Рожденныя на утрѣ мірозданья...

Разноликіе Духи выходятъ изъ пещеры.

Духи.

Ликуйте! Гибнетъ родъ,
Отдавшій Рай за горести познанья!
Близка минута воздаянья
За роковой запретный плодъ!
Не мечъ, не скорбь, не моръ, не гладъ, не годы
Сотрутъ его презрѣнный слѣдъ:
Блеснетъ разсвѣтъ—
И вся земля преобразится въ воды!
На бездыханный міръ сойдутъ
Дыханья бурныхъ урагановъ;
Безсильно крылья ангеловъ падутъ
И не найдутъ
Пріюта надъ просторомъ океановъ.
Послѣдній рифъ,
Гдѣ Скорбь молящимъ взоромъ обводила
Безбрежный кругъ, въ надеждѣ на отливъ,
Пока ее волна не смыла,—
Послѣдній клокъ земли пожретъ
Ненасытимая могила—
И все умретъ!
Иныхъ стихій придетъ чередъ
Царить надъ зыбкою пустыней,
И всѣ цвѣта одинъ замѣнитъ—синій,

Стремнины горъ—морская гладь.
Напрасно будутъ простирать
Сосна и кедръ свои вершины—
Сольются съ небомъ водныя равнины
И мертвецомъ
Простругся въ Безднѣ Довременной.
На зыби пѣнной
Кѣмъ оснуется домъ?

Іафетъ.

Моимъ отцомъ!—
Богъ лишь очиститъ сѣмя жизни.
Сокройся! Сгинь,
Отродье мрака и пустынь!
Не торжествуй на ранней тризнѣ!
Нашъ мститель—Богъ. Въ *Его* рукахъ,
А не въ твоихъ дѣла земныя.
Разсѣйся въ прахъ!
Сокройся въ бездны потайныя,
Пока не хлынетъ въ нихъ волна
И вновь не выкинетъ со дна
Твой злобный родъ на волю урагановъ,
Въ безбрежность бурныхъ океановъ!

Духъ.

Когда ковчегъ
Носить стихіи водныя устанутъ,
Ужель, о сынъ Избранника, настанутъ
Дни радостей и нѣгъ?
Нѣтъ! Новый міръ, міръ, вставшій изъ могилы,
Уже инымъ увидишь ты:
Лишеннымъ прежней красоты,
Лишеннымъ величавости и силы,
Что и теперь еще хранятъ

Черты титановъ, порожденныхъ
Отъ женъ земли и божьихъ чадъ.
Одну лишь скорбь, въ наслѣдіе спасенныхъ,
Оставитъ Смерть: кто жъ превозможетъ стыдъ
Вновь пить и ѣсть, любить, плодиться
И созидать свой жалкій бытъ?
Кто, не слѣпецъ, не тать, рѣшится
Забвенью гибнущихъ предать
И казни міра ожидать
Безъ сокрушенья, безъ отваги
Погибнуть съ нимъ въ пучинахъ влаги,
А не молить щедротъ Творца,
Не строить домъ надъ прахомъ мертвеца?
Я врагъ тебѣ—мы созданы врагами,
Но Духу я не врагъ,
И есть ли хоть одинъ межъ нами,
Кто бъ для небесъ покинулъ мракъ
И насъ забылъ въ обители блаженной?
Живи, презрѣнный!
Плодись! Когда же бездна водъ
Надъ міромъ гибнущимъ застонетъ,
Завидуй всѣмъ, кого она хоронитъ,
И прокляни свой низкій родъ!

Хоръ Духовъ.

Ликуйте! Жертвы человѣка
Завтра высь не омрачатъ.
Мы, не творившіе отъ вѣка
Молитвъ Тому, Кто любитъ кровь и чадъ,
Мы вновь увидимъ, какъ стихія
Повергнетъ въ хаосъ всѣ другія
И, сокрушивъ надменно-жалкій прахъ,
Разсѣетъ щедро остовы нагіе
По высямъ горъ, въ пещерахъ и норахъ,
Гдѣ человѣкъ мечталъ спасенье

Найти отъ страшнаго конца,
Гдѣ даже звѣри, въ страхѣ и смятеньѣ,
Вражду забыли—и овца
Издохла рядомъ съ тигромъ и гіеной!
Опять безмолвный ликъ вселенной
Свой довременный приметъ видъ,
И пусть, насытясь, пощадитъ
Смерть крохи жизни для приплода,
Для новой трапезы своей:
Лишь только илъ отхлынувшихъ морей
Осушитъ зноемъ небосвода,
Изъ гнили вновь расти начнутъ
Недуги, скорби, муки, боли,
Вражда, убійства, старость, трудъ,
Покуда...

Іафетъ, *прерывая.*

Благость Вѣчной Воли
Не изъяснитъ намъ смыслъ добра и зла
И не сберетъ всѣ страны и народы
Подъ сѣнью мощнаго крыла,
И не лишитъ Діавола свободы,
И въ первобытной красотѣ
Не возстановитъ райскаго селенья,
Гдѣ человѣкъ отринетъ искушенья,
Гдѣ даже демоны, и тѣ
Благимъ трудомъ свои грѣхи искупятъ.

Духи.

Когда же дни, столь дивные, наступятъ?

Іафетъ.

Когда придетъ, сперва въ цѣпяхъ,
Потомъ во славѣ, Предреченный.

Духъ.

А до того—томись въ земныхъ цѣпяхъ!
Съ самимъ собою, съ небомъ и съ геенной
Веди войну—и убивай, пока
Кровавый паръ съ полей сраженья
Не окровавитъ даже облака!
Придутъ иныя поколѣнья,
Иные дни, иной и складъ, и бытъ,
Измѣнятъ видъ
Страданья, зло и преступленья;
Но міръ грядущій снова сокрушитъ
Все та же страсть,—какъ славный родъ титановъ
Заутра бездна океановъ.

Хоръ Духовъ.

Смѣлѣй, смѣлѣй!
Возвысимъ, братья, гимны ликованья!
Чу! Голосъ водъ—угрюмый гулъ зыбей!
Они идутъ, растутъ среди молчанья.
Раскрылись крылья острыя вѣтровъ;
Набухли влагой нѣдра облаковъ;
Ключи великой бездны бьютъ во мракѣ,
И хлябь готова хлынуть; но слѣпцамъ
Дано ль понять и видѣть знаки,
Что зримы намъ?
Они не внемлютъ грозные глаголы
Громовъ, идущихъ ратью въ небосклонъ;
Они не ловятъ быстрый и веселый
Блескъ пламенѣющихъ знаменъ.
Стенай, Земля! Плачь, гибнущій столь рано
Столь юный міръ! Дрожи, о, Араратъ!
Твои утесы волны сокрушатъ
И ракушки, песчинки океана
Разсѣютъ тамъ, гдѣ былъ пріютъ орлятъ,—

Гдѣ дикимъ воплемъ небо огласятъ
Орлы, кружась въ пустынныхъ водныхъ безднахъ,
На зависть гибнущихъ людей,
Взывающихъ о крыльяхъ безполезныхъ!
Смѣлѣй, смѣлѣй!
Для новыхъ бѣдствій и скорьбей
Смерть на землѣ оставитъ только сѣмя.
Братоубійцъ исчезнетъ племя,
И очи ихъ прекрасныхъ дочерей,
Влачащихъ косы длинныя по волѣ
Тяжелой пѣнистой волны,
Съ укоромъ будутъ въ высь устремлены.
Но не избѣгнуть міру страшной доли!
И скоро гробовая тишина
Поглотитъ всѣ укоры и проклятья.
Ликуйте, братья!
Мы нашу чашу выпили до дна:
Чередъ за тѣмъ, кто былъ смиреннымъ
Врагомъ Небесъ и недругомъ Геенны.

Exeunt.

Іафетъ, *solus.*

Господь изрекъ свой грозный судъ землѣ;
Судьбу ея ковчегъ отца вѣщаетъ,
И демоны вопятъ изъ горныхъ безднъ;
Энохъ давно въ своемъ безмолвномъ свиткѣ
Предначерталъ ей кары—и глаголы
Безмолвныхъ строкъ звучнѣй, чѣмъ громъ небесъ:
Но человѣкъ не внялъ и не внимаетъ,—
Онъ, какъ слѣпой, идетъ навстрѣчу каръ,
И близость ихъ смущаетъ землю меньше,
Чѣмъ вопль ея Всевышняго смутитъ
Иль океанъ, Всевышнему послушный
И безпощадный къ воплямъ о спасеньи.

Видъ облаковъ пока еще обыченъ—
Послѣдній день не распростеръ еще
По небесамъ знаменъ своихъ, и солнце
Взойдетъ надъ нимъ въ такомъ же яркомъ блескѣ,
Въ какомъ взошло въ четвертый день, когда
Господь сказалъ: „Зажгись!“—и загорѣлось
Оно огнемъ, еще не озарившимъ
Отца еще не созданныхъ людей,
Но пробудившимъ—ранѣе хвалебныхъ
Молитвъ его—хвалы ужъ сотворенныхъ
И сладкогласныхъ болѣе, чѣмъ онъ,
Небесныхъ птицъ, какъ ангелы парящихъ
И, какъ они, задолго до Адама
И чадъ его, привѣтствующихъ свѣтъ.
Часъ гимновъ ихъ ужъ близокъ—расцвѣтаетъ
Востокъ зарей—раздастся гимнъ—и утро
Блеснетъ изъ тьмы и принесетъ имъ—гибель...
Да, утро, вслѣдъ немногихъ свѣтлыхъ утръ,
Опять блеснетъ, но что освѣтитъ?—Хаосъ,
Царившій до Созданія и снова
Пожрать готовый Время: ибо что
Безъ жизни часъ? Что вѣчность безъ Іеговы:
Онъ создалъ часъ и вѣчность; безъ Него
Она—ничто, какъ времена безъ жизни,
Для жизни сотворенныя и вмѣстѣ
Съ людскою жизнью гибнущія въ безднѣ,
Отъ вѣка неимѣющей начала
И ждущей истребить и человѣка,
И міръ его.—Но кто это? Созданья
Земли и вмѣстѣ неба? Нѣтъ, лишь неба.
Я лицъ не различаю—вижу только
Сквозь сумракъ очертанья ихъ, и какъ
Они красивы, двигаясь по сѣрымъ
Обрывамъ горъ сквозь утренній туманъ!

Они идутъ—и, послѣ мрачныхъ духовъ,
Столь дико завывшихъ свой злорадный,
Свой адскій гимнъ, отрадны мнѣ, какъ рай,
Они идутъ, быть можетъ, съ вѣстью міру,
Что казнь его отсрочена, что Ягве
Мольбамъ, моимъ, столь частымъ, внялъ... Но, Боже!
Я вижу Ану! Ану и...

Входятъ Саміазъ, Азазіилъ, Ана и Аголибама.

Ана.

Сынъ Ноя!

Саміазъ.

Какъ! Адамитъ?

Азазіилъ.

Зачѣмъ ты здѣсь, сынъ праха,
Когда твой родъ весь сномъ объятъ?

Іафетъ.

Безсмертный!
Зачѣмъ ты здѣсь, когда твой долгъ—быть въ небѣ?

Азазіилъ.

Ты иль не зналъ, иль позабылъ, что въ этотъ
Великій долгъ превходитъ и другой—
Быть стражемъ смертныхъ?

Іафетъ.

Смертныхъ ждетъ погибель,
Благіе ихъ покинули. Нѣтъ, что̀ я!
Тьмы хаоса, идущаго на міръ,
Бѣжали даже злые. Ана! Ана!
Такъ долго, такъ напрасно, но донынѣ
Любимая! Зачѣмъ ты съ этимъ духомъ,
Когда ужъ ни единый добрый духъ
Не сходитъ къ намъ на землю?

Ана.

Я не въ силахъ
Отвѣта дать. Но, Іафетъ! Ты долженъ
Простить меня...

Іафетъ.

Пусть небеса, что скоро
Къ мольбамъ о милосердьи станутъ глухи,
Простятъ тебя! Ты вся въ сѣтяхъ соблазна.

Аголибама.

Уйди отъ насъ, заносчивый сынъ Ноя!
Ты намъ чужой.

Іафетъ.

Настанетъ часъ, быть можетъ,
Когда ты назовешь меня иначе.
А ей я другъ.

Саміазъ.

Сынъ праведнаго сердцемъ
И Господу угоднаго! Я слышу
Въ твоихъ словахъ печаль и гнѣвъ: ужель
Мы нанесли тебѣ обиду? И какую?

Іафетъ.

Какую? О, великую! Однако,
Ты правъ: я не достоинъ быть любимымъ.
Прости же, Ана! Часто это слово
Я говорилъ,—теперь въ послѣдній разъ
Сказалъ его. Безсмертный!—Я не знаю,
Кто ты, иль кѣмъ ты будешь—развѣ въ силахъ
Спасти ты эту—нѣтъ, не эту—*этихъ*
Прекрасныхъ дщерей Каина?

Азазіилъ.

Спасти?
Но отъ чего?

Іафетъ.

Какъ! Ты еще не знаешь?
О, Ангелы! Участники людскихъ
Грѣховъ и золъ! Вамъ предстоитъ, быть можетъ,
Участвовать и въ карѣ, иль хотя бы
Въ скорбяхъ моихъ.

Саміазъ.

Въ твоихъ скорбяхъ! Впервые
Внимаю столь загадочнымъ словамъ
Отъ племени Адама.

Іафетъ

Всемогущій
Не разъяснилъ ихъ развѣ? Но тогда
И васъ ждетъ смерть.

Аголибама.

Пусть будетъ такъ. Но, если
Они насъ любятъ столь же, сколь любимы,
Земной удѣлъ—стать смертными—не больше
Ихъ устрашитъ, чѣмъ вѣчность адскихъ мукъ,
Къ которымъ я готова съ Саміазомъ.

Ана.

Сестра, не говори такъ!

Азазіилъ.

Ты боишься?

Ана.

Да, за тебя. Я съ радостью отдамъ
Остатокъ краткой жизни, лишь бы только
Тебя на часъ избавить отъ мученій.

Іафетъ.

Такъ это для него, для серафима,
Оставленъ я! Что жъ, лишь бы для него
Господь оставленъ не былъ! Ибо въ этихъ
Союзахъ смертныхъ съ душами безсмертныхъ
Не можетъ быть ни святости, ни счастья.
Мы посланы на землю, чтобъ трудиться
И умирать. Они сотворены,
Чтобъ предстоять Всевышнему. И если
Спасти тебя онъ можетъ, то ужъ близокъ
Тотъ страшный часъ, въ которой только небо
Спасаетъ тебя.

Ана.

Ахъ! Онъ пророчитъ смерть!

Саміазъ.

Смерть ангеламъ! И тѣмъ, что съ ними! Если бъ
Онъ не былъ такъ печаленъ, я бъ отвѣтилъ
Ему улыбкой.

Іафетъ.

Я не за себя
Печалюсь иль пугаюсь: по заслугамъ
Родителя, творившаго лишь благо,
Господь судилъ спасти и чадъ его.
Но если бъ заслужилъ онъ болѣе! Иль если бъ,
Отдавши жизнь за жизнь ея—единой,
Способной счастье дать мнѣ, и послѣдней

Изъ всѣхъ потомковъ Каина,—я могъ бы
Ввести ее въ святой ковчегъ—къ послѣднимъ
Потомкамъ Сиѳа!

Аголибама.

Насъ ввести въ ковчегъ?
Насъ, съ нашей кровью пламенной, съ душою
Зачатаго на утрѣ дней въ Эдемѣ
И перваго рожденнаго? Смѣшать
Насъ съ родомъ Сиѳа, отпрыска послѣдней
И жалкой страсти дряхлаго Адама?
Нѣтъ, *этого не будетъ,—даже ради*
Спасенья міра, если бы ему
И угрожала гибель! Мы вамъ чужды—
И чуждыми останемся.

Іафетъ.

Съ тобой ли
Я говорилъ, Аголибама? Слишкомъ
Ты много унаслѣдовала крови
Того, кѣмъ ты гордишься, кто былъ первымъ
Пролившимъ кровь—родную кровь. Но, Ана!
Ужель ты не близка мнѣ? Съ этимъ словомъ
Я не могу разстаться, какъ съ мечтою,
Что Авель дочь оставилъ, что въ тебѣ
Живетъ, быть можетъ, чистая, святая
Душа его потомства: столь не схожа
Ни въ чемъ, за исключеньемъ красоты,
Ты ни съ одной изъ этихъ жесткихъ сердцемъ
И гордыхъ каинитокъ!

Аголибама.

Ты хотѣлъ бы
Ее похожей видѣть и душою,
И сердцемъ на врага ея отца?
Когда бъ и я такъ думала, когда бы

Я увидала въ ней хоть что-нибудь
Отъ Авеля... Уйди отъ насъ, сынъ Ноя!
Не распаляй сердецъ враждой!

Іафетъ.

Такъ сдѣлалъ
Родитель твой, дочь Каина.

Аголибама.

Не Сиѳа
Онъ предалъ смерти: пусть же между ними
И Господомъ останутся другія
Дѣла его.

Іафетъ.

Да, это правда: кару
Онъ претерпѣлъ. И я бы дѣлъ его
Не поминалъ, когда бы ты смущалась,
А не гордилась ими.

Аголибама.

Онъ отецъ
Отцовъ моихъ, онъ первородный, мощный,
Отважный духомъ, стойкій—я не знаю
Ему подобныхъ: что же мнѣ смущаться
Того, что онъ мнѣ предокъ? Погляди
На красоту, на мужество, на силу
Рожденныхъ имъ! На долготу ихъ дней!

Іафетъ.

Ихъ дни уже исчислены.

Аголибама.

Остались
Еще часы. И я часы наполню
Хвалами роду нашему.

Іафетъ.

Родитель
Училъ меня творить хвалы лишь Богу.
Но, Ана, ты—

Ана.

Что бъ ни судилъ Іегова,
Богъ Каина и Сиѳа, я должна
Покорной быть—и покорюсь съ терпѣньемъ.
Но если бъ, въ часъ Его великой мести,
Въ часъ гибели всѣхъ смертныхъ, я дерзнула
Къ нему съ мольбой прибѣгнуть, не спасенья
Себѣ одной изъ всѣхъ мнѣ близкихъ, кровныхъ
Молила бъ я... Сестра, сестра! Что́ міръ,
Что́ всѣ міры и сладость всѣхъ грядущихъ
Часовъ и дней безъ сладости былого—
Любви твоей, любви отца и всѣхъ
Со мной вошедшихъ въ жизнь, подобно звѣздамъ,
И озарившимъ кроткимъ свѣтомъ тьму
Моихъ скорбей? Аголибама! Если
Есть въ небѣ милосердье, домогайся,
Найди его! Мнѣ смерть страшна—мнѣ страшно,
Что ты умрешь.

Аголибама.

Какъ! И мою сестру
Смутилъ безумецъ этотъ, воздвигавшій
Съ отцомъ своимъ спасительный ковчегъ—
Страшилище для всѣхъ живущихъ! Развѣ
Мы не любимы ангелами? Или
Должны молить о жизни сына Ноя?
О, нѣтъ, скорѣй... Но что́ я! Это все
Лишь плодъ его страданій, грезъ и бдѣній—
Его любви отвергнутой. Кто въ силахъ

Поколебать громады горъ? Кто можетъ
Пересоздать видъ облаковъ и водъ,
Остановить ихъ вѣчный путь?

Іафетъ.

Создавшій
Изъ ничего Своимъ единымъ словомъ
Все сущее.

Аголибама.

Кто слышалъ это слово?

Іафетъ.

Вселенная, имъ вызванная къ жизни.
Но ты глядишь насмѣшливо. Такъ пусть
Отвѣтятъ серафимы: если скажутъ,
Что я не правъ, они—не серафимы.

Саміазъ.

Чти Бога и Творца, Аголибама!

Аголибама.

Я Бога чту со дня рожденья,—Бога
Любви, а не печали.

Іафетъ.

Но любовь
И есть печаль. Самъ сотворившій землю
Въ любви Своей былъ скоро опечаленъ.

Аголибама.

Такъ сказано.

Іафетъ.

И праведно.

Входятъ Ной и Симъ.

Ной.

Іафетъ!
Тебя ли вижу съ чадами порока?
Иль раздѣлить грозящую имъ участь
Ты не считаешь страшнымъ?

Іафетъ.

Я не вижу,
Отецъ, грѣха—искать спасенья людямъ,
Но эти и не грѣшны: серафимы
Въ общеньи съ ними...

Ной.

Тѣ, что покидаютъ
Тронъ Господа для радостей земли?
Сыны небесъ, что ищутъ женъ изъ рода
Братоубійцы?

Азазіилъ.

Праотецъ, ты правъ.

Ной.

О, горе, горе! Горе беззаконнымъ
Союзамъ вашимъ! Развѣ не поставилъ
Богъ грани межъ землей и небомъ?

Саміазъ.

Развѣ
Не создалъ Богъ людей по своему
Подобію и образу? Не любитъ
Того, что создалъ? Мы лишь соревнуемъ
Его любви.

Ной.

Я только человѣкъ,
Не призванъ быть судьей людей,—тѣмъ паче
Господнихъ слугъ. Но разъ Господь изволитъ

Въ общеньи быть со мной и открывать мнѣ
Суды Свои, я говорю: не можетъ
Быть благомъ нисхожденье серафимовъ
Съ высотъ жилищъ предвѣчныхъ въ міръ и бренный,
И обреченный гибели.

Азазіилъ.

Хотя бы
И для его спасенія?

Ной.

Не вамъ,
Во всемъ величьи вашемъ, быть защитой
Того, что предалъ карѣ Сотворившій
Величье ваше. Если бъ повелѣлъ
Онъ вамъ спасать, то вы должны бы были
Спасать не тѣхъ, которыя плѣняютъ
Васъ красотой, а всѣхъ того достойныхъ.
Онѣ прекрасны,—правда, но онѣ
Обречены.

Іафетъ.

Отецъ, не говори такъ!

Ной.

Сынъ Іафетъ! Забудь о нихъ: подходитъ
Ихъ страшный часъ. Тебѣ же суждено
Быть сѣменемъ иной земли—и лучшей.

Іафетъ.

Дай умереть мнѣ съ этой!

Ной.

Ты бы долженъ
За этотъ вопль погибнуть. Но Всевышній
Щадитъ тебя.

Саміазъ.

Зачѣмъ его, тебя?
Но лишь не ту, чья жизнь ему дороже
Твоей и даже собственной?

Ной.

Спроси
Того, Кто создалъ болѣе великимъ
Тебя, чѣмъ насъ, но столь же подчиненнымъ
Его велѣньямъ. Се, Архангелъ!

Входитъ Архангелъ Рафаилъ.

Рафаилъ.

Духи!
Зачѣмъ вы здѣсь? Служители Іеговы!
Зачѣмъ вы на землѣ, когда она
Должна быть чуждой ангеламъ? Вернитесь
Въ небесный клиръ! Вернитесь пѣть хвалы
И пламенѣть восторгомъ поклоненья
Въ число Семи избранныхъ!

Саміазъ.

Рафаилъ!
Славнѣйшій и прекраснѣйшій межъ нами!
Давно ль и кѣмъ лишенъ сей юный міръ
Общенія съ безсмертными? Міръ, въ коемъ
Самъ Богъ касаться праха не гнушался?
Онъ созданъ имъ, онъ Имъ любимъ и много
Велѣній божьихъ внялъ отъ серафимовъ,
Творца въ Его твореньи обожавшихъ,
Стремившихся юнѣйшій изъ міровъ

Хранить достойнымъ Господа. Зачѣмъ же
Твое чело такъ строго и угрозой
Звучатъ слова?

Рафаилъ

Когда бъ Азазіилъ
И Саміазъ небесъ не покидали,
Они бы зрѣли огненные знаки,
Которыми Всевышній возвѣстилъ
Свой Судъ землѣ. Но тамъ, гдѣ грѣхъ, гордыня,
Тамъ знанья нѣтъ. Изъ ангеловъ остались
Съ людьми лишь вы, плѣненные вамъ чуждой,
Унизившей васъ страстью. Но Всевышній
Прощаетъ васъ и возвращаетъ къ лику
Безгрѣшныхъ небожителей. Скорѣй
Летите къ нимъ! Спѣшите! Иль останьтесь—
И потеряйте вѣчность...

Саміазъ.

Жребій брошенъ.

Азазіилъ.

Аминь.

Рафаилъ.

И ты! Простите же! Отнынѣ
Для Господа вы чужды и лишились
Небесныхъ силъ.

Іафетъ.

Увы! Гдѣ имъ теперь
Найти пріютъ?—Чу! Возрастаетъ тяжкій
Гулъ въ нѣдрахъ Арарата. Воздухъ замеръ,

Но цвѣтъ деревьевъ сыплется и дрожью
Охваченъ каждый листикъ: грудь земли
Какъ бы подъ гнетомъ стонетъ.

Ной.

Чу! Зловѣщій
Крикъ водныхъ птицъ. Онѣ затмили небо
И поднялись до тѣхъ вершинъ, куда
Ихъ бѣлое крыло еще ни разу
Донынѣ не взлетало. Арарат
Послѣднимъ скоро будетъ имъ пріютомъ,
А тамъ и онъ исчезнетъ.

Іафетъ.

Солнце! Солнце!
Оно встаетъ и меркнетъ. Черный кругъ,
Дискъ солнца охватившій, возвѣщаетъ
Конецъ земли. И ужъ опять поблекъ
Цвѣтъ облаковъ, горящихъ только снизу—
Тамъ, гдѣ бывало яркій день рождался.

Ной.

Вотъ! Молнія! Предвѣстница удара!
Гроза близка. Спѣшимъ, мой сынъ! Оставимъ
Стихіямъ ихъ добычу! И скорѣе,
Скорѣй туда, гдѣ нашъ несокрушимый
Святой ковчегъ!

Іафетъ.

Отецъ! Не покидай
На жертву волнъ хоть Ану.

Ной.

Но не всѣхъ ли
Богъ предалъ имъ! Идемъ!

Іафетъ.

Нѣтъ, я не въ силахъ.

Ной.

Тогда дѣли ихъ участь! Какъ дерзнулъ,
На знаменья небесныя взирая,
Ты мыслить о спасеньи осужденныхъ
На казнь самой вселенной и Творцомъ
Въ ихъ правосудномъ гнѣвѣ?

Іафетъ.

Правосудье
Ты сочетаешь съ гнѣвомъ?

Ной.

Богохульникъ!
Ты ропщешь—и когда же!

Рафаилъ.

Патріархъ,
Не хмурь чела. Онъ сынъ твой. Онъ не знаетъ,
Что говоритъ. Когда угаснутъ страсти,
Онъ будетъ благъ, какъ ты: онъ не погибъ,
Какъ эти чада Каина и неба.

Аголибама.

Гроза близка. На все, что дышитъ жизнью,
Встаютъ земля и небо. Не равна
Борьба межъ нашей силой и Предвѣчной!

Саміазъ.

Но съ вами—мы. Мы унесемъ васъ съ Аной
Къ инымъ и мирнымъ звѣздамъ. Если тамъ
Ты позабудешь землю, я забуду
Утраченное небо.

Ана.

О, родные
Шатры, долины, горы! Что замѣнитъ
Мнѣ васъ въ тоскѣ?

Азазіилъ.

Моя любовь. Не бойся:
Мы лишены небесъ, но есть міры,
Гдѣ наша власть незыблима.

Рафаилъ.

Мятежникъ!
Твои слова преступны, но отнынѣ
Безсиленъ ты. Мечъ пламенный, изгнавшій
Изъ рая первородныхъ, не угасъ
Въ моей рукѣ.

Азазіилъ.

Грози имъ праху, плоти.
Безсмертнымъ мечъ не страшенъ.

Рафаилъ.

Но настанетъ
Часъ испытанья,—часъ, когда тщету
Борьбы съ Творцомъ постигнешь ты. Лишь вѣрой
И кротостью предъ Нимъ ты былъ могучъ.

Бѣгутъ Смертные, ищущіе спасенья.

Хоръ Смертныхъ.

Земля смѣшалась съ небомъ... Боже! Боже!
Спаси Твоя рабы!
Чу! Вой звѣрей сливается въ мольбы!
Драконъ, въ горахъ покинувъ ложе,
Мятется въ страхѣ межъ людей.

И смертнымъ воплемъ воздухъ рѣжутъ птицы.
Нѣтъ, Ягве, нѣтъ! Не простирай десницы
На чадъ своихъ! Спаси и пожалѣй
Не насъ, не насъ, а все свое творенье!

Рафаилъ.

Прости, земля! Пріемлю во смиренье
Дѣла Творца. Оно есть долгъ раба.
Exit.

Іафетъ.

Однѣ изъ тучъ летятъ, какъ ястреба,
Другія, недвижимыя, какъ скалы,
Лишь знака ждутъ пролить свои фіалы.
На вѣки скрылись солнце, звѣзды, твердь —
И тусклый жуткій блескъ по небосводу
Распростираетъ Смерть.

Азазіилъ.

Въ путь, Ана, въ путь! На волю и свободу!
Покинемъ міръ, что, волею Творца,
Повергнутъ въ бездну хаоса стихіи.
Подъ грохотъ ихъ, я, какъ орелъ птенца,
Тебя крыломъ укрою—и въ другіе
Введу міры: тамъ тьмы и смерти нѣтъ.

Унося съ собой Ану и Аголибаму, Азазіилъ и Саміазъ исчезаютъ въ небѣ.

Іафетъ.

Всему конецъ! Я потерялъ ихъ слѣдъ,
Подъ этотъ вой, подобный урагану.
И суждено ль имъ жить, иль умереть,
Ужъ никогда вовѣки Ану
Моимъ глазамъ не лицезрѣть!

Хоръ Смертныхъ.

Будь милосердъ, сынъ Ноя къ братьямъ!
Какъ? Неужель ты всѣхъ покинешь, всѣхъ?
И внемля стонамъ, воплямъ и проклятьямъ,
Одинъ войдешь въ спасительный ковчегъ?

Мать, подавая Іафету ребенка.

Возьми, снеси младенца къ Ною!
Я въ мукахъ жизнь ему дала,
Но мнѣ была
Отрадой мысль—питать его собою.
Чѣмъ грѣшенъ онъ?
Зачѣмъ рожденъ?
Что въ молокѣ моемъ такого,
Что на того, кто имъ вскормленъ,
Идетъ враждой и яростью Іегова,
Что прахъ и твердь
Должна была воздвигнуть Смерть
На это кроткое созданье
И бездной водъ залить его дыханье?
Спаси, Іафетъ, дитя мое,
Иль проклятъ будь со всѣмъ своимъ народомъ!

. . . . . .

Воды прибываютъ, люди бѣгутъ въ разныхъ направленіяхъ; многихъ настигаютъ волны; Хоръ Смертныхъ, ища спасенія, разсѣивается по скаламъ. Іафетъ стоитъ на скалѣ. Вдали виденъ плывущій къ нему ковчегъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Разсказы:

Бѣденъ бѣсъ 5
Старая пѣсня. 17
Сонъ Обломова-внука 39
Іудея 49
Пустыня дьявола 86
* Мертвое море. 101
Храмъ Солнца 108

Стихотворенія 1907—10 г.

Цикады. 127
* Прометей въ пещерѣ 129
* Звѣздопоклонники 130
Богъ 131
Въ Архипелагѣ. 132
Горный лѣсъ 133
Собака 134
Могила въ скалѣ 135
Люциферъ 136
Въ дѣтствѣ. 137
Солнечные часы 138
Островъ. 139
До солнца 140
Полдень 141
Богъ полдня 142
Послѣднія слезы 143

* Звѣздочкой обозначены добавленія.

Гальціона. 144
Рыбачка 145
Морской вѣтеръ 146
Долина Іосафата 147
Караванъ. 148
Іерихонъ 149
Бедуинъ 150
Пилигримъ 151
* Вечеръ 152
Гробница Рахили 153
Источникъ звѣзды 154
Слѣдъ 156
За Дамаскомъ 158
Споръ 159
Смерть 160
Мертвая зыбь. 161
Въ проливѣ. 162
Колибри 163
Вино 164
Старинные стихи 165
Вальсъ 166
Дача 167
Прощаніе 168
Матери 169
Няня 107
Пустошь 173
Вдовецъ 175
Христя 176
На току. 177
Безъ имени. 178
Въ Москвѣ 179
Будни 180
Сиротка 181
Въ рощѣ 182
Туманъ. 183
Кружево 184
Сторожъ 185
Берегъ 186
Колдунъ 187
Сѣнокосъ. 189
* Лимонное зерно. 191

* Мужичокъ 192
* Дворецкій 193
* Криница 194
* Пѣсня 195
* Пѣсня 197
* О Петрѣ 198
* Зимняя вилла 201
* Памяти. 202
* Сполохи 203
* При дорогѣ 205
* Въ первый разъ 206
* Березка. 207
* Байронъ. Небо и земля. Мистерія. 211

ЛОНГФЕЛЛО. Пѣснь о Гайаватѣ.

Переводъ *И. А. Бунина*. Рисунки американскаго художника Ремингтона. Портретъ Лонгфелло: около **400** иллюстрацій въ текстѣ; **22** большихъ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ. Цѣна **2** рубля.

Дешевое изданіе. Тѣ же иллюстраціи, но бумага и форматъ другіе. Цѣна **80** коп.

Отзывы печати о переводѣ.

„...Во всемірной литературѣ немного эпическихъ произведеній, которыя по художественной красотѣ превосходили бы „Пѣснь о Гайаватѣ“... Переводъ исполненъ прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ“. (*Русск. Вѣдомости*).

„Лонгфелло принадлежитъ къ благороднѣйшимъ поэтамъ нашаго вѣка... Лучшая поэма его — „Пѣснь о Гайаватѣ“. Переводчикъ вполнѣ успѣшно справился со своей нелегкой задачей, сумѣвъ сохранить необыкновенную простоту подлинника, не ослабивъ его могучей образности“... (*Міръ Божій*).

„Пѣснь о Гайаватѣ“—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній знаменитаго американскаго поэта... Переводъ г. Бунина сдѣланъ съ величайшей тщательностью, стихъ его легокъ и музыкаленъ, образы поэтичны, тонъ выдержанъ прекрасно и какъ нельзя лучше передаетъ то величественное впечатлѣніе, какое и должна производить „Пѣснь о Гайаватѣ“... (*Сынъ Отечества*).

„Знаменитая поэма Лонгфелло дождалась, наконецъ, дѣйствительно талантливаго, а въ большей своей части и прямо образцоваго перевода“. (*Жизнь*, 1900 г.).

„Пѣснь о Гайаватѣ“ принадлежитъ къ крупнѣйшимъ жемчужинамъ міровой поэзіи... Переводъ И. А. Бунина положительно превосходенъ: онъ музыкаленъ, поэтиченъ, передаетъ вполнѣ духъ подлинника и очень близокъ къ нему“... (*Діонео*).

„Пѣснь о Гайаватѣ“—одна изъ тѣхъ рѣдкихъ книгъ, которыя съ первыхъ же страницъ захватываютъ высокой и свѣтлой поэзіей. Г. Бунинъ далъ больше, чѣмъ хорошій переводъ: онъ далъ произведеніе, отличающееся всею прелестью оригинала“... (*Вѣстникъ Воспитанія*).

Перев. награжд. Пушкинской преміей Академіи Наукъ.

Уч. Комитетомъ М. Н. П. рекомендованъ въ уч. библ. средн. уч. заведеній и включенъ въ каталогъ безплатныхъ библіотекъ и читаленъ.

Изданія т-ва „ЗНАНІЕ“.

Ив. БУНИНЪ. Томъ II. Стихотворенія 1889—1902 г.

Содержаніе: Книга „Листопадъ“ (*награждена Пушкинской премiей Академiи Наукъ*).—Кн. „Нов. Стихотвор.“—Стихотвор. 1902 г.

Изданіе второе. Цѣна 1 руб.

Ив. БУНИНЪ. Томъ IV.

Содержаніе: Стихотв. 1907 г.—Годива, поэма Теннисона.—Изъ „Золотой Легенды“ Лонгфелло.—Каинъ, мистерія Байрона. (*Перев. награжд. Пушкинской премiей Академiи Наукъ*).

Цѣна 1 руб.

Ив. БУНИНЪ. Томъ V. Разсказы.

Содержаніе: Чеховъ.—Сны.—Золотое дно.—У истока дней.—Астма.—Счастье.—Цифры.—Тѣнь птицы.—Зодіакальный свѣтъ.

Цѣна 1 руб.

„Московское Книгоиздательство“
Москва, Мясницкая, д. 34, кв. 10. Телефонъ 18-48.

„ЗЕМЛЯ“.

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

Леонидъ Андреевъ.—Проклятіе звѣря, разсказъ.
Шоломъ Ашъ.—Грѣхъ, драматическая картина.
Иванъ Бунинъ.—Тѣнь птицы, разсказъ.
Иванъ Бунинъ.—Изъ „Золотой Легенды“, **Генри Лонгфелло.**
Борисъ Зайцевъ.—Крестовый походъ дѣтей, разсказы **М. Швоба.**
А. Купринъ.—Суламиѳь, повѣсть.
А. Серафимовичъ.—Дочь, разсказъ.
А. Ѳедоровъ.—Петля, разсказъ.
Стихотворенія:—**А. Блока, С. Городецкаго, Н. А. Морозова, Е. Тарасова, Г. Чулкова, А. Ѳедорова.**

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ.

М. Арцыбашевъ.—Рабочій Шевыревъ, повѣсть.
Иванъ Бунинъ.—„Небо и Земля“, мистерія **Байрона.**
Борисъ Зайцевъ.—Спокойствіе, разсказъ.
Н. Крашенинниковъ.—Меблированныя комнаты, разсказъ.
Н. Олигеръ.—Бѣлые лепестки, разсказъ.
А. Ѳедоровъ.—Король Мустанговъ, разсказъ.

СБОРНИКЪ ТРЕТІЙ.

В. Башкинъ.—Липы шумѣли, разсказъ.
А. Купринъ.—Яма, повѣсть.
Н. Олигеръ.—Осенняя пѣсня, повѣсть.
Ѳедоръ Сологубъ.—Старый домъ, разсказъ.

СБОРНИКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.
(Освобожденъ отъ ареста).

М. Арцыбашевъ.—У послѣдней черты, ром., ч. I.
Шоломъ Ашъ.—Земля, разсказъ.
Евгеній Чириковъ.—Домъ Кочергиныхъ, пьеса.

СБОРНИКЪ ПЯТЫЙ.

(Наложенъ арестъ Моск. Комит. по дѣл. печати).

В. Винниченко.—Честность съ собой, повѣсть.
Евгеній Чириковъ.—Лѣсныя тайны, пьеса.

СБОРНИКЪ ШЕСТОЙ.

С. Юшкевичъ.—„Miserere", лирическая драма.
И. Сацъ.—Музыка къ драмѣ „Miserere".
А. Кипенъ.—Мга, разсказъ.
Н. Крашенинниковъ.—Жизнь Игнатія Ильича, разсказъ.
А. Купринъ.—Гранатовый браслетъ, повѣсть.

СБОРНИКЪ СЕДЬМОЙ.

М. Арцыбашевъ.—У послѣдней черты, романъ.
Д. Айзманъ.—Послѣ бури, разсказъ.
Евгеній Чириковъ.—Шакалы.

СБОРНИКЪ ВОСЬМОЙ.

М. Арцыбашевъ.—У послѣдней черты (окончаніе), романъ.
Ѳедоръ Сологубъ.—Звѣриный бытъ, разсказъ.
Евгеній Чириковъ.—Утро жизни, разсказъ.
Саша Черный.—Первое знакомство, разсказъ.

СБОРНИКЪ ДЕВЯТЫЙ.

(ПЕЧАТАЕТСЯ).

М. Арцыбашевъ.—Сильнѣе смерти, разсказъ.
В. Винниченко.—На вѣсахъ жизни, романъ.

Обложки работы **И. Я. Билибина.**

Цѣна каждаго сборника **1** руб. **50** коп.

ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ СБОРНИКЪ ДЕСЯТЫЙ.

А. Купринъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. Молохъ. Ночная смѣна. Болото. Походъ. Одиночество. Ночлегъ. Лѣсная глушь. Дознаніе. Въ циркѣ. На покоѣ.

Томъ II. Поединокъ.

Томъ III. Трусъ. Мирное житіе. Корь. Жидовка. Конокрады. Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ. Обида. Рѣка жизни. Съ улицы. Allez! Вечерній гость. Собачье счастье. Убійца. Брилліанты. Бѣлыя ночи. Пустыя дачи.

Томъ IV. Гамбринусъ. Прапорщикъ армейскій. Осенніе цвѣты. Сентиментальный романъ. На глухарей. Какъ я былъ актеромъ. Черный туманъ. Мелюзга. Изумрудъ. Наталья Давыдовна. Господня рыба. Тостъ. Счастье. Демиръ Кая. Искусство.

Томъ V. На переломѣ (Кадеты). Олеся. Морская болѣзнь. Суламиѳь.

Томъ VI. Во славу живымъ и умершимъ. Шутки. Очерки и разсказы.

Томъ VII. По семейному. Леночка. Къ славѣ. Попрыгунья-стрекоза. Блаженный. Славянская душа. Искушеніе. Чужой хлѣбъ. Сказка. Въ трамваѣ. Лунной ночью. Бѣшеное вино. Королевскій паркъ. Счастливая карта. Психея. Первый встрѣчный. Кустъ сирени. Гранатовый браслетъ.

Томъ VIII. Брегетъ. Маріанна. Капризы. Забытый поцѣлуй. Безуміе. О томъ какъ профессоръ Леопарди ставилъ мнѣ голосъ. Марабу. Бѣлая акація. Столѣтникъ. Чудесный докторъ. Слонъ. Палачъ. На рѣкѣ. Въ звѣринцѣ. Бѣлый пудель. Лолли. Въ нѣдрахъ земли. Бѣдный принцъ. Мясо. Кляча. Полубогъ. Исполины. Начальница тяги. О комарѣ, Слонѣ и Верблюдѣ. Телеграфистъ. Мои сосѣди. Надъ землей. Страшная минута. Картина. Альза. Маленькія новеллы.

ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ ТОМЪ IX.

Цѣна каждаго тома въ обложкѣ работы **М. И. Соломонова**—1 р. 50 к., въ изящномъ полукожаномъ переплетѣ—2 р. 25 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

А. Купринъ.

ДѢТСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Съ иллюстраціями.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Александра Ивановича Эртеля.

въ 7-ми томахъ, около 170 печатныхъ листовъ, съ портретомъ автора (въ перв. томѣ), критико-біографической статьей **Ѳ. Д. Батюшкова** и предисловіемъ **гр. Л. Н. Толстого** къ роману „Гарденины".

СОДЕРЖАНІЕ:

Томъ I. Записки Степняка. Часть 1-я.
„ II. „ „ „ 2-я.
„ III. Волхонская барышня. Минеральныя воды.
„ IV. Двѣ пары. Бабій бунтъ. Жадный мужикъ. Карьера Струкова.
„ V. Гарденины. Часть 1-я.
„ VI. „ „ 2-я.
„ VII. Смѣна. Въ сумеркахъ. Пятихины дѣти. Духовидцы. Спеціалистъ. Восторги. Разговоръ.

Цѣна за всѣ 7 томовъ въ обложкѣ работы **И. Я. Билибина**—**10** р. въ изящныхъ полукожаныхъ переплетахъ—**15** р.

М. Арцыбашевъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. **Разсказы.** Паша Тумановъ. Купріянъ. Подпрапорщикъ Гололобовъ. Кровь. Бунтъ. Жена. Ужасъ. Ц. 1 р. 25 к.
Томъ II. **Разсказы.** Изъ подвала. Смерть Ланде. Тѣни утра. Кровавое пятно. Изъ записокъ одного человѣка. Богъ. Ц. 1 р. 25 к.
Томъ IV. **Разсказы.** Человѣческая волна. Милліоны. Ц. 1 р. 25 к.
Томъ V. **Разсказы.** Рабочій Шевыревъ. Сказка стараго прокурора. Старая исторія. Палата неизлѣчимыхъ. Братья Аримаѳейскіе. Смѣхъ. Изъ дневника одного замѣчательнаго покойника. Разсказъ о великомъ знаніи. Ц. 1 р. 25 к.

ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Томъ III. **Записки писателя.**

Обложка работы **И. Я. Билибина.**

Евгеній Чириковъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Чужестранцы. Чужестранцы. Инвалиды. Ц. 1 р. 25 к.

Провинціальная комедія. На дворѣ во флигелѣ. Иванъ Миронычъ. Марья Ивановна. Царь природы. Ц. 1 р. 25 к.

Плѣнъ страстей. Плѣнъ страстей человѣческихъ. Сказка жизни. На порогѣ жизни. Товарищъ. Соломонъ и Розалія. Передъ смертью. Баба. Сердянская республика. Волкъ. Миніатюры. Ц. 1 р. 25 к.

Тихій омутъ. Въ погонѣ за прогрессомъ. Что такое исправница. Злобы дня. Таланты и поклонники. Обыватель и микробы. Некому заступиться. Въ услуженіи. На окраинахъ. Балетъ въ пользу дома трудолюбія. Голосъ купца. Про мужиковъ. Объ единеніе сословій. Награда къ праздничкамъ. Разговоры. Врагъ внутренній. Юбилей Якова Ивановича. Инциденты. Развлеченія. О взяткѣ и ея эволюціи. Бей его, мерзавца! Доброе имя квартальнаго надзирателя. Дѣло о палкѣ съ набалдашникомъ. Захаръ Петровичъ. Народный театръ. Бѣдные дворяне. Обыватель и полиція. Сосуны. Гражданское мужество. Народные просвѣтители. Ученые обыватели. Орловская Коробочка. Бѣда съ мужикомъ! Либеральный директоръ. О воспитателяхъ. Театръ—школа народа. Подъ гнетомъ подозрительности. О родителяхъ и учителяхъ. Посвященіе русскому народу. Что такое—правда. Не суйся, куда не спрашиваютъ! Столпы уѣзднаго земства. О незамѣтныхъ труженикахъ земства. Гоненіе на книгу. Футлярные люди. Инженеры сухопутные. Батюшка съ матушкой. О „свѣтлыхъ явленіяхъ". Религіозное воспитаніе. Въ поискахъ за правосудіемъ. Лягушки. Одинъ въ полѣ воинъ. Радикальное средство. На родинѣ Некрасова. Провинціальная печать. Новая организація гласности. Престижъ власти. Въ сахарномъ королевствѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Юность. (Романъ). Ц. 1 р. 50 к.

Мятежники. Мятежники. Романъ въ клѣткѣ. Блудный сынъ. На порукахъ. Въ отставку. Ц. 1 р. 25 к.

Общественная драма. Евреи. Мужики. Домъ Кочергиныхъ. Ц. 1 р. 25 к.

Цвѣты воспоминаній. Сирень. Тяга. Кладъ. На козлахъ. Въ дорогѣ. Лушка. Водяной. На току. Русалка. Сосѣдка. Городокъ. Королевна. Эхо. Осенній сонъ. Сказка. Ц. 1 р. 25 к.

Иванъ Бунинъ.

Деревня. Ц. 1 р. 25.

Перевалъ. Перевалъ. Танька. Кастрюкъ. На хуторѣ. Вѣсти съ родины. На чужой сторонѣ. На край свѣта. Учитель. Байбаки. На Донцѣ. На дачѣ. Велга. Безъ роду племени. Поздней ночью. Антоновскія яблоки. Руда. Новая дорога. Сосны. Скитъ. Туманъ. Костеръ. Въ августѣ. Осенью. Новый годъ. Тишина. Надежда. Ц. 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Бѣденъ бѣсъ и др. разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

Стихи. (1903—1906). **Манфредъ**. Ц. 1 р. 50 к.

А. М. Ѳедоровъ.

ЖАТВА.

Жатва. Король мустанговъ. Актриса. Ледъ. Ц. 1 р. 25 к.

БУРУНЫ.

Долгъ. На зарѣ. Степанъ Стоговъ. Сказка. Судъ Соломона. Женщина. Съ матерью. Идолъ. Весенній день. Воспитаніе. Пѣвица. Человѣкъ. Ц. 1 р. 25 к.

КОРОЛЕВА.

Королева. Чудо. Птицеловъ. Любовь и смерть. Феноменъ. Змѣи. Чиновникъ. Коллега. Любовь. Стихи. Ц. 1 р. 25 к.
Ц. 1 р. 25 к.

ЗЕМЛЯ (романъ).
Ц. 1 р. 25 к.

ПРИРОДА (романъ).
Ц. 1 р. 25 к.

СТЕПЬ СКАЗАЛАСЬ.

РОМАНЪ.
Ц. 1 р. 25 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ

БАДЕРА.

РАЗСКАЗЫ.

В. Винниченко.

РАЗСКАЗЫ.

Томъ I. Моментъ. Невольникъ красоты. Глумленіе. Голытьба. Истинно-украинецъ. Нѣчто большее насъ. Купля. Странное происшествіе. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ II. Мелочь. Два эпизода. Записная книжка. Контрасты. Таинственный случай. Антрепренеръ Гаркунъ-Задунайскій. Кузь и Грыцюнь. Ц. 1 р. 25 к.

Обложка работы М. И. Соломонова.

А. Будищевъ.

СЪ ГОРЪ ВОДА.

Съ горъ вода. На красномъ холмѣ. Въ лѣсной избѣ. Петруша Рокомболь. Одуванчикъ. Шикаръ. Шари. Благополучіе. Портсигаръ. Черная топь. Ц. 1 р. 25 к.

Обложка М. И. Соломонова.

ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

СТРАШНО ЖИТЬ.

Страшно жить. Тата. Въ людской. Бѣсъ ревности. Долгъ совѣсти. Страшный фургонъ. Нервы. Въ городѣ. Игнатка. Глюглю. Голубая жирафа.

А. Кипенъ.

РАЗСКАЗЫ Т. I.

Метеорологическая станція. Шпіонъ. Вицъ. Запасный лафетъ. Бирючій островъ. Аграрный вопросъ. На берегу залива. Ливерантъ. Иже еси на небеси. Мга. Ц. 1 р. 25 к.

Обложка работы М. И. Соломонова.

Н. Крашенинниковъ.

МЕЧТЫ О ЖИЗНИ.

Лѣсной сторожъ. Меблированныя комнаты. Віолончель. Одичалые. Памятка. Конецъ купца Столѣтова. „Чижиково горе“. Тишайшій. Капитанъ Степановъ 2-й. Хуторъ Терехова. Анжелика. Жизнь Игнатія Ильича. Въ чужомъ городѣ. Ц. 1 р. 25 к.

БАРЫШНИ.

Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Анна Маръ.

НЕВОЗМОЖНОЕ.

Невозможное. На волю. Жена. Мертвые листья. Обычное. Вода. Вѣтеръ. Люля Бэкъ. Пріѣздъ Риты. Любовь. Двѣ. Горе. Ой бѣда! Одинъ день. Вербочки. Дурманъ. Ея сочельникъ. Янина. Голоса. За вышиваніемъ. Настроенія. Подруги. Исповѣдь. Женщина. Признаніе. Стаканъ кофе. Мертвое. Правда. Ц. 1 р. 25 к.

Обложка М. И. Соломонова.

З. Гиппіусъ.

ЧОРТОВА КУКЛА.

Ц. 1 р. 25 к.

Обложка работы М. И. Соломонова.

Н. Олигеръ.

РАЗСКАЗЫ.

Ночныя тѣни.—Вишни.—Заповѣдное.—Обреченные.—За штатомъ.—Разломъ.—Одинъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Семенъ Юшкевичъ.

УЛИЦА.

Цѣна 75 коп.

Н. Киселевъ.

МИРАЖИ.

Жестокость. Подъ одѣяломъ. Леночка. Мигъ единый. На зарѣ Темный домъ. У грани. Ошибка. Амариллисъ. Смерть. Марево.

Ц. 1 р. 25 к.

Обложка А. Ложкина.

Владиславъ Реймонтъ.

ВАМПИРЪ.

Переводъ **Е. Загорскаго.**

Обложка работы М. И. Соломонова.

Ц. 1 р. 25 к.

Томасъ Маннъ.

ЕГО КОРОЛЕВСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО.

РОМАНЪ.

Переводъ подъ редакціей **Г. Рачинскаго.**

Обложка работы М. И. Соломонова.

Ц. 1 р. 50 к.

КРУШЕНІЕ СЕМЬИ.

(БУДЕНБРОККИ).

Романъ, ч. I. Переводъ **Ю. Спасскаго,**

Ц. 1 р. 25 к.

Р. Киплингъ.

ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Переводъ **Н. П. А.** подъ ред. **И. Бунина.**

СОДЕРЖАНІЕ:

Книга первая. Возвращеніе Имрэя.—Могила предка.—Мостостроители.—На голодѣ.—Рикша съ того свѣта.—Трагикомедія.—Три солдата.—Дѣло рядового.—Среди отверженныхъ.—Лиспетсъ.—Безъ благословенія.—Всѣ мы трое—одно.—Въ шахтѣ.

Книга вторая. Въ городской стѣнѣ.—Близнецы.—Въ разливѣ.—Бизеза.—Начальникъ области.—Въ лѣсу.—Молодые сатрапы.—Въ проходѣ.—Пиратъ съ маяка.—На полицейскомъ посту.—Судъ Дунгары.—На краю пропасти.—Ревность орангъ-утана.—Ви Вилли Винки.—Бывшій человѣкъ.—Дочь полка.—Припадокъ рядового Ортериса.—Съ главнымъ карауломъ.—„Любовь женщинъ".—Исчезнувшій полкъ.—Ложь.

Обложки работы **И. Я. Билибина.** Цѣна кажд. тома **1 руб. 50 коп.**

Редьярдъ Киплингъ съ самыхъ первыхъ дней своего выступленія на литературномъ поприщѣ получилъ почетную извѣстность сначала въ Англіи, а затѣмъ скоро и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Эта извѣстность, съ выходомъ въ свѣтъ каждаго новаго его произведенія, распространялась все шире и шире, что и засвидѣтельствовало **присужденіемъ въ 1908 г. Р. Киплингу, на международномъ конкурсѣ современныхъ представителей изящной литературы, преміи Нобеля.**

Не преувеличивая можно сказать, что никто изъ современныхъ писателей не превзошелъ Киплинга въ яркости рисуемыхъ имъ картинъ и жизненности изображаемыхъ типовъ. Особенно характерными въ этомъ отношеніи являются тѣ изъ его произведеній, темы которыхъ взяты изъ англо-индійской жизни, но ошибочно было бы думать, что интересъ ихъ обусловливается только тою сказочною для европейца стороной природы Индіи и быта многочисленнаго населенія ея, которая до Киплинга почти исключительно и затрогивалась художниками печатнаго слова и кисти. Киплингъ первый заговорилъ объ Индіи реальной, будничной и потому имѣющей общечеловѣческое значеніе. Въ своихъ произведеніяхъ, на яркомъ фонѣ своеобразной обстановки англо-индійской жизни онъ далъ рядъ глубокихъ психологическихъ анализовъ духовнаго міра туземцевъ. Рядомъ съ этимъ съ неподражаемымъ искусствомъ, съ тонкимъ юморомъ, съ одной стороны и глубокой правдивостью съ другой, изобразилъ онъ и типы своихъ соотечественниковъ во взаимоотношеніяхъ ихъ съ коренными жителями страны.

Печатается книга третья.

Эльза Іерузалемъ.

КРАСНЫЙ ДОМЪ.

Романъ въ двухъ томахъ. Переводъ подъ редакціей **Я. Бермана.**

Обложка работы А. М. Арнштама.

Цѣна за оба тома 1 р. 75 к.

Анри Бернштейнъ.

ИЗРАИЛЬ.

Переводъ **Н. П. Корелиной** съ предисловіемъ **Г. А. Рачинскаго.**

Ц. 75 к.

Р. Фалькенбергъ.

ИСТОРІЯ НОВОЙ ФИЛОСОФІИ.

Переводъ и редакція прив.-доц. Моск. унив. *Д. Викторова.*
Съ шестого нѣмецкаго пересмотрѣннаго и дополненнаго авторомъ изданія. Цѣна 3 руб. 75 коп.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

Новый переводъ книги Фалькенберга представляетъ цѣнное пріобрѣтеніе для русской философской литературы. Отсутствіе хорошаго перевода этой книги давно уже являлось значительнымъ пробѣломъ въ ряду немногочисленныхъ русскихъ общихъ курсовъ по исторіи новой философіи, а достоинства самаго сочиненія заставляли чувствовать этотъ пробѣлъ съ особенной силой. При значительной ясности и простотѣ изложенія Фалькенбергъ даетъ почти всегда сознаніе того, что излагаемыя идеи труднѣе, сложнѣе и глубже, чѣмъ онѣ могутъ быть охарактеризованы въ изложеніи; отношеніе его къ чужимъ мыслямъ всегда осторожно, внимательно, вдумчиво, и это даетъ ему возможность учесть и указать читателю такіе оттѣнки и стороны системъ, которые или не замѣчаются, или просто отрицаются менѣе объективными изслѣдователями. Книга Фалькенберга есть прекрасное руководство для начинающихъ. Переводъ выполненъ хорошо, въ философскомъ отношеніи очень точно и ясно. Нѣсколько сдержанный и сухой языкъ нѣмецкаго оригинала вышелъ по-русски болѣе живымъ и изящнымъ..." „Русск. Вѣд." 17-го ноября 1909 г.

К. Марксъ.

КАПИТАЛЪ.

Первый полный переводъ подъ редакціей **В. Базарова и И. Степанова.** Общая редакція **А. Богданова.**

Томъ I (съ приложеніемъ алфавитныхъ указателей ко всѣмъ тремъ томамъ) . . .	Цѣна	**2 р. 75 к.**
„ II	„	**2 „ 50 „**
„ III часть I	„	**1 „ 75 „**
„ III „ II	„	**1 „ 75 „**

Въ трехъ изящныхъ полукожаныхъ переплетахъ **11 р. 50 к.**
Допускается разсрочка: при подпискѣ **1 р. 50** к. и ежемѣс. по **1 руб.**

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

„...но и въ 1905 г. второй и третій томы „Капитала" существовали на русскомъ языкѣ только въ явно негодномъ переводѣ Николая—она. Пробѣлъ этотъ взялись восполнить Н. Ленинъ, А. Богдановъ, В. Базаровъ и И. Степановъ... Они начали со второго тома и въ 1907 и 1908 годахъ выпустили второй томъ и оба выпуска третьяго. Скоро долженъ выйти и первый томъ... Я не свѣрялъ всѣ 1300 страницъ новаго перевода съ подлинникомъ, но я свѣрилъ достаточно мѣстъ, чтобы имѣть право сказать, что новый переводъ — вполнѣ серьезное, научное предпріятіе, выполненное, дѣйствительно, съ полной добросовѣстностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Чего-либо подобнаго невѣжественнымъ курьезамъ Николая —она здѣсь нѣтъ и слѣда. Попадаются, правда, неточности, но все это мелочи, неизбѣжныя при такомъ колоссальномъ трудѣ, какъ переводъ „Капитала", и не искажающія коренныхъ теоремъ автора. А переводъ Николая —она сплошь и рядомъ давалъ именно такое искаженіе..." **А. Изгоевъ** („Русская Мысль", августъ 1908 г.)

Душевная жизнь дѣтей.

БИБЛІОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГІИ.

подъ ред. прив.-доц. **Н. Д. Виноградова** и **А. А. Громбаха.**

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ „Московское Книгоиздательство" имѣетъ въ виду издать рядъ наиболѣе выдающихся сочиненій по дѣтской психологіи, принадлежащихъ иностраннымъ авторамъ и до сихъ поръ недоступныхъ значительной части русскихъ читателей.

Цѣль этихъ сочиненій—освѣтить внутренній міръ ребенка, прослѣдить развитіе его душевныхъ способностей, уяснить совершающіеся въ немъ процессы, поскольку это достигнуто современною наукою, т.-е. дать извѣстныя положительныя знанія, которыя помогутъ воспитателю понять душевную жизнь ребенка и, слѣдовательно, наиболѣе цѣлесообразно на нее воздѣйствовать.

ВСЕ ИЗДАНІЕ СОСТАВИТЪ 15 ТОМ., ВЪ КОТОРЫЕ ВОЙДУТЪ СЛѢД. СОЧИНЕНІЯ:

У. Друммондъ. Введеніе въ изученіе ребенка.

Книга Друммонда представляетъ собою, какъ показываетъ самое заглавіе — „Введеніе въ науку о дитяти". Въ очень доступной и интересной формѣ авторъ характеризуетъ различные методы изслѣдованія обѣихъ сторонъ дѣтскаго существа—физической и духовной, не забывая при этомъ указать на предосторожности, которыя необходимы въ этой сложной и тонкой работѣ. Какъ врачъ, авторъ удѣляетъ достаточно мѣста изученію біологическихъ основъ дѣтской психики, но онъ не игнорируетъ и высшихъ проявленій духа ребенка, останавливаясь на выясненіи роли и такого фактора въ жизни дитяти, какъ религія. Въ послѣдней части работы содержатся краткія указанія относительно различныхъ ненормальныхъ проявленій въ области дѣтской жизни.

Д. А. Колоцца. Дѣтскіе игры. Ихъ психологическое и педагогическое значеніе.

Эта работа профессора Палермскаго университета, какъ указываетъ ея подзаголовокъ, разбираетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій дѣтской жизни—игру—съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего здѣсь дѣлается попытка выяснить психологическое значеніе игры, прослѣдить ея возникновеніе и развитіе, опредѣлить ея роль въ общемъ строѣ душевной жизни ребенка. Затѣмъ игра разсматривается, какъ средство воспитанія, и авторъ, критикуя часто неразумное отношеніе взрослыхъ къ играмъ и игрушкамъ дѣтей, даетъ въ то же время нѣкоторые цѣнные положительные совѣты въ этой области. Средняя часть книги—„Игра въ исторіи педагогики" — представляетъ собою обзоръ мыслей, высказанныхъ по вопросу объ игрѣ крупнѣйшими мыслителями древняго и новаго времени.

Б. Перэ. Нравственное воспитаніе, начиная съ колыбели.

Терминъ „моральный" берется авторомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ наше понятіе „нравственный", и, благодаря этому, въ этомъ сочиненіи предлагается достаточно матеріала для характеристики самыхъ разнообразныхъ проявленій дѣтской психики. Авторъ разсматриваетъ послѣдовательно развитіе воли у ребенка, значеніе повиновенія, возникновеніе нравственныхъ привычекъ, роль чувствъ (обонянія, зрѣнія, слуха, осязанія, мускульнаго и температурнаго чувства) въ нравственномъ воспитаніи, а затѣмъ переходитъ къ высшимъ нравственнымъ

и безнравственнымъ) формамъ душевной жизни дѣтей. Здѣсь отдѣльныя главы посвящены вопросамъ о гнѣвѣ, страхѣ, инстинктѣ собственности, ревности, любопытствѣ, симпатіи къ людямъ и животнымъ, стыдливости, лжи, самолюбіи и пр.

М. О' Ши. Роль активности въ жизни ребенка.

Возставая противъ современной системы воспитанія, которая отводитъ главное мѣсто „знаніямъ", авторъ стремится показать, что бо́льшее значеніе имѣетъ для дѣтей собственное „дѣланіе". Только дѣлая что-нибудь, ребенокъ вполнѣ усваиваетъ различныя познанія—проповѣди этой истины посвящена книга О'Ши. Но способности ребенка къ различнымъ дѣйствіямъ развиваются въ опредѣленной послѣдовательности, и авторъ выясняетъ эту послѣдовательность, показывая въ то же время, какъ къ ней должно примѣняться обученіе.

А. Чемберлэнъ. Дитя. Очерки по эволюціи человѣка. (Въ двухъ томахъ).

Подобно Болдуину, и Чемберлэнъ разсматриваетъ развитіе ребенка въ связи съ развитіемъ человѣческаго рода. Но онъ подходитъ къ вопросу съ иныхъ сторонъ, и главы его книги трактуютъ о значеніи безпомощности въ младенческомъ возрастѣ, о смыслѣ дѣтскаго возраста и игры, о дѣтской рѣчи и дѣтскомъ искусствѣ, объ общихъ чертахъ у ребенка и дикаря, у ребенка и преступника, у ребенка и женщины.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода. (Въ двухъ томахъ).

Привести въ связь индивидуальное развитіе ребенка съ развитіемъ человѣческаго рода, объяснить первое послѣднимъ—такова задача этой книги. Авторъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ психологовъ, разсматриваетъ цѣлый рядъ проявленій душевной жизни ребенка—распознаваніе цвѣтовъ, движенія (въ частности, причины преобладанія правой руки), внушаемость, подражаніе, вниманіе и т. д. — и даетъ обстоятельный научный анализъ каждаго изъ нихъ.

Д. Болдуинъ, Духовное развитіе съ соціологической и этической точки зрѣнія. (Въ двухъ томахъ).

Это сочиненіе удостоено преміи Датскою Королевскою Академіею по докладу Г. Геффдинга. Здѣсь авторъ, опираясь въ значительной степени на выводы предшествующей своей работы, старается показать, какъ слагается въ ребенкѣ „соціальное существо", благодаря вліяніямъ окружающей среды. Поставленные и разрѣшаемые здѣсь вопросы находятся въ тѣсной связи съ важнѣйшими вопросами воспитанія, и такимъ образомъ книга Болдуина на ряду съ научной цѣнностью пріобрѣтаетъ также большое практическое значеніе.

М. Шиннъ. Записки о развитіи ребенка. (Въ двухъ томахъ).

Это—одна изъ немногихъ работъ, гдѣ вдумчивый психологъ излагаетъ свои систематическія наблюденія надъ жизнью ребенка. Миссъ Шиннъ слѣдила изо дня въ день за развитіемъ своей племянницы, начиная со дня рожденія послѣдней до трехлѣтняго возраста. Близость къ ребенку и естественное пристрастіе къ нему уравновѣшивались здѣсь серьезною научною подготовкою, которая заставляла автора строго отдѣлять дѣйствительные факты отъ того, что обычно склонны видѣть въ ребенкѣ любящіе взрослые. Въ этой объективности, которая учитъ познавать и понимать постепенно усложняющіеся процессы, происходящіе въ душѣ безсловеснаго вначалѣ, а затѣмъ лишь лепечущаго дитяти,—главное значеніе книги.

Б. Пэре. Дитя отъ трехъ до семи лѣтъ.

Въ настоящей работѣ авторъ разсматриваетъ тотъ періодъ, когда у ребенка вполнѣ сознательная жизнь начинаетъ преобладать надъ жизнью растительною. Здѣсь разбираются высшія формы умственной дѣятельности, воображеніе и отвлеченное мышленіе, разсматривается развитіе памяти и вниманія, эстетическихъ чувствованій и воли. Какъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, авторъ и здѣсь пользуется многочисленными примѣрами изъ дѣтской жизни, иллюстрируя и оживляя ими свое изложеніе.

С. Холлъ. Ранняя юность.

Вопросу о переходномъ или критическомъ возрастѣ посвящена эта работа, представляющая собою сжатое изложеніе (мѣстами измѣненное и дополненное) большого двухтомнаго труда того же автора. Сознавая всю важность этого возраста, требующаго особаго вниманія со стороны воспитателя, авторъ не ограничивается однимъ лишь сообщеніемъ чисто научныхъ данныхъ, но присоединяетъ къ нимъ практическіе выводы, вытекающіе для педагога изъ научныхъ положеній. Одну изъ главъ авторъ посвящаетъ спеціально дѣвочкамъ и ихъ развитію въ тотъ періодъ, когда въ нихъ начинаетъ формироваться женщина. Какъ и О'Ши, Холлъ настоятельно рекомендуетъ удѣлять много вниманія физическимъ упражненіямъ, и этотъ походъ противъ современнаго, преимущественно словеснаго обученія, составляетъ одно изъ существенныхъ достоинствъ его книги.

С. Холлъ. Сборникъ статей по психологіи дѣтства.

С. Холлъ — одинъ изъ первыхъ и наиболѣе ревностныхъ проповѣдниковъ той истины, что для руководства ребенкомъ необходимо прежде всего научиться его понимать. И Холлъ самъ много сдѣлалъ какъ для изученія психологіи дѣтства, такъ и для широкой популяризаціи знаній въ этой области. Имя его пользуется большой извѣстностью не только на его родинѣ, въ Америкѣ, но и въ Европѣ (собраніе статей Холла существуетъ въ нѣмецкомъ переводѣ), и ознакомленіе русскихъ читателей съ работами Холла нельзя не считать желательнымъ. Въ настоящій сборникъ войдутъ статьи американскаго психолога, печатавшіяся разрозненно въ періодическихъ изданіяхъ и касающіяся различныхъ сторонъ душевной жизни дѣтей, напримѣръ, дѣтской лжи, страха и т. д.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

У. Друммондъ. Введеніе въ изученіе ребенка. Ц. 2 р. **Д. А. Колоцца.** Дѣтскія игры, ихъ психологическое и педагогическое значеніе. Ц. 1 р. 50 к. **Б. Перэ.** Нравственное воспитаніе, начиная съ колыбели. Ц. 1 р. 50 к. **О'Ши.** Роль активности въ жизни ребенка. Ц. 1 р. 50 к. **А. Чемберлэнъ.** Дитя. Ч. 1-я. Ц. 1 р. 50 к. **А. Чемберлэнъ.** Ч. 2-я. Ц. 1 р. 50 к. **Д. Болдуинъ.** Духовное развитіе дѣтскаго индивидума и человѣческаго рода. Ч. 1-я. **Д. Болдуинъ.** Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода. Ч. 2-я. Ц. 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

С. Холлъ. Сборникъ статей по психологіи дѣтства. **Б. Перэ.** Дитя отъ трехъ до семи лѣтъ.

Условія подписки:

Подписная цѣна за 15 томовъ—**22 р. 50 к.** Въ изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ—**31 руб. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:** при подпискѣ **2 рубля** (безъ переплет.—**1 р. 50 к.**) и ежемѣс. по **1 руб. 50 к.** **Вышедшіе томы доставляются немедленно,** остальные — по мѣрѣ выхода.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Фридриха Ницше

подъ общей редакціей профес. **Ѳ. Зѣлинскаго, С. Франка, Г. Рачинскаго и Я. Бермана.**

При сотрудничествѣ: **Андрея Бѣлаго, В. Я. Брюсова, Т. Б. Гейликмана, Е. К. и А. К. Герцыкъ, М. О. Гершензона, Вячеслава Иванова, И. А. Ильина, Л. С. Мееровича, Э. К. Метнера, А. С. Петровскаго, С. Л. Роговина** и др.

„Московское книгоиздательство", желая пойти навстрѣчу давно назрѣвшей среди русской читающей публики потребности, предприняло изданіе на русскомъ языкѣ полнаго собранія сочиненій великаго нѣмецкаго философа-поэта. Оно рѣшило дать всѣмъ интересующимся творчествомъ Ницше, но не имѣющимъ возможности изучить его сочиненія въ подлинникѣ, образцовый, наиболѣе близкій къ оригиналу переводъ, для чего привлекло къ участію въ переводной работѣ лучшія литературныя и научныя силы, преимущественно изъ числа писателей, занимавшихся спеціально изученіемъ Ницше.

Задавшись цѣлью, по мѣрѣ возможности, облегчить русскому читателю задачу изученія твореній Ницше, издательство нашло цѣлесообразнымъ воспроизвести на русскомъ языкѣ не только сочиненія Ницше, законченныя и изданныя при жизни автора, но и важнѣйшія изъ оставшихся въ рукописяхъ работъ его, а также почти весь библіографическій матеріалъ, данный въ нѣмецкомъ изданіи фирмы C. G. Naumann въ Лейпцигѣ; **кромѣ того, изданіе будетъ пополнено оригинальными статьями, объясненіями, комментаріями и т. д., написанными для русскаго изданія спеціалистами**, въ послѣднемъ же томѣ будетъ дана **біографія** Ницше, составленная на основаніи всѣхъ опубликованныхъ до настоящаго времени матеріаловъ.

Все изданіе составитъ **десять роскошныхъ томовъ** (около 5000 стр. текста) съ приложеніемъ портретовъ Ницше, факсимиле его рукописей, видовъ мѣстностей, гдѣ онъ жилъ и пр.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Томъ I-й. **Рожденіе трагедіи** и др. Пояснительныя статьи: проф. Ѳ. Зѣлинскаго, Е. Фёрстера-Ницше. Ц. 3 р. 50 к. Томъ II-й. **Несвоевременныя размышленія. Мы филологи.** Пояснительныя статьи: Е. Фёрстеръ-Ницше, Э. Метнера, С. Франка. Ц. 3 р. Томъ III-й. **Человѣческое, слишкомъ человѣческое. Отдѣльныя замѣчанія о культурѣ, государствѣ и воспитаніи.** Указатель афоризмовъ. Пояснительныя статьи: Е. Фёрстеръ-Ницше, С. Франка. Ц. 3 р. Томъ IX-й. **Воля къ власти.** Пояснительныя статьи: Е. Фёрстеръ-Ницше, Г. Рачинскаго. Ц. 3 р.

Цѣна каждаго тома въ роскошн. полукож. переплетѣ по рис. А. М. Арнштама на 1 руб. дороже.

ПЕЧАТАЮТСЯ: Томъ IV-й. **Человѣческое, слишкомъ человѣческое. II. Статьи о Рихардѣ Вагнерѣ.** Томъ V-й. **Утренняя заря.** Взглядъ на прошлое и будущее народовъ. ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ: **Такъ говорилъ Заратустра**, въ пер. Вячеслава Иванова, и др. томы.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА:

За 10 томовъ безъ переплета—30 р. Въ десяти роскошныхъ полукожаныхъ переплетахъ—40 р. РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 р. 50 к. (безъ переплетовъ—1 р. 50 к.) и ежемѣсячно 1р. 50 к.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

...Мы получимъ, наконецъ, такое собраніе сочиненій Ницше, какого заслуживаетъ этотъ своеобразный властитель думъ очень недавняго прошлаго. Судя по первому вышедшему тому (второму), внѣшность новаго изданія будетъ болѣе чѣмъ безукоризненной: думаю, печать, портреты—все это высоко подымается надъ уровнемъ, обычнымъ на нашемъ книжномъ рынкѣ. Видна любовная редакторская рука, которая переноситъ въ русское изданіе все то, что собрали критическая и комментаторская литературы о Ницше на его родинѣ. Участіе въ редакціонномъ комитетѣ такихъ заслуженныхъ именъ, какъ проф. Ѳ. Зѣлинскій и С. Франкъ—даютъ право надѣяться, что крайняя тщательность, проявленная въ первомъ выпускѣ, не оставлена будетъ до конца изданія.

„Въ Мірѣ Искусствъ" № 10—12, 1909 г.

Прекрасную задачу поставило себѣ „Московское Книгоиздательство", рѣшивъ издать на русскомъ языкѣ въ надлежащемъ переводѣ полное собраніе сочиненій Ницше. Потребность въ такомъ переводѣ давно уже назрѣла. До сихъ поръ русскій читатель, интересующійся творчествомъ Ницше, принужденъ былъ пользоваться большею частью убійственнымъ переводомъ гг. Антоновскаго, Арс. Введенскаго и Васильева (изд. Клюкина). Русскіе переводчики не только не передавали намъ характерныя особенности этого поистинѣ художника и мастера слова, но, что еще ужаснѣе, — нерѣдко искажали смыслъ его рѣчи. А вѣдь кто, кромѣ Ницше, такъ бережно, съ такой любовью относился къ каждому своему слову, кто еще умѣлъ такъ тонко въ словахъ передавать состояніе души человѣческой, ея интимнѣйшія и сокровенныя тайны? Свои мысли, настроенія и эмоціи Ницше всегда облекалъ въ художественную форму—форму афоризмовъ. Онъ придавалъ огромное значеніе стилю, ибо „стиль долженъ жить". Предлагаемый вниманію читателей 2-ой томъ изданъ образцово.

„Кіевскія Вѣсти", 6/XI 1909 г.

Рихардъ Авенаріусъ.

О ПРЕДМЕТѢ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ **И. Маркова.** Ц. 60 к.

Бенно Эрдманнъ.

НАУЧНЫЯ ГИПОТЕЗЫ

о душѣ и тѣлѣ.

Переводъ **Н. Н. Вокачъ** и прив.-доц. Моск. Унив. **И. Ильина.** Ц. 1 р.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Вильгельмъ Вундтъ.

ОЧЕРКИ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ прив.-доц. Моск. Унив. **Д. Викторова.**

В. Іерузалемъ.

УЧЕБНИКЪ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ съ четвертаго нѣмецкаго изданія подъ редакціей прив.-доц. Моск. унив. **Д. В. Викторова.**

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

Русская научно-популярная литература богата пособіями по психологіи, оригинальными и переводными, разсчитанными на читателей различной подготовки. Если мы, тѣмъ не менѣе, рѣшаемся предложить вниманію преподавателей философской пропедевтики переводъ новаго учебника, то это оправдывается выдающимися достоинствами, присущими пропедевтическому курсу проф. **В. Іерузалема.**

Первое изданіе этого учебника вышло въ оригиналѣ въ 1888 году. Появленіе третьяго, заново переработаннаго изданія было отмѣчено очень сочувственно въ спеціальномъ психологическомъ органѣ Zeitcshrift für Psychologie (кн. 32); четвертое изданіе одобрено австрійскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и въ настоящее время принято во многихъ австрійскихъ гимназіяхъ.

Авторъ не примыкаетъ односторонне къ какой-нибудь психологической школѣ. Въ основу своего изложенія онъ кладетъ лучшіе курсы признанныхъ авторитетовъ психологіи и многочисленныя монографіи, стремясь использовать болѣе или менѣе равномѣрно всѣ источники психологическихъ знаній. Отправляясь отъ показаній самонаблюденій, онъ приводитъ данныя физіологической экспериментальной психологіи, психопатологіи, сравнительной психологіи и лингвистики. Отвлеченныя положенія поясняются многими наглядными примѣрами изъ классиковъ міровой литературы. Разсматривая психологію, какъ опытную науку, авторъ знакомитъ съ элементарными законами душевной жизни и поступаетъ совершенно правильно въ педагогическомъ отношеніи, не входя въ обсужденіе сложныхъ метафизическихъ проблемъ. Изложеніе отличается ясностью и простотой.

И въ научномъ и въ дидактическомъ отношеніи учебникъ проф. **В. Іерузалема** могъ бы служить и, дѣйствительно, послужилъ образцомъ для позднѣйшихъ учебниковъ философской пропедевтики. Мы позволимъ себѣ высказать надежду, что предлагаемое нами руководство найдетъ себѣ доступъ въ нашу школу и будетъ содѣйствовать освѣженію и углубленію преподаванія философской пропедевтики.

Стр. VII+300.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ОБЪЕДИНЕНІЯ БИБЛІОТЕКА И. К. П.

Я. Берманъ.

Діалектика въ свѣтѣ современной теоріи познанія.

Содержаніе: Діалектика у Маркса, Энгельса и Дицгена.—Діалектика у Гегеля. — Діалектическія схемы. — Діалектика и эволюція.

Цѣна 1 р. 25 к.

ТИПОГР. В. И. ВОРОНОВА, МОСКВА.

Цѣна 1 р. 50 к.